

XXI ВЕК

ВОЛГА

9-10 2014

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Демченко – доктор филологических наук, профессор СГУ им. Н.Г. Чернышевского (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Новокуйбышевск)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей
И.В. Пырков – член Союза писателей России (Саратов)
Н.В. Шаталина – член Союза журналистов России (Саратов)

САРАТОВ
2014

9-10
2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД

Светлана СУПРУНОВА. **Столько света в приюте убогом...** 3

ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА

Александр РЫЖОВ. **Барабан работы Страдивари** 9

ПОЭТОГРАД

Юрий ПЕРМИНОВ. **Бессмертны мама, Пушкин и Россия...** 72

СТАТЬИ

Вячеслав ЛЮТЫЙ. **В центре земли**
Русское бытие в поэзии Юрия Перминова 77

ОТРАЖЕНИЯ

Андрей ФРОЛОВ. **Египтянка** 85

ПОЭТОГРАД

Александр ЛЮЛИН. **Две женщины** 92

СТАТЬИ

Ефим ВОДОНОС. **«Быть сознательной борьбой
за преобладание подлинного искусства»** 96

В МИРЕ ИСКУССТВА

Евгений Левашев: **«Музыка — самый сильный орнамент»** 113

САРАТОВСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Вадим ЗЕМНОЙ. **По дорогам славы** 124

ОСТАНЕТСЯ МОЙ ГОЛОС

Андрей РОМАНОВ. **Любовь моя, победных дней подруга...** 130

Андрей МАКОВЕЙЧУК. **На родном перекрёстке** 134

КАМЕРА АБСУРДА

Фёдор САМАРИН. **Строфокамилово яйцо** 137

РЕЦЕНЗИИ

Михаил МУЛЛИН. **«Слово о полку Игореве», обращённое к нам** 154

Александра БАЖЕНОВА. **«Гром небесный»**. О стихах Игоря Ляпина 158

Елена СТЕПАНОВА. **Мгновения прошлого** 159

ЮБИЛЕЙ

Герман КИРИЛЛОВ. **Лермонтов и время** 161

Адриано дель'АСТА. **Религиозность в творчестве М.Ю. Лермонтова** 173

Николай СЕРАФИМОВ. **Поединок Лермонтова у Перкальской скалы** 178

Виталий СЕРКОВ. **«По небу полуночи ангел летел...»** 189

**Светлана
СУПРУНОВА**

СТОЛЬКО СВЕТА В ПРИЮТЕ УБОГОМ...

***

Всё просто: встретить на пути
Дубок, и выдохнуть без фальши,
И не мешать ему расти,
Идти своей дорогой дальше.

С корзиной в чашу углублюсь,
Грибы – заняты непустое,
«Ау!» – услышу, отзовусь,
И вот в лесу уже нас двое.

То снег, то дождь, а я о том,
Что память вовсе не остыла,
Позвать бы всех в притихший дом,
Кого люблю, кого любила.

Сесть у стола и всё простить,
Поговорить бы нам о многом,
И если не с кем говорить,
То остаётся – только с Богом.

***

Справа речка, а слева опушка,
А грибов-то – под каждым кустом.
Деревянная мокнет церквушка
Под холодным осенним дождём.

-
- Светлана Вячеславовна Супрунова родилась в 1960 году во Львове. После окончания Ленинградского медицинского училища работала медсестрой в хирургическом отделении Нестеровской районной больницы Львовской области. В 1985 году по направлению военкомата уехала в Афганистан, в медсанбат в провинции Баграм. Вернувшись через три года, поступила в Калининградский государственный университет на филологический факультет, параллельно училась в Литературном институте им. М. Горького на заочном отделении. С 1995 по 2000 год проходила воинскую службу в Таджикистане, затем девять лет работала старшим литературным редактором в издательстве «Янтарный сказ» (г. Калининград), в настоящее время – начальник редакции научного журнала Калининградского государственного технического университета. Печаталась в отечественных и зарубежных изданиях. Лауреат многих международных конкурсов. Член Союза писателей России, автор четырёх поэтических сборников. Живёт в Калининграде.

Скрипнет дверь, запоют половицы,
И ни певчих, ни благостных лиц,
На стенах из журнала страницы,
И святые глядят со страниц.

Я таких не видала окраин,
Позолота нигде не блеснёт,
И в поношенной рясе хозяин
В одиночестве службу ведёт.

Спозаранку молебен читает
За страну и за завтрашний день,
Уж не крестит, а всё отпевает
Поколенья глухих деревень.

Всё едино – дожди, завируха,
Эту древнюю дверь отопрёт.
Приблудится, бывает, старуха
И свечу, как на память, зажжёт.

Столько света в приюте убогом,
Что, теряясь, почти не дыша,
Прослезится от близости с Богом
Непутёвая чья-то душа.

***

Всюду, и в холод, и в зной,
В белом платочке, убогая,
Всё семенила за мной,
Словом обидным не трогая.

Мне бы на берег другой...
Села я в лодку забытую.
Слышу её: «Я с тобой»,
Слышу тоску неприкрытую.

Землю промыли дожди
И завалило сугробами.
«Буду теперь впереди», –
И повела меня тропами.

Шли средь болота и ржи.
Сколько исхожено, пройдено!
«Кто ты, бабуся? Скажи». –
«Родина, девонька, родина».

Стольких пришлось потерять
В эту шальную погоду.
«Буду ль кого вспоминать?» –
«Родину, девонька, родину».

Только и дел: дорожить
Тропкой последней, непройденной.
«Чем до скончания жить?» –
«Родиной, девонька, родиной».

***

Тишины бы в округе такой,
Чтобы слышать на ветке сороку,
Как врезается лодка в осоку,
Возвращаясь на берег другой.

Чтобы слышать за вёрсты пургу,
Как в полях оседают туманы,
Как швыряет листву на поляны
Этот ветер, влетевший в тайгу.

Слышать всё бы, до дальних морей,
Не проникшись ни счастьем, ни горем,
Слышать даже, как где-то за морем
По тропинке бежит муравей.

Тишины бы до самой луны...
Я на небо глаза поднимаю,
Но, проснувшись, опять понимаю:
Не бывает такой тишины.

ПАМЯТИ МИХАИЛА АНИЩЕНКО

*Забудь слова, приметы, лица
И, счёты с миром не сводя,
Попробуй взять и раствориться
В холодных капельках дождя.*

Михаил Анищенко

Чей взгляд придирчивый заметил,
Что дождь с утра заморосил
И что задул сильнее ветер? –
Ты уходил, ты уходил...

Всего три шага до погоста,
Но, не довольствуясь крестом,
Наверно, это очень просто:
Дождинкой стать и стать листом.

Не предъявить претензий миру –
Пусть за тебя он всё решит –
И, в старый шкаф спрятав лиру,
Уйти без всяческих обид.

Земля зовёт, почти не дышит.
На свежий холм перекрещусь.
Россия ничего не слышит,
Но, рот зажав, рыдает Русь.

***

Всё из сердца вынуть: власть и деньги,
Сил не дать на каждый гневный жест.
Потихоньку, по одной ступеньке,
Человек спускается в подъезд.

Ветер двери распахнёт, как гостю, –
Мол, входи, ступай на этот снег.
Новый шаг ощупывает тростью
И выходит к ветру человек.

От лекарств уставший и советов,
Он идёт под пологом небес
В этот мир, без скучных кабинетов,
Где не ждёт казённый «мерседес»,

Где ручьи, лишайники и клёсты
И души прибавлено на треть,
Где ночами высеяны звёзды
И на звёзды хочется смотреть.

***

В пути – светло, в пути – покой.
Старушка, помолившись Богу,
Меня дрожащею рукой
Перекрестила на дорогу.

Меня возили поезда,
Моталась я куда попало,
Летела, шла, и мне всегда
Дорог российских не хватало.

Так и жила – на стороне,
И песни слушала чужие,
Старушка же писала мне
Про хворь свою и сны плохие,

Что тягостно в доме одной
И нелегко ей без подмоги,
Что носят пенсию домой –
До почты не доходят ноги,

И что не выйти в старый сад,
А уж куда там по сугробам.
Что жизнь и есть тот самый ад.
А есть ли дивный рай за гробом?

***

Падает снег за окошками низкими,
Плавают яблоки в кадке мочёные.
Были мы дальними, стали мы близкими –
Полосы белые, полосы чёрные.

Слева заброшено, справа не кошено,
И по обочинам ягоды спелые.
Словно тельняшка мне под ноги брошена –
Полосы чёрные, полосы белые.

Как беспризорные ветры шатаются,
Чувства нездешние, мысли безродные.
Чёрные полосы часто сливаются
В реки широкие, реки холодные.

Боль не уляжется, боль не отвяжется,
Страшно от грая ворон оголтелого,
И не доплыть мне до берега, кажется,
Дальнего-дальнего, белого-белого.

***

Затяну потуже поясок,
Мелочь звякнет как-то виновато.
Тряпками набить бы кошелёк –
И легко поверить, что богата.

Отмахнуться от тяжёлых дум,
Снова знать, что дома будет ужин,
Коль богата, то придёт на ум,
Что замок в прихожей всё же нужен.

И поверить в преданность дорог,
Примоститься бы на верхней полке,
Пусть бы запах водки и шумок –
Всё о жизни нашей разнотолки.

Будто бы семейство за столом
Собралось со всех околиц света.
Буду слушать, и обдаст теплом,
Что и по тебе скучают где-то.

Мне бы сесть в какой-нибудь вагон,
И пускай пропажи не заметят,
Угадать бы поезд и перрон
И не растеряться, если встретят.

ЁЛКА

Её упрячут до поры,
Потом достанут из кладовки
И разноцветные шары
Возьмут из старой упаковки.

В огнях мерцающих она
Который год по две недели
Стоит всё так же у окна,
Глядит на звёзды и метели.

А за окном привычный вид,
А за окном другая ёлка –
Без мишуры и не блестит,
И пахнет каждая иголка.

Синица прыгает легко,
Стряхнула с ветки снег звенящий.
Так близко всё – и далеко
До ёлки этой настоящей.

***

Всё будет, наверно, как прежде:
Я в комнату робко войду
И, в новой копясь одежде,
Красивое платье найду –

Всё белое, в мелкий горошек,
Я буду как в белом дыму,
И мне не отбиться от кошек –
Я каждую в руки возьму.

А к вечеру туча прибьётся,
И к ночи начнётся гроза,
Уставшая бабка вернётся
И дочери глянет в глаза,

И, ссору учуяв, поддакнет,
С бельём заспешит на чердак,
А мать, похмелившись, обмякнет
И сунет мне старый пятак.

Все годы путёвой купчихой
Я буду копить пятаки –
На домик у заводи тихой
И долгую нежность строки.

А платье? – сниму виновато,
И бабка одёжку с тоской
До праздника спрячет куда-то.
А будет ли праздник какой?

**Александр
РЫЖОВ**

БАРАБАН РАБОТЫ СТРАДИВАРИ

*Автор считает своим долгом заметить,
что все изложенные ниже события
рождены писательским воображением
и возможные попытки отдельных
дотошных читателей провести аналогии
с действительностью обречены на неудачу.*

ПРОЛОГ

Я – журналига. Это слово – со всеми наполняющими его грубостью, пренебрежением и презрением – наиболее точно определяет род моих занятий и моё положение в обществе. Журналига – не просто профессия, не просто принадлежность к определённому виду деятельности, это – клеймо, тавро, выжженное на коже изгоя, знак самой ничтожной из каст.

ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ ЖУРНАЛИСТ...

Просьба не путать журналигу и журналиста. Это всё равно что спутать землю и небо. Журналист – ста-

-
- Александр Сергеевич Рыжов родился в 1974 году в г. Оленегорске Мурманской области. Окончил Санкт-Петербургский университет. Работает в различных жанрах: поэзия, документалистика, литературная критика, фантастика, историческая и приключенческая проза, психологические гротески, кинодраматургия. Автор восемнадцати книг, девять из которых вышли в крупных московских издательствах, многочисленных публикаций в газетах и журналах Мурманской области, Карелии, Поволжья. Лауреат премии Баева-Подстанничкого (1996) и премии губернатора Мурманской области за особый вклад в развитие культуры и искусства (2006). В 2008-м году в рамках Всероссийского конкурса «Читают все!», проводимого газетой «Книжное обозрение», признан лучшим журналистом года. Член Союза писателей России.

тус привилегированный. Журналист – это тот, кто всегда на виду, кто на официальных приёмах и эстрадных тусовках выглядывает из-за спин политиков и звёзд сцены, стараясь одновременно хранить на лице подобострастие по отношению к тем, кого он, собственно, «пасёт», и надменность, обращённую к простым смертным, коим и не снилась такая честь, какая оказана ему. Журналист – это тот, кто имеет возможность щегольнуть знакомством со знаменитостями (пусть даже это знакомство ограничивается одним-единственным когда-то взятым у знаменитости интервью, о котором она, знаменитость, давно уже позабыла). Это тот, кто, сидя с друзьями в ресторане, нарочито небрежным жестом достаёт бумажник и будто бы случайно роняет на стол пропуск в Кремль или бэйджик с Венецианского кинофестиваля. Это тот, кто, отработанными движениями растолкав свиту Димы Билана, суёт к его носу навороченный диктофон и скороговоркой, пока не успели оттереть, но при этом уверенно и громко – чтоб все слышали и приняли к сведению! – произносит: «Димуля, вы, КОНЕЧНО, меня узнали, вы отвечали на мой вопрос после выступления на «Евровидении...» Журналист – это тот, кто громит Оксану Робски, потому что лучше неё знает, что на самом деле творится на Рублёвке. Он вообще знает всё гораздо лучше всех. И щедро делится своими знаниями с непросвещённой аудиторией в статьях и телерепортажах.

Журналист – это элита. Каждый плевок в его сторону оборачивается грандиозным скандалом, каждый отрицательный отзыв о его работе оборачивается информационной облавой на незадачливого критика, причём в облаве принимает участие целый сонм столь же элитных коллег «пострадавшего», для которых эта свара не только лишний повод продемонстрировать свою корпоративную принципиальность, но и способ показать потенциальным противникам, что шутки со свободной прессой плохи.

При этом кажется, будто нет человека несчастнее, чем журналист. Его костерят пугачёвы и киркоровы, ему достаётся от охранников VIP-персон, он по двенадцать часов выстаивает у тюремного крыльца, чтобы подробнейшим образом зафиксировать, сколько именно баночек с прокисшей сметаной будет брошено из толпы в выпущенного на волю Мавроди. Журналист рискует всегда и везде, даже если присутствует на какой-нибудь безобидной музейной выставке. Он всегда подчёркивает, что риск – неотъемлемая часть его благородной профессии, и весьма колоритно повествует о своих приключениях, порою даже забывая об основной сюжетной линии. Без этих леденящих душу описаний, без красочного показа страданий своих сотрудников не может обойтись ни одно уважающее себя средство массовой информации. Это тот непереманный соус, которым щедро поливаются подаваемые на стол блюда. Возможно, клиент – читатель, зритель, слушатель – вполне мог бы обойтись и без острой приправы, но всё дело в том, что удовольствие должен получить не только потребитель, но и изготовитель. Так что простим журналистам их маленькую слабость.

(Здесь, разумеется, не идёт речь о репортёрах, работающих в так называемых горячих точках и рискующих во время репортажей получить пулю. Это совершенно особая когорта представителей СМИ, вызывающая у меня искреннее уважение. Но разговор, повторяю, не о них – поставщиках окопной правды.)

Журналиста легко распознать: слишком много противоречивых признаков сочетается в его внешности и поведении. Он тороплив и в то же время степенен: без торопливости просто невозможно не выпасть из рабочего ритма, а степенность – она как раз и указывает на принадлежность обладателя данного диктофона и записной книжки к элитному подразделению. В общении он крайне непоследователен: вслед за вопросом – как собеседник относится к творчеству нобелевского лауреата Эчегарая-и-Эйсагирре – может безо всякого перехода поинтересоваться, какая из песен неподражаемой группы «БандЭрос» нравится интервьюируемому больше других. Но самая яркая, отличительная черта журналиста – сугубо избирательный подход к людям. Он не станет говорить больше двух минут с человеком, который не входит в сферу его профессиональных интересов. Самое смешное, что особы, которые в эту сферу входят, как правило, сами общаются с прессой не дольше двух минут. Исключение делается только ввиду хорошего настроения либо с подсказки продюсера и руководителя протокола.

Журналист понимает свою исключительную роль в современном обществе. Он знает, что именно с его подачи любое, даже преувеличенное событие превращается в сенсацию, во вселенское явление, рядом с которым всё, что воистину значимо, покажется ничтожной мелочью. «Юля Меньшова села на строгую диету!..», «Жигунов снова поссорился с Заворотнюк!..» И даже если по телевизору вы не смотрите ничего, кроме новостей, и фамилии означенных персон ничего вам не говорят, вы всё равно будете втянуты в круговорот закулисных страстей и помимо воли захотите узнать, по какой же именно системе худеет неведомая вам Меньшова и какие конкретно обвинения бросал в припадке гнева своей возлюбленной некий Жигунов.

...ОТ ЖУРНАЛЮГИ

Журналюга, в отличие от журналиста, создание забитое и безропотное. Это тягловая лошадь провинциальной прессы, до которой никому нет дела. Самой провинциальной, какая только возможна. Вы держали когда-нибудь в руках газету, выпускаемую в столь захолустном районе, что его и на областных картах не всегда отыщешь? А знаете ли вы, как и кем эта газета делается? Если да, то вы понимаете, о чём я говорю. Если нет, то вы откроете для себя много нового. Автор этой книги предлагает вам заглянуть в трущобы отечественной журналистики, о которых наши благополучные собратья по перу (хотя считают ли они нас братьями? – для них такое родство было бы унижительным) если и имеют представление, то довольно смутное. В этих трущобах царят пещерные законы, и всяк попав-

ший туда должен оставить надежду на дальнейшее развитие своей высокоинтеллектуальной личности. Угодив в болото провинциальных СМИ, он обречён на деградацию – отныне он будет только тупеть, превращаться в автомат для производства газетных строк. Поверьте, это страшно. Гораздо страшнее, чем бранное слово из пяти букв, услышанное в свой адрес из уст Киркорова. Я открою вам тайну: журналюга с радостью отдал бы месячную зарплату за шанс попасть даже не в центр, а хотя бы на периферию какого-нибудь звёздного скандальчика. Но поп-короли не судятся с журналюгами из-за розовых кофточек и не вырывают у них из рук фотокамер. Быть рядом с королями и получать от них тумачи – привилегия журналистов.

Журналюга, пристёгнутый наручниками к крошечной газетке тиражом в каких-нибудь полторы-две тысячи экземпляров, – это низший класс творческого работника. Ниже некуда. Он не пользуется никаким авторитетом, местные царьки шпыняют его по поводу и без, а за пределами родного городка его имени уже никто не знает. Его могут иногда пригласить на региональный «Бал прессы», устраиваемый обыкновенно в начале года по случаю празднования Дня российской печати, но и там он должен знать своё место.

На губернаторской пресс-конференции он ещё может, набравшись наглости, встать и задать первому лицу субъекта Федерации свой вопрос, но сразу поймает на себе саркастические ухмылки раскованных ребят из областных газет и телерадиокомпаний. Эти ребята по отношению к нему – тоже элита, и потому они, не стесняясь, дадут ему понять, что он сморозил явную глупость. Сами же они могут нести полную бессмыслицу и прямо-таки расцветают, слыша добродушный, с нотками нарочитой фамильярности ответ Первого Лица: «Ну нет, Жора, тут ты немного не прав...»

Журналюг губернатор не называет по именам – не потому что он такой плохой, а потому, что он этих имён чаще всего не знает. Да и откуда ему их знать? Вокруг него всегда вьётся корреспондентская братия попримичнее каких-то писак из глубинки. Эта братия получает информацию (а заодно и барские милости) из первых рук, и не в её интересах подпускать к телу конкурентов. Сделать это нетрудно: журналюги приезжают и уезжают, а придворные журналисты остаются. Они всегда рядом, всегда наготове.

«Бал прессы» – единственная, если не считать экстренных случаев, возможность для журналюги почувствовать единение с товарищами по цеху. Но журналюгу не обманешь: он прекрасно знает, что никакого единения нет. Он чужой на этом празднике жизни. Когда закончится пресс-конференция и её участники шумной толпой завалят в арендованный областным правительством ресторан (надо же показать, как власти любят прессу!), журналюги будут одиноко сидеть за своими столиками, никем не узнаваемые и всеми игнорируемые. Если журналюга, готовый выть от скуки среди всеобщего веселья, подойдет к столику, за которым сидит такой же отшельник, то наткнется на пронзительно-тоскливый взгляд, и ему станет совсем гадко. Если же он, отбросив гордость, попытается присоединиться к «старшим братьям», его примут с показным радушием, нальют вина, покровительственно

похлопают по плечу и мгновенно забудут. Посидев в такой компании с четверть часа, он вернётся за свой сиротливый столик и даст себе слово никогда больше не ездить на подобные сборища.

Но – чу! – по залу движется губернатор. За плечом у него пресс-секретарь и по совместительству денщик. Этот последний – выходец из глубинки. Журналиюга в юности знал его как облупленного, но журналиюге не повезло – увяз в трясине, а этот, гляди-ка, выбился в люди. Теперь в присутствии начальства он здоровается с журналиюгой лишь лёгким кивком, а то и вовсе не здоровается, всем видом показывая, что находится при исполнении священных обязанностей. Только где-нибудь в курилке он может ещё по привычке выразить восторг, пожать журналиюге обе руки, но этот восторг моментально сменяется деловитым поглядыванием на часы («Извини, старик, дела!»), многозначительным подмаргиванием и стремительным исчезновением.

Губернатор движется по залу, со всех сторон шелестит верноподданническое: «Здравствуйте, Юлиан Алексаныч!», «Спасибо, Юлиан Алексаныч!», а он, изо всех сил стараясь быть демократичным, запросто откликается: «Привет, Юра!», «Привет, Петруха! Читал твою писанину вчера в «Губернском вестнике». Ничего, резковато малость, но так уж и быть, ради праздника прощаю...» И шутиво грозит виновику пальцем. А тот, пунцовый от счастья (как же – *Сам* во всеуслышание назвал его статью *резковатой*, всё равно что медаль перед строем вручил!), тянется к губернатору с рюмкой. Слышится радостный звон, все счастливы. Показательный момент: братание прессы и власти.

Если у губернатора есть время, он пройдёт вдоль всех столиков и случайно зацепится взглядом за скучающего журналиюгу. Денщик в ответ на незаданный вопрос что-то быстро шепнёт на ухо шефу, и тот, как истинный демократ, направит свои стопы к позабытому гостю. «Как дела, дружище? Чего грустим?» – тоном хлебосольного хозяина промолвит он. Но у журналиюги даже не будет времени, чтобы подняться ему навстречу: из-за «придворных» столиков тотчас раздадутся нетерпеливые возгласы, и губернатор, опустив протянутую для приветствия руку, поспешит туда, к избранным. Он будет пить с ними водку, называть их по именам, по-отечески журить за резковатость статей, а к журналиюге до конца вечера уже никто не подойдёт.

Есть ещё такая забава, как конкурсы и премии. Итоги обычно тоже подводят на очередном «Балу прессы». Первые призы получают, понятное дело, избранные. Журналиюгам достаются второстепенные награды и очень редко. Нашей газетке, например, нужно было просуществовать полвека, чтобы получить диплом за какую-то там «верность традициям». Но самый смак – выборы «Мисс Пресса». Молоденькие, но уже засветившиеся в нужных кругах журналисточки напяливают на себя немислимые одеяния, а иногда лишь прозрачные намёки на оные, и буквально лезут из кожи, стремясь перещеголять друг друга в привлекательности. Чтобы никого не обижать, организаторы дают всем сестрам по серьгам, придумывая всевозможные номинации, вплоть до звания «Самая сексапильная надежда областной журналистики».

Иной раз случается чудо, и, объезжая свои владения, губернатор заглянет в городок, где живёт и работает журналига. Но и тогда за губернаторским кортежем будет следовать автобус с «придворными», они будут тесным кольцом окружать его во время походов по объектам, а журналиге, который, заметим, тоже должен получить нужную информацию и выдать свои триста или пятьсот строк, придётся привставать на цыпочки и тянуться в струнку, чтобы хоть что-то увидеть и услышать.

Журналига, в отличие от журналиста, событий *не делает*. Часто он даже не в состоянии описать их как есть, поскольку всё, что кажется городскому руководству крамольным, безжалостно вычёркивается. А соображения городского руководства на тему, что такое крамола, бывают столь непредсказуемыми, что уже и не знаешь, за что тебя в следующий раз высекут. Цензура на местах наличествует в столь жёстких и извращённых формах, что Бенкендорф и советские парторги на этом фоне выглядят белыми и пушистыми.

Журналига всякий раз как откровение слышит по телевизору речи о наконец-то победившей в стране гласности и свободе слова. Эти речи доносятся как будто из другого мира. И относятся они совсем к другому миру. Тот мир, в котором каждый день, приходя на работу, вращается журналига, пронизан тотальным контролем сильных города сего за содержанием единственного на весь район источника локальной информации. Такое ощущение, что сильным это доставляет наслаждение. Или им попросту нечем заняться.

Журналига – лошадь, бегающая по кругу. Городок, в котором заперты он и его газета, до такой степени невелик, что можно, как поётся в одной из песен Вячеслава Бутусова, услышать звон ложки, которой перемешивают чай на противоположной стороне этого населённого пункта. Если газета не городская, а районная, то случаются вылазки за рубежи городка, но простор обманчив – там, за городской чертой, точно такой же мир, как и в её пределах. И даже когда происходит что-то более или менее выбивающееся из заезженной событийной колеи, не факт, что тебе позволят об этом написать.

На такой работе очень трудно не сойти с ума. Будь я токарем, я бы натренированно вытачивал свои втулки и шпонки, а мысли мои в это время витали бы далеко от гудящего и плюющего стружкой станка. Но вся беда в том, что журналига работает в первую очередь головой, а уже потом руками, и в этой голове должны еженедельно, хоть тресни, созревать полтысячи строк, которые он обязан сдать в текущий номер. Созревать на бесплодной, выжженной цензурой почве. Выжать полторы полосы формата А3 из ничего – это, я скажу вам, посложнее, чем выдавить стакан сока из худосочного лимона. Разжечь этот, с позволения сказать, творческий процесс удаётся только путём испепеления колоссального количества нервных клеток. А нам даже молоко за вредность не дают...

Итак, книга, которая лежит сейчас перед вами, повествует о журналигах. О парнях современной интеллигенции, о людях, которые в описанных выше условиях умудряются сохранить не только рассудок, но и совесть. Им она и посвящается.

Глава первая

МЕРТВЕЙШИЕ ДУШИ

ГОРОД И ЕГО ХОЗЯЕВА

Городок, в котором мне довелось работать журналюгой, насчитывал около 20 тысяч жителей, не считая микроскопических посёлочков, расположенных окрест. Согласен, есть города и поменьше, но на характерность обсуждаемого нами явления это никоим образом не влияет. Городок (назовём его, к примеру, Лосиногорском), занесённый судьбой на север России, держался на большом, по провинциальным меркам, комбинате, носившем официальное название «Лосиногорские синтетические смолы». Для краткости была придумана звучная аббревиатура: ЛОСИС.

Этот самый ЛОСИС изначально занимался выпуском продукции из пластика: посуды и бытовой утвари. В начале и середине 90-х, когда наступили тяжёлые времена и тазики с подносами уже не позволяли предприятию сводить концы с концами, изобретательная дирекция комбината стала придумывать новые способы зарабатывания денег. Чем только не пытались заниматься злосчастные производители пластмассовых изделий! Сперва при комбинате открыли швейную фабрику, но её продукция тоже не покатила, и вскоре от масштабного производства с несколькими сотнями швей остался небольшой кружок мягкой игрушки при городском Дворце культуры. Закупив у шведов оборудование, пробовали наладить линию по изготовлению ковров. Номер не прошёл. Тогда обратили внимание на полезные ископаемые, залежи которых располагались аккурат за городской окраиной. Какой-то умник высказал идею, будто комбинат может сказочно разбогатеть, если начнёт добывать из здешних горных пород золото. ЛОСИС по-быстрому закупил бешено дорогие концентрационные столы, и несколько месяцев в лаборатории кипела напряжённая работа. Её результатом стала золотая цепочка длиной сантиметров двадцать. Директор комбината покрутил её на пальце и спросил, во сколько она обошлась. Услышав сумму затрат, превышающую «нормальную» себестоимость этого драгметалла раз эдак в пять, он схватился за сердце и распорядился навсегда прекратить эксперименты с золотодобычей.

Провалился и опробованный затем вариант с производством марморной крошки. Тем не менее подземные богатства лосиногорских окрестностей не давали руководителям ЛОСИСа покоя. В конце концов была освоена добыча кое-каких минералов сначала открытым, а потом и подземным способом, для чего поблизости от города построили небольшую шахтёнку. Попутно труженики ЛОСИСа, превратившегося в многопрофильное предприятие, добывали щебень, оказавшийся вследствие подъёма строительной отрасли весьма ходовым товаром. Подземщики вкалывали как черти, получая за свой труд гроши – по сравнению с сотнями тысяч рублей, определённых в качестве зарплат руководящему составу комбината.

МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

У нашей газеты, которую я условно назову «Заполярная синтетика», было сразу два учредителя: упомянутый ЛОСИС и лосиногорская мэрия, которую в особо торжественных случаях требовалось именовать не иначе как «Администрация муниципального образования город Лосиногорск с подведомственной территорией». Это длиннейшее наименование заключало в себе один плюс: им можно было забить две с половиной строки в обычной газетной колонке.

Считается, что один учредитель – хорошо, а два – лучше. По крайней мере, так полагали все, кто не имел прямого касательства к нашей редакционной жизни. Мы же постоянно чувствовали на себе несправедливость этого утверждения. В материальном отношении мы находились в гораздо худшей ситуации, нежели работники ЛОСИСа и администрации. Зарплату нам положили средненькую – заведомо у нас получал на уровне обычного клерка не самого высокого пошиба. И она, эта зарплата, не повышалась годами. Когда происходила индексация тарифов и окладов на комбинате, нам говорили, что надо подождать: пусть аналогичное явление произойдет и в администрации. Когда же полгода спустя зарплату поднимали чиновникам из мэрии, нам опять говорили: подождите, пусть теперь своих работяг облагодетельствует ЛОСИС. Должно было случиться невероятное – совпадение каких-то магнитных волн, парад планет или что-то еще в этом роде, – чтобы мы получили добро на повышение наших ставок на жалких пять или шесть процентов. О большем и не мечтали.

Зато неприятности на нас сыпались сразу с двух сторон. Любая вольность, любая фраза в газетном материале, которая по той или иной причине могла показаться нашим хозяевам дерзкой, карались немедленно. Следовали разнос, вызов на ковёр, угрозы закрутить финансовые гайки и лишить редакцию последних скудных средств. Впрочем, об особенностях учредительской политики поговорим чуть позже.

Учредители газету откровенно не любили. Может быть, даже втайне ненавидели. Им всё мнилось, что редакция – это такой рассадник свободомыслия, которое в городе не допускалось ни под каким видом. И они постоянно ожидали от нас какой-нибудь каверзы на газетной полосе, хотя не представляю, как мы могли бы это проделывать в условиях того колпака, под которым мы работали.

«Синтетика» наша давно бы уже приказала долго жить, однако существовала необходимость печатать в ней официальные постановления и распоряжения, а также освещать трудовые будни комбината. Это и удерживало учредителей от расправы над «вольнодумцами». Чуть ли не каждый день по факсу, «электронке» и с различными оказиями нам доставляли десятки погонных метров тошнотворного официоза, который мы обязаны были втискивать в трещавшую по швам газету. Выходила она раз в неделю, по субботам. Увеличить периодичность выпусков не представлялось возможным из-за особенностей работы типографии. Поэтому увеличивали количество газетных полос: с восьми до двенадцати, потом до шестнадцати, потом до двадцати...

Когда я навсегда покидал стены редакции, поговаривали уже о двадцати четырёх.

Казалось бы, мы должны были радоваться: чем больше официоза, тем меньше авторских материалов. Но в том-то и дело, что свою норму мы должны были отписывать как прежде. Даже копейки господа-учредители не намеревались платить нам за красивые глаза.

СКОВАННЫЕ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ

В редакции я занимал руководящий пост – заведующего отделом информации. В подчинении моём был один-единственный человек – я сам. Второй корреспондент «Синтетики», Оксана, чувствительная барышня, склонная к рассуждениям о нашей полной никчемности на белом свете, тоже заведовала отделом – на тех же условиях, что и я. Это был тонкий ход одного из прежних редакторов: словосочетание «заведующий отделом» звучало солиднее, чем просто «корреспондент», и под него можно было выбить несколько лишних процентов к нашим окладам. Управленческие должности накладывали на нас только одну дополнительную обязанность: каждый квартал мы составляли отчёты о том, сколько именно статей, заметок и репортажей написано отделом и на какие темы. Шутки ради я приписывал в конце отчёта, сколько раз в материалах моего отдела были упомянуты фамилии учредителей. Этого юмора никто из начальства не понимал – считали, наверное, что так и надо.

Когда я пришёл в «Синтетику», руководила ею редактор Эмилия. У неё было отчество, но я его не помню, поскольку в редакции, между нами, жарившимися на общей сковородке грешниками, не существовало никаких понятий о субординации. Редактора все называли на «ты» и по имени. Всё отличие её положения от нашего заключалось в том, что её чаще, чем нас, вызывали пред гневные очи хозяев. Возвращаясь с разносов, Эмилия собирала нас в своём кабинете, мы скидывались на бутылку вина или чего покрепче и до ночи обсуждали беспросветность нашего положения.

Версталась газета прямо в редакции, в типографию отвозили уже готовый электронный макет на дисках. Верстальщица Лариса, беззастенчиво матерясь, пыталась слепить из разномастных текстов хоть что-то приличное. Как это ей удавалось, не знаю, но «Синтетика» по своему внешнему виду ничуть не проигрывала другим районным и даже областным газетам, которые мне доводилось видеть. Всё-таки компьютерная вёрстка есть компьютерная вёрстка, а профессионализма Лариске было не занимать, в результате даже из совершенно несъедобного продукта получалась конфетка. К сожалению, в нашей конфетке качественной была только обёртка. Стоило взять газету в руки и бегло просмотреть первую подвернувшуюся фитюлину, как становилось ясно, какого сорта пресса попалась тебе на глаза.

Я никогда не прочитывал «Синтетику» от начала до конца – сил хватало лишь на собственные материалы, каковые требовалось вычитывать по долгу службы, после чего приходилось ценою немалых

усилий подавлять рвотный позыв. Думаю, от корки до корки газету не читала даже редакторша. Тем более этого не делал никто из наших читателей. Газету они покупали и выписывали по инерции, считая, что «надо быть в курсе городских новостей», пусть даже эти новости были выхолощены и трижды исковерканы по велению чиновников. Газета, повторюсь, в Лосиногорске была одна, поэтому у его жителей не оставалось выбора.

Существовал, однако, один человек, одна несчастная женщина, которая терпела пытку «Синтетикой» по полной программе. Тамарка, наша бессменная секретарь-машинистка, которую после ликвидации пишущих машинок и перехода на компьютерный набор перекрестили в секретаря-оператора. Она набирала и правила весь тот бред, который приносили в редакцию из властных структур, плюс тот, что сдавали в текущий номер мы с Оксаной. Кроме того, она принимала объявления и рекламу и встречала в приёмной редакционных посетителей, среди коих попадались не всегда адекватные типы.

Вспоминаю, как однажды в наш «синтетический» коридор вломилась растрёпанная тётя и начала с порога верещать что-то невнятное. Перепуганная Тамарка позвала меня, я вышел из своего кабинета, где на стенах позорно пузырились жёлтые обои (ремонт здесь на моей памяти не делали ни разу), и спросил тётю, что ей угодно. Брызгая слюной, она выразила желание выступить в прямом эфире «Первого» канала. Я сказал, что, к несчастью, потерял номер мобильного телефона Константина Эрнста, и предложил ей взамен скромные услуги «Синтетики».

– Хорошо, – сказала она, вроде бы успокаиваясь, – тогда скажите *им*, чтобы *они* перестали за мной следить.

– Кому, простите?

– *Им*, – повторила она шёпотом и настороженно огляделась, – агентам ЦРУ. Или ФСБ, я точно не знаю. Они установили в моей квартире телекамеры и следят за каждым моим шагом. Я не могу ходить в туалет, не могу спать. Всюду камеры, камеры... Сделайте же что-нибудь!

– Обратитесь в больницу, – как можно вежливее сказал я. – В психиатрическую.

– Что-о? Хам!

Она вихрем вынеслась из редакции и хлопнула дверь.

Через день во все сколько-нибудь влиятельные инстанции Лосиногорска были разосланы письма, в которых описывалось, как некий мужлан из «Заполярной синтетики» ни с того ни с сего набросился на бедную женщину, пришедшую в редакцию по личному вопросу, зверски избил её, изнасиловал, выволок за ноги по ступенькам на улицу и швырнул в сугроб, где она пролежала без чувств два часа и едва не умерла.

Меня спасли два обстоятельства: во-первых, в администрации, милиции и прокуратуре эту гражданку уже хорошо знали и были в курсе её проблем с головой, а во-вторых, на дворе стояло лето, что давало повод усомниться в значительной части её рассказа. Но она долго потом пересказывала эту историю своим знакомым, украшая её

новыми и новыми подробностями, покуда не переключилась на другие насущные вопросы: стала бомбардировать мэрию доносами на своего соседа, который пробурил в подвале пятиэтажки нефтяную скважину и нагло воровал у государства ценные стратегические ресурсы.

Городские сумасшедшие – это отдельная песня. Есть такая категория немного тронутых людей, которые с точки зрения медицины не представляют для общества опасности и потому не изолируются от окружающих. Они вполне безобидны, но иногда, обычно весной или осенью, у них случаются обострения и их начинают мучить какие-то идеи-фикс.

Как-то ко мне в кабинет ворвалась молодая дама и стала уверять меня, что у неё похитили ребёнка и она не знает, где его теперь искать. Она, как и предыдущая жертва сезонных кризисов, требовала немедленно согнать сюда всех ведущих телерепортёров и обеспечить ей возможность выступления в режиме он-лайн с трансляцией на весь подлунный мир. Казус состоял в том, что ребёнка, которого у неё будто бы похитили, она, разговаривая со мной, держала на руках. В другой раз мне посчастливилось выслушать пространную лекцию о летающих тарелках, постоянно кружащих над центральной площадью Лосиногорска, и о снежных людях, бродящих вокруг мэрии.

Впрочем, для меня и для Оксаны такие разговоры были нечастыми. Тамарка берегла наши нервы и старалась справляться с доставучими посетителями без посторонней помощи. Когда я спросил её, как она может часами невозмутимо выслушивать такую чухню, она ответила, что пропускает её мимо ушей. Действительно, за ней водилась способность уходить куда-то в себя – настолько глубоко, что извлечь её дух из этой бездны бывало затруднительно. С одной стороны, качество очень полезное для работы, поскольку в такие минуты Тамарку невозможно было чем-то отвлечь – она сидела и с упорством дятла долбила по клавиатуре, избавляя редакционную атмосферу от Ларискиных словоизвержений по поводу отсутствия набранных материалов. С другой стороны, проваливаясь в потусторонние миры, Тамарка делалась невероятно забывчивой и невнимательной.

Однажды она обожгла себе желудок, глотнув по рассеянности вместо минералки перекись водорода. Зимой, катаясь на коньках, она замечталась, остановилась посреди ледовой площадки, упала и сломала лодыжку. В гипсе ей не лежалось: она бродила на костылях по квартире и, замерев у окна, стала задумчиво жевать лист стоявшего на подоконнике цветка. Цветок оказался ядовитым, и у Тамарки распухли губы и гортань, и она три дня не могла разговаривать. Когда дар речи вернулся к ней, я позвонил ей по телефону, чтобы выслушать жалобы на жизнь и выразить сочувствие по поводу превратностей судьбы. Но Тамарка не стала жаловаться. У неё было потрясающе философское отношение к неприятностям. Под конец нашего телефонного общения на том конце провода что-то жутко грохнуло. Тамарка, не прервавшись ни на секунду, продолжала спокойно говорить.

– Что там у тебя такое? – спросил я.

– Ничего, – ответила она ровным и абсолютно естественным тоном, – банку с сахаром разбила. Пять литров. Весь пол в сахаре. Пустяки...

Через минуту вследствие неосторожного движения за окно полетела выставленная на форточку остужаться сковорода с яичницей, но и это не вывело Тамарку из равновесия. Я восхищался ею.

Таковыми мы были – разными, но при этом объединёнными общим горем: работой в «Заполярной синтетике». Это горе сплачивало нас. Никогда больше, ни до, ни после, в моей жизни не попадались столь спаянные дружбой коллективы. Правда, дружба эта подолжалась до поры. Вскоре хозяева газеты, которым такая внутренняя солидарность невольников была поперёк горла, нашли способ внести в наши ряды разлад, и редакцию стала разъедать ржа. Но случилось это не сразу.

ВИКТОР ВАСИЛЬЧИКОВ, ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ

У города всегда есть Хозяин. Особенно заметно это в таких компактных городах, как Лосиногорск, где по периметру всего-то часа полтора неспешной ходьбы и где вся местная инфраструктура, всё вообще, что находится в пределах городской черты, может быть зажато в одном крепком кулаке.

Далеко не всегда Хозяином города является мэр. Наоборот, градоначальник чаще всего фигура марионеточная – его *ставит* Хозяин, заключая с ним нечто вроде негласного, а то и гласного, но озвученного лишь в узком кругу приближённых договора о взаимовыгодном сотрудничестве. Хозяин не должен ошибиться с выбором мэра: если тот слишком слаб и глуп, город начнёт хиреть, а это Хозяину, имеющему здесь свой интерес, невыгодно; если же мэр окажется слишком умным и своевольным, он может, выскользнув из-под опеки патрона, начать вести самостоятельную политику. Лосиногорцы повидали мэров обеих разновидностей, но об этом – в одной из следующих глав.

Пока же речь о Хозяине. Лосиногорск со всеми его потрохами держал в кулаке директор ЛОСИСа Виктор Аркадьевич Васильчиков. Он был последним *советским* руководителем комбината – его прислали сюда по партийной разнарядке в середине 80-х, после чего он управлял ЛОСИСом двадцать с лишним лет. Это был коренастый круглоголовый старик, с широкими руками-лопатами, которые при необходимости превращались в увесистые кулачищи. Грохот этих кулачищ по столу был знаком всем без исключения начальникам цехов, служб и прочих комбинатовских подразделений. И не только им.

На мой взгляд, Васильчикову немного не повезло со временем рождения. Появись он на свет полутора веками ранее, из него вышел бы нормальный русский барин. Его хозяйство наверняка бы приносило ему немалый годовой доход, хотя крестьяне при этом ходили бы в рванье, почёсывая исхлётанные кнутами спины и шмыгая расквашенными носами. Впрочем, Виктору Аркадьевичу и так

не на что было жаловаться: все три тысячи тружеников ЛОСИСа находились при нём на положении крепостных, и жалел он, наверное, лишь о том, что может повелевать ими только словесно, а не при помощи плетей на конюшне.

Васильчиков любил покорность и послушание. Он, мне кажется, получал физическое наслаждение от вербального избиения провинившегося работяги. Больше всех доставалось начальникам цехов, их головы летели одна за другой. Порой в какой-нибудь структурной единице ЛОСИСа за полгода сменялось по три руководителя.

Ещё Васильчиков любил устраивать лекции на посторонние темы. Собирая комбинатовский народ на еженедельную расширенную планёрку, куда должны были являться человек семьдесят, он вдруг отвлекался от производства и начинал вспоминать свою героическую молодость, когда он пас коров, тачал сапоги, осваивал трактор и был центральным нападающим в футбольной команде родимого завода.

Виктор Аркадьевич был, несомненно, сильной личностью и становился шёлковым только тогда, когда в Лосиногорск приезжали менеджеры «Северпласта» – ребята в стильных костюмчиках, стойких, пожалуй, не меньше, чем экскаваторы, разгребавшие щебёнку в карьерах за городом.

Холдинг «Северпласт» владел контрольным пакетом акций ЛОСИСа и потому мог делать с комбинатом что угодно. На ЛОСИСе, как на подопытном кролике, проводились эксперименты по внедрению всяческих заимствованных из-за границы технологий. Иногда это было смешно, иногда грустно, иногда и то и другое сразу.

Если не ошибаюсь, в конце 90-х вошла в моду аббревиатура ТОП: тотальная оптимизация производства. Из «Северпласта» в Лосиногорск прислали консультантов с ворохом бумаг. Консультанты сказали: хватит работать по старинке, нужно внедрять новые интеллектуальные технологии. При управлении ЛОСИСа, которое и без того разбухло до такой степени, что начальников стало больше, чем рабочих, был создан новый отдел, куда срочно набрали ближайшую родню директорских замов и родственников их родственников. Эти выдающиеся специалисты должны были помочь комбинату сэкономить деньги. «Северпластовские» ребята, выкачивавшие из ЛОСИСа средства, необходимые для строительства дач на Рублёвке, и, по всей видимости, озабоченные тем, что строительство идёт чересчур медленно, наперебой твердили, что у комбината есть возможности для сокращения затрат – надо только поискать.

Вот и занялись новые специалисты поиском скрытых резервов. Целыми днями они шлялись по промплощадке и слонялись по корпусам, высматривая, на чём можно сэкономить. Как назло, экономить было не на чем – оборудование, которое использовалось в цехах, и без того находилось на последнем издыхании, а изменить технологию производства без приобретения современной техники было нереально. Специалисты-топовцы путались под ногами у рабочих и задавали им дурацкие вопросы. Рабочие в голос собачились и посылали специалистов куда подальше. Внезапно, когда специалисты уже почти потеряли надежду, в конце туннеля мелькнул свет. Долгожданный

скрытый ресурс обнаружился в туалетной кабинке корпуса по производству пластмассовых тазиков. Осматривая бытовки, один из топовцев заглянул в сортир и вылетел оттуда с торжествующим воплем: «Эврика!» В сливном бачке унитаза отсутствовала пробка, и через отверстие в канализацию свободным потоком текла вода, нанося тем самым комбинату и его владельцам непоправимый ущерб.

Обрадованные топовцы гурьбой вернулись к себе в отдел и засели за отчёт. На составление его ушло недели две: требовалось указать точный диаметр отверстия, напор воды в трубе, рассчитать, сколько её утекает за сутки, за месяц, за год, затем помножить на стоимость и определить потери комбината сперва в рублях, потом в долларах и, наконец, в процентах от годовой прибыли.

Покамест одни специалисты трудились над расчётами, другие не вылезали из Интернета, отыскивая адреса производителей пробок для унитазов. Скачав с полсотни контактных телефонов, они ещё неделю обзванивали страны ближнего и дальнего зарубежья, выбирая производителя с наиболее выгодными и приемлемыми условиями. Подход к вопросу был серьёзным: учитывались и цена, и качество, и сроки исполнения заказа, и возможность скорейшей доставки готового изделия в Лосиногорск. Вдобавок к отчёту прилагался подробнейший чертёж унитаза, где стрелочкой указывалось, что именно и в каком месте необходимо заткнуть.

Толстенная папка с отчётом была передана в административно-хозяйственный отдел и через день-другой добралась до главного инженера. Тот, ознакомившись с содержанием, одобрил его и поставив свою визу, переправил папку директору по производству. Тот в свою очередь тоже высказался о работе топовцев положительно, но посоветовал присовокупить к отчёту мнение начальника цеха, а также рекомендации бригадиров и мастеров. Затем папка перекочевала к директору по экономике и финансам, который сплавил её коммерческому директору, а от последнего она попала в дирекцию по закупкам. Там ещё раз перепроверили выкладки топовцев и занялись письменным обоснованием затрат на приобретение пробки. Короче говоря, не прошло и полугода с того момента, когда специалисты по тотальной оптимизации обнаружили скрытый ресурс, как составленные по всем правилам бумаги легли на стол Васильчикова. Генеральный просмотрел их и спустил обратно в отдел ТОП вкупе со строгим указанием найти иной выход из создавшейся ситуации, поскольку у комбината нет лишних финансов для закупки столь дорогостоящего предмета.

Приунывшие топовцы вновь отправились в бытовку корпуса по производству тазиков, и их глазам предстала удивительная картина: отверстие в бачке было заткнуто! Кто-то из рабочих цеха выточил из куска пластмассы подходящую по размеру фигурину, привязал её к рычажку – и проблема была решена. Топовцы воспряли духом, помчались в свой отдел и двое суток не вылезали оттуда, составляя отчёт о проделанной работе.

«КАРТОННЫЕ МАЛЬЧИКИ»

Окружение Васильчикова подыгрывало ему, как подыгрывает массовка актёру, занятому в главной роли. В мои обязанности входило каждую неделю по средам посещать расширенные оперативки, чтобы выдавить из себя полсотни строк в рубрику «Новости комбината». Эти полсотни строк я мог бы сочинить, не выходя из редакции, потому что знал все комбинатовские новости на год вперёд. Но отсидки всё равно требовались, чтобы Виктор Аркадьевич видел: газета держит руку на пульсе. Я ходил в управление как арестант на принудительные работы. Смешнее всего то, что все три часа, пока длилась планёрка, я имел полное право ничего не делать. Вы пробовали высидеть три часа, ничего не делая? От скуки я рисовал в блокноте голых женщин и сочинял стишки:

*Все вы – винтики, гаечки
В механизме грохочущем.
Быть вам в роли фришибленных,
Не качать вам права.
Ах, картонные мальчики,
Мальчики!
Выжмут вас и отправят в отвал.
На планёрках маячите
И ломаете головы,
Как бы в план уложиться вам,
Утонтаться в лимит...
Ах, картонные мальчики,
Мальчики!
Постарайтесь остаться людьми!
Заводные болванчики
Перед ликом Хозяина
Что-то робко лепечете,
Опуская глаза.
Ах, картонные мальчики,
Мальчики!
Мне вам нечего больше сказать...*

«Картонные мальчики» сидели тут же, передо мной. За громадный общий стол меня, журналюгу, не пускали, я довольствовался шатким стулом, стоявшим позади всех – в этом был большой плюс: Васильчиков из-за голов подчинённых меня не видел. Не знаю, чем они занимались все эти три часа, слушая байки о сапогах и футболе и подвергаясь публичным разносам, но я понимал, что им очень, очень тяжко. Я видел их сгорбленные спины, поникшие плечи, опущенные головы. «Мальчики», среди которых были люди самых разных возрастов и должностей, вели себя на планёрках совершенно одинаково: сидели, склонив физиономии к разложенным на столе бумагам, и кивали в такт ударам директорского кулака. Некоторые пытались оправдываться, шлёпали губами, но ответный рык Хозяина заставлял их съё-

живаться и умолкать. Гендиректор был прав – всегда и во всём. Возражения не допускались. От возражающих «мальчиков» избавлялись быстро.

Мне никогда не забыть этих приплюснутых бедолаг, из которых, казалось, выбито всё человеческое. Они представлялись мне механическими устройствами, такими же, как термопласт-автомат, посредством которого на комбинате штамповались тазы и подносы. Но как только планёрка заканчивалась, происходило чудо: роботы оживали, скоренько сгребали со стола свою макулатуру и шумной волной выкатывались из конференц-зала, облегчённо вздыхая и доставая на ходу из карманов сигареты. Они радовались, как радуются узники концлагеря после очередной сортировки: радовались тому, что живы, что на этот раз пронесло, что очередной сеанс дрожания пред очами палача позади и можно расслабиться.

Радость длилась недолго. Через несколько минут эйфория проходила, и каждый из вырвавшихся на свободу пленников осознавал, что свобода его – призрачна. Выдержав оперативку и покинув пределы конференц-зала, он по-прежнему оставался заложником директорского настроения. Его могли в любой миг выдернуть из отдела, буфета, курилки и потребовать срочной явки в кабинет Васильчикова – пыточную камеру, страшнее которой были только застенки инквизиции. Выходили оттуда на трясущихся ногах, хватая воздух ртом и ища по карманам валидол. Бывали случаи, когда ярость Хозяина доводила подчинённых до инфаркта.

Ради чего же терпели «картонные мальчики» все эти мучения? Ясное дело, не из-за любви к пластмассе и щебню. Держала их на комбинате зарплата. У обычных работяг она была вполне сопоставимой с зарплатами токарей или слесарей, вкальвывавших на механическом заводике, который пыхтел неподалёку от владений ЛОСИСа. Имелись в городе и другие небольшие предприятия, и рабочие перетекали из одного в другое. От этих перемещений они редко что-то выигрывали, поскольку условия для них везде были примерно одинаковые. Зато руководящие звенья ЛОСИСа на их фоне были прямо-таки олигархами. С каждой ступенькой комбинатовской иерархии оклады увеличивались не в арифметической, а в геометрической прогрессии. Начальник цеха получал в несколько раз больше своего рабочего, ведущий специалист управления – в несколько раз больше начальника цеха, и так далее. На вершине пирамиды восседала группа особ, приближённых к Васильчикову, которым зарплату начисляли и выдавали по отдельной ведомости, в строжайшем секрете, чтобы никто из «черни» не проведал, сколь колоссальна пропасть, разделяющая благосостояние верхов и низов.

«Чернь», конечно, была неглупа и всё понимала. К тому же имели место утечки информации из бухгалтерии, и они позволяли догадываться, что заработная плата генерального директора минимум в пятьдесят раз превышает заработную плату самого высококвалифицированного изготовителя тазиков. Иными словами, Хозяин в месяц получал больше, чем простой трудяга зарабатывал за четыре года. В цехах шли дискуссии на тему, что гендиректор делает с эдакими немыс-

лимыми деньжищами. Но ведь ребята из «Северпласта», следуя всё тому же иерархическо-финансовому принципу, получали в разы больше своего лосиногорского вассала и едва ли ломали головы над тем, куда пристроить свои доходы. Отсюда вывод: чем меньше человек зарабатывает, тем скуднее его фантазия. Рост заработка стимулирует развитие воображения.

По случаю какого-то праздника в город приехал бывший директор ЛОСИСа, которого ещё в начале 70-х забрали пряником в правительство, на должность заместителя министра. К моменту моего знакомства с ним он был уже пенсионером, умудрённым жизнью и безусловно интеллигентным человеком. Когда я спросил, во сколько раз его директорская зарплата превышала зарплату оператора термопласт-автомата, он с некоторым смущением ответил: «Раза в два... А что, это много?»

Надо отдать должное Васильчикову – он торчал в своём кабинете чуть ли не круглыми сутками: приходил на работу раньше всех и уходил последним. Жена, поди, забыла, как он выглядит, потому что даже в выходные он не сидел дома, а объезжал с кем-нибудь из приближённых промплощадку – в точности так, как в былые времена объезжали свои владения бдительные помещики. Так он собирал компромат на «картонных мальчиков», готовясь к следующей оперативке. Накренившийся знак на железнодорожном переезде, ржавый рельс, забытый под насыпью путейцами, слишком чахлая растительность возле цеховых корпусов – всё бралось на карандаш и служило поводом для грядущего разноса.

А может быть, он был прав в своей жестокости? Вспоминая постные мины «картонных мальчиков», я думаю: возможен ли был другой стиль руководства этими лишёнными воли людьми-куклами? Хотя тут же напрашивается встречный вопрос: отчего они сделались такими? Замкнутый круг...

Когда мне нужно было договориться с Васильчиковым об интервью для «Синтетике», я звонил ему на служебный номер в шесть часов утра. Васильчиков сам брал трубку, ибо в гулком девятиэтажном здании управления, кроме него и дежурной охраны, не было никого. Даже секретарша приходила много позже. Это была единственная возможность раскрутить его на нужный разговор – в шесть утра он был ещё довольно добродушен. В семь к нему на заклатие начинали идти обречённые, он заводился, свирепел, потом появлялась секретарша и отсекала от него всех посторонних. За десять лет работы в «Синтетике» я хорошо изучил его повадки и знал, в какое время и как к нему лучше подкатиться.

Васильчиков, по всей вероятности, тоже считал журналюг недолюдками, но предпочитал держать это мнение при себе. Когда мы встречались с ним на планёрках или случайно на улице, он не отворачивался, не делал вид, что я для него – пустое место. Он даже бросал мимоходом дежурное «Здрассь...», чего не делал никто из окружавшей его элиты ЛОСИСа.

Эта элита стоит того, чтобы рассказать о ней поподробнее.

ОРУЖЕНОСЦЫ

Если бы Гоголь воскрес в конце XX столетия, он бы снова умер – от зависти. Готов биться об заклад: таких мёртвых душ в его эпоху не было! Собакевич, Манилов, Ноздрёв, даже Плюшкин – они обладали вполне живыми характерами и в гоголевской портретной галерее составляли вместе весьма пёстрый ряд, где каждая последующая особь разительно отличалась от предыдущей.

Ближайшие подручные Васильчикова были поразительно одинаковы. Нет, внешне они, естественно, различались, но их натуры, их поведение наводило на мысль о клонировании. Они с одинаково каменным видом восседали рядом с Хозяином на совещаниях, и эта каменность ставила их выше скукоженных дрожавших бедолаг, сидевших здесь же. Они с одинаковой готовностью поддакивали своему владыке даже тогда, когда он не давал им слова (такова была одна из их привилегий), и с той же готовностью набрасывались на выбранных им жертв. Утомляясь от продолжительных тирад, он давал им команду «фас» – не словом, нет, они всё понимали без слов! – и они по очереди или все вместе срывались с цепи и добивали трепыхавшуюся дичь.

Они одинаково надменно вышагивали по коридорам, никогда не заходили в общие курилки и не обсуждали действий Хозяина. Думаю, они и в самом деле были преданы ему всецело и даже в мыслях не допускали измены – недаром он отбирал их с особой тщательностью, проверял, исследовал, рассматривал на свет и пробовал на зуб. Они были одинаковы в своей собачьей верности ему.

Ничем не различаясь в повадках между собой, они тем не менее не подражали барскому нраву Хозяина, хотя с учётом их положения тоже могли бы позволить себе полоскать подчинённых почём зря. Их устраивала другая тактика: они предпочитали вести себя так, словно в мире нет никого, кроме них и Васильчикова, и лишь по его приказу начинали замечать окружающих. Это были самые что ни на есть мёртвые души, от них даже слегка припахивало, как от преющих компостных куч.

Первым по ранжиру шёл Роман Гандлевский – первый заместитель генерального, ведавший на комбинате экономикой и финансами. Самый молодой из «оруженосцев», он был в то же время самым молчаливым. Его никогда не спускали с цепи для травли неугодных – он сидел на оперативках отрешённо, погружённый в экономические раздумья. Когда всё-таки требовалось что-то произнести, он тщательно пережёвывал слова и выцеживал их с таким значением, будто от него зависел бюджет государства.

Следующим по списку был Василий Иванович. Строго говоря, он был самым доверенным из доверенных лиц Васильчикова. Ведая кадрами и параллельно шпионя за управленческим персоналом, он доносил Хозяину обо всех подозрительных шептаниях и косых взглядах в сторону кабинета гендиректора. Василий Иванович был незаменим: оценив его преданность, Васильчиков стал поручать ему не только сбор, но и вброс нужной информации в комбинатовскую среду. Василий Иванович со всеми деликатными поручениями справ-

лялся блестяще, но при этом умудрялся сохранять вид благородного джентльмена, для которого порядочность превыше всего. Кажется, единственный из «оруженосцев», он не гнушался подавать руку нам, журналюгам, – потому что так надо было для *дела*. Он умел изобразить из себя рафинированного интеллектуала и простецкого парня, либерала и консерватора – кого угодно, в зависимости от того, какая задача была перед ним поставлена Хозяином.

Фантастические способности Василия Ивановича не остались незамеченными – на них обратили внимание на самом высоком уровне. Одно время ходили упорные слухи, что его скоро заберут в «Северпласт». Виктор Аркадьевич произнёс по этому поводу на оперативке прочувствованный спич, сказал, что не скрывает тревоги по поводу возможной потери профессионала-универсала, и, обведя всех взглядом, изрёк: «Василий Иванович – наше счастье!»

Конечно, счастье. Никто и не спорил.

Кроме того, в обойме Хозяина находился технический директор Степаныч. Он был желчным, едким и вечно чем-то недовольным. Общаясь с кем-либо стоявшим ниже по рангу, он смотрел на него так, чтобы до собеседника сразу дошло, какая умнейшая личность этот Степаныч. Сам же собеседник должен был ощущать себя законченным кретином. Степаныч и впрямь разбирался в производстве, но это почему-то давало ему право считать, что он в равной степени разбирается и во всём остальном. Он сыпал зубодробительными терминами, шуршал схемами – это выглядело внушительно. Интервью Степаныч давал исключительно злым голосом, и я видел, каких трудов ему стоит снизойти до моего неандертальского уровня.

К экспонатам нью-гоголевской кунсткамеры можно причислить и заместителя гендиректора по экономической безопасности, для краткости именуемого просто «безопасник». Это был типичный служака, страшно любивший отчитываться об успехах, даже если таковых не наблюдалось. На фоне махрового воровства, совершаемого как в мелких, так и в крупных размерах, гнуть эту линию было сложно, но безопасник справлялся. На промплощадке километрами рубили кабели, центнерами пёрли цветмет, цистернами вывозили бензин и солярку, а он, пялясь в листок со статистикой, долдонил о доблестных охранниках, задержавших на КПП какого-то недотёпу с полторалитровой пластиковой бутылкой, в которой тот пытался вынести с территории предприятия машинное масло. Сообразив, что пластиковые бутылки дирекцию не впечатляют, безопасник стал, что называется, играть по-крупному: в отчётах появились целые банды грабителей, задержанные стрелками ведомственной охраны после длительных и кровопролитных перестрелок. У грабителей изымались похищенные с комбината ценности стоимостью в миллионы рублей. Это уже вызывало уважение. Васильчиков кивал и объявлял безопаснику благодарность, сопровождая её весомым материальным поощрением. Безопасник цвёл и пах.

Однажды совершенно случайно я узнал, как составлялись эти развесистые статистические «клюквы».

ИСТОРИЯ С ШИХТАРИКОМ

На одной из оперативок безопасник по обыкновению разложил на столе свои бумаженции и принялся торжественно перечислять:

– За последнюю неделю охраной комбината задержано 28 нарушителей пропускного режима, 19 лиц, находившихся на территории промплощадки в нетрезвом виде, и 15 расхитителей собственности предприятия. По итогам контрольно-профилактических рейдов изъято 150 килограммов украденной из корпусов меди, 123 килограмма латуни, 95 килограммов алюминия и 80 килограммов шихтарика.

Я сидел в своей «ложе прессы» и в спешном порядке записывал в блокнот все эти цифры, из которых, почти не напрягая мозгов, можно было слепить полноценную новость. На слове «шихтарик» споткнулся. За годы ведения комбинатовской хроники я прошёл настоящий промышленный ликбез: мог с ходу объяснить дилетанту, что такое биополимеры, полиметилметакрилат, поливинилхлорид, винипласт, уретановый каучук. Но слово «шихтарик» прежде на оперативках не звучало. И мне стало стыдно за пробелы в моей эрудиции.

Когда совещание закончилось, я подошёл к безопаснику и попросил просветить невежду. Мы перебрались в его кабинет, он развалился в кожаном кресле, запыхтел сигаретой и, снисходительно поглядывая на меня, промолвил:

– Ну, брат, такие вещи надо знать! О серьёзном производстве пищи – не о колхозе. Шихтарик, брат, это такой металл. Точнее, такой сплав металлов..

Тут он внезапно завис и устремил взор на дымное облако, поднимавшееся от кончика сигареты к потолку. Я сделал вид, что тщательно записываю, и, не отрывая авторучки от блокнота, уточнил:

– Сплав чего с чем?

Безопасник завис капитально. Он тоже не знал, что такое шихтарик!

– Слушай, – с досадой сказал он, взмахнув сигаретой, – это не совсем мой профиль.. Давай позвоним техническому директору.

Он набрал номер Степаныча и повторил ему мой вопрос.

– Шихтарик? – переспросил Степаныч. – Это металл такой... Сплав. Наверное.

– Чего с чем?

– Не знаю, – помявшись, признался технический и резко обрубил разговор: – Ты что там, кроссворд разгадываешь? Некогда мне, перезвони попозже.

Безопасник выглядел озадаченным. Он докурил сигарету, полистал свои талмуды и родил новую идею:

– В каком цеху эту х..ню нашли? В ремонтном? Щас туда и позвоним!

Он позвонил в ремонтный цех. Трубку снял начальник.

– Слышь, друг, – сказал безопасник, – у тебя там вчера мои пацаны шерстили. И нашли этот... шихтарик. Растолкуй-ка, что это за ерундовина такая!

– Шихтарик? – донеслось из трубки. – У меня?..

По тону, каким это было произнесено, я понял, что начальник цеха не имеет представления не только о шихтарике, но и о пацанах, которые где-то там шерстили.

Я впервые видел безопасника таким растерянным. Он позвонил в техническую библиотеку, заставил девушек перерыть все имеющиеся в наличии словари, однако и в словарях искомого термина не оказалось.

Тут, в соответствии с законами драматургии, открылась дверь, и в кабинет вошёл амбал в камуфляже. Я знал его: он служил в отряде ВВО. Безопасник обрадованно подпрыгнул в кресле:

– Андрюха, это твои гопники вчера в ремонтном орудовали?

– Вроде мои... – вспоминая о чём-то далёком, неуверенно ответил вошедший.

– Что такое ШИХТАРИК?!

– Кто?

Безопасник стал остервенело копать в бумажных завалах у себя на столе. Мы с Андрюхой почтительно молчали.

– Вот! – Из-под распатроненной кипы появился замызганный обрывок с карандашными каракулями. – Твоя малява?

– Вроде моя... – всё так же неуверенно ответил Андрюха.

– Твоя-твоя! Моя секретутка сегодня всё утро глаза ломала, разбирала твою куропись... Читай!

Бумажный огрызок скользнул по крышке стола. Мы все трое склонились над ним.

– «А-лю-ми-ний, – читал Андрюха, водя пальцем по накарябанным вкривь и вкось иероглифам. – Ла-тунь...»

– А это? – Безопасник ткнул жёлтым ногтем в последнюю строку.

– «Ших... ших... тар... ник...»

– Как?

– Ших-тар-ник.

В кабинете воцарилось молчание. Стало слышно, как в приглушённом радиоприёмнике попискивает музыка. Вдруг лицо Андрюхи просветлело, и он со всей молодецкой силы хлопнул себя ладонью по лбу.

– Вспомнил! Век воли не видать, вспомнил! Курили мы вчера с пацанами у ремонтного, а там под стенкой какая-то ржавая халабуда стоит. Курим, значит, базарим... Из ворот какой-то пролетарий вышел, я и спросил его, мол, что это за зверь и почему в таком бесхозном виде. Он отвечает: «Шихтарник». «А для чего он?» – спрашиваю. «Фиг его знает. Уже лет тридцать здесь торчит, а кто приволок и зачем – неизвестно». Я и говорю пацанам: «Если б я был вор, я бы этот шихтарник под схрон приспособил. Удобная вещь...» Ну и записал словечко, чтоб не забыть.

«А цифры-то откуда взялись? – чуть не сорвалось у меня с языка. – Килограммы эти в отчёте в каком сне привиделись?» Но вовремя сдержался. Цифр в Андрюхиной маляве вообще не было. Видимо, безопасник дорисовывал их сам. Исходя из собственных соображений и политической, так сказать, конъюнктуры.

Со временем до Васильчикова дошло, что его нагло надувают, и безопасник слетел с должности. Вместо него появился другой, очень похожий на первого. Этот тоже продержался недолго. Всего при мне их сменилось человек пять. Отчёты на оперативках стали менее бодрыми, воровать с предприятия стали пореже, зато уж если тащили, то по-крупному. Однажды дежурные на КПП умудрились прозевать автопогрузчик.

Мужик, его угнавший, действовал просто и гениально. Он привязал к погрузчику пустую железную бочку и поволок её прямо к шлагбауму, за которым заканчивалась территория ЛОСИСа. Из будки выскочил охранник и уставился на бочку, которая, подпрыгивая, грохотала на всю округу.

– Стой! – крикнул он водиле.

Погрузчик замер перед шлагбаумом.

– Это что? – Охранник кивнул на бочку.

– Это... понимаешь... отвезти надо, – забормотал мужик, пряча глаза.

– Отвезти? Куда отвезти?

– Туда... В город. Велели отвезти, я и везу.

– Кто велел? Накладная есть? Покажи!

– Нету...

– А ну, отцепляй, мать-перемать! – взревел охранник, переполнившись служебным рвением. – Отцепляй, говорю! Велели ему... Стырить хотел, да? Знаю я вас!

– Да ты чего, командир? – взмолился мужик. – Какое «стырить»? Я ж для дела, по поручению...

– Знаю я твои поручения... Ты харю-то не вороти! Отцепляй, говорю, бочку, а то рапорт составлю, и вылетишь с комбината, как Карлсон... Отцепляй!

Мужик с испуганно-плаксивым лицом стал торопливо отвязывать бочку, поглядывая на неё с нескрываемой жалостью. Без сомнений, она была ему очень дорога. Бдительный охранник, конечно же, заметил это и, стоя у мужика за спиной, продолжал распинаться:

– Оборзел совсем... У меня под носом хотел протащить, да? Думал, тут лохи дежурят? Давай-давай, поторапливайся, вон уже пробку мне на дороге устроил...

За погрузчиком, застрявшим у опущенного шлагбаума, выстроилась целая вереница машин, они недовольно рычали моторами. Провинившийся мужик отвязал бочку и спросил кротко:

– Куда откатить?

– Вон там, за будкой, поставь, – распорядился охранник, успокаиваясь. – Возвращаться будешь, заберёшь и оттаранишь на место. Туда, где взял. Усёк? Лично прослежу! Если обманешь – всё. Крах тебе. Понял?

– Понял, командир, – сказал мужик расстроено и, не скрывая огорчения, полез в кабину. Перед тем как сесть за руль, в отчаянной надежде обернулся: – А может...

– Не может! – рывкнул охранник, снова наливаясь багровостью. – Вон отсюда!

И рассерженно махнул рукой сидевшему в будке напарнику. Тот нажал на кнопку, шлагбаум поднялся, и погрузчик медленно пересёк ведомственную границу. Никто уже и не думал спрашивать у несостоявшегося похитителя порожней тары, есть ли у него решение на выезд за пределы промплощадки. Мужик без помех проехал на погрузчике через весь город, толкнул его за ранее оговорённую цену ждавшему на окружной трассе покупателю и испарился. Ни на комбинате, ни в Лосиногорске его больше не видели. Чуть погодя я понял, что мужик был не столько сообразительный, сколько начитанный, ибо похожий воровской манёвр описал когда-то Сергей Довлатов в одном рассказе из знаменитого цикла «Чемодан». Охранник, видать, Довлатова не читал, за что и поплатился.

ОСТАЛЬНЫЕ

И всё же был среди «оруженосцев» один уникал, который время от времени позволял себе не то чтобы спорить с Хозяином, но, скажем так, слегка отклоняться от линии безоговорочного подчинения и покорности. Занимал он, если мне не изменяет память, пост директора по производству. (Я так и не понял, для чего при генеральном директоре нужна такая свора просто директоров.) На оперативках он один дерзал высказывать собственные мысли, и в речах его иногда даже проскальзывали намёки на то, что на комбинате не всё ладно и выбранный стратегический курс надо бы скорректировать. Собственно, с первой частью этих намёков Васильчиков соглашался: в условиях всеобщего экономического развала 90-х комбинат никак не мог блистать показателями. Говорить о неважном положении предприятия как о следствии неверной стратегии правительства допускалось и не считалось крамолой. Но ставить под сомнение стратегию Хозяина и ребят из «Северпласта»... Это уже пахло мятежом.

Строптивую натуру директора по производству терпели, потому что он был одним из тех настоящих специалистов, без которых ЛОСИС точно бы развалился. Однако ему постоянно давали понять, что рыпаться нехорошо. Он и сам понимал это, но ничего с собой поделать не мог. Напряжение привело к тому, что он начал снимать стресс спиртным. Как-то его секретарша заляпала штрих-краской стол в приёмной и не долго думая заглянула к шефу:

- Владимир Иванович, у вас водка есть?
- Не вопрос...

Шеф открыл сейф в углу кабинета, вынул бутылку, два стакана, разлил.

- За что пьём?
- Да мне на ватку только, две капли... – пролепетала обалдевшая секретарша.

Кончилось тем, что смутьяна всё-таки «ушли» с комбината. Его место занял другой, более покладистый. Теперь никто уже не решался нарушать устоявшуюся гармонию оперативных сборищ.

Помню и других «сидельцев», чьи спины маячили передо мной каждую среду. Сделавший стремительную карьеру и готовый выпрыгнуть из штанов, когда дело касалось отстаивания интересов Хозяина, зам. генерального по юридическим вопросам – яйцеголовый отрок, на которого пахала хорошо укомплектованная юридическая служба, делавшая всё возможное, чтобы доказать рабочим, что они – быдло и тягаться с начальством себе дороже. Председатель профсоюзного комитета, который должен был по определению защищать трудящихся от начальства, на деле защищал начальство от трудящихся. Престарелый, страдающий склерозом, он держался на своём месте только потому, что был угоден Васильчикову. Директор по сбыту, вечно шпыняемый без видимых причин. Помню его запинаящийся говорок, когда он рассказывал, сколько кубометров деловой древесины получит комбинат после расширения производственной территории в сторону ближайшего леса. «Сколько? – приставлял ладонь к уху Васильчиков. – Не мямли! Повтори ещё раз. Сколько?.. Почему так мало? Тебе наплевать на доходы комбината, мать твою!..»

Много их было, выбившихся в начальники и начальнички, дрожавших и каменеющих, распекаемых и опекаемых, но одинаково жалких в своей полной зависимости от воли Великого и Могучего, который сам был для кого-то жалкой марионеткой. Мертвейшие, разлагающиеся души. Я смотрел на них, и меня выворачивало.

Глава вторая

КУПАНИЕ ПЕДАЛЬНОГО КОНЯ

АБРАМ ПЕТРОВИЧ И ТВАРЬ ДРОЖАЩАЯ

Лосиногорску – чуть более полувека. Первые лет сорок, покуда ЛОСИС держал всю местную инфраструктуру, директор, заведовавший производством тазиков, был не теневым, а вполне официальным владыкой города. Председатель исполкома являлся номинальной фигурой, с его мнением никто не считался, он сидел в затхлом кабинетике, жевал сопли и уныло шелестел бумагами. Но в конце 80-х, будучи не в силах нести ярмо градообразующего предприятия, комбинат стал один за другим сбрасывать объекты в ведение муниципалитета. Сначала спихнули жилфонд, за ним последовали детские сады, бассейн, стадион, ну и кое-что по мелочи. По мере того, как хозяйство переходило из рук в руки, смещался и центр власти – из управления ЛОСИСа в мэрию, которая, обретя вес и авторитет, перебралась из скромного закутка во вшивой общаге в отдельное трёхэтажное здание из гламурного красного кирпича.

После ликвидации исполкома первым мэром Лосиногорска стала крупногабаритная и пробивная как торпеда тётка – бывший секретарь партийного райкома. Эта Марфа-Посадница обладала волевым характером и здоровым честолюбием. Васильчикову так и не уда-

лось её подмять, и лет пять они занимались перетягиванием каната, споря по поводу того, кому же в городе принадлежит реальная власть. Васильчиков исходил слюной от бешенства: он дважды перенёс микроинсульт и заработал нервный тик. Марфа оставалась непоколебимой как скала.

Подошло время первых всенародных выборов мэра. Этот аттракцион лосиногорцы запомнили надолго. На поле битвы сошлись две непримиримые армии. Когда дым над ристалищем, усеянным клочьями предвыборных листовок, рассеялся, выяснилось, что команда Васильчикова победила. Проигравшая Марфа, которой не хватило всего нескольких голосов, с горя покинула Лосиногорск и уехала на малую родину, в Воронеж, сажать картошку и сокрушаться о несбывшихся надеждах.

Отвоевав утраченные позиции, Васильчиков успокоился. Теперь на статус Хозяина, кроме него, не претендовал никто. Лосиногорцы же с удивлением разглядывали новоизбранного мэра. В горячке агитационной кампании его личность осталась как-то за кадром, говорили только: человек ЛОСИСа. Теперь же он предстал перед горожанами во всей красе.

Им оказался плюгавенький мужичонка с седой козлиной бородкой и клиническим испугом в глазах. Испуг был заработан вследствие сидения на комбинатовских планёрках и экзекуций в кабинете гендиректора. Это был совершенно безвольный тип, по какому-то недоразумению работавший в структуре ЛОСИСа начальником цеха капитального строительства. Поскольку ЛОСИС уже давно ничего капитального не строил, цех подлежал ликвидации. Сунув Чухнова (так мы будем именовать этого индивидуума) в градоначальники, Васильчиков одним выстрелом убил двух зайцев: избавился от лишнего рта и обеспечил безраздельное подчинение городской администрации себе любимому. Когда вздумается, он мог вызвать Чухнова из мэрии к себе, рывкнуть на него, и тот, забыв о своей высокой должности, мчался исполнять приказание могущественного покровителя.

Однако вскоре диктаторская идиллия дала трещину. В Лосиногорске обретался один ушлый господин, работавший главврачом центральной городской больницы. Звали его Абрам Петрович. До поры он сидел тихо, довольствуясь тем, что приворовывал средства, отпущенные на строительство новой поликлиники. Поликлиника, ясен перец, так и не появилась на карте города. Злые языки поговаривали, что по масштабам «деликатного грабительства» Абрам Петрович превзошёл всех своих коллег из других городов области. За этот подвиг и прочие заслуги ему присвоили звание «Почётный житель Лосиногорска» и обеспечили льготами, среди которых значились и бесплатные похороны. Довольный собой, Абрам Петрович вознамерился расширить сферу деятельности и стал с плотоядным интересом поглядывать на муниципальный бюджет. Несмотря на огромный дефицит, то есть превышение расходов над доходами, бюджет представлялся лакомым куском, от которого грех было что-нибудь не отщипнуть.

Через небольшой промежуток времени после выборов мэра объявили о выборах городского совета депутатов. Абрам Петрович выста-

вил свою кандидатуру и, подкупив не то избирателей, не то избирком, с лёгкостью занял на своём участке первое место. Он стал едва ли не единственным депутатом горсовета, который не работал в ЛОСИСе. Все остальные, что вполне естественно, были людьми Васильчикова. Абрам Петрович вошёл во вкус и, переговорив с каждым депутатом по душам, добился, чтобы его избрали председателем совета. Васильчикова эта весть озадачила, но он не знал ещё, насколько опасен его новый противник.

Так Абрам Петрович сделался вторым после мэра лицом по муниципальной градации. Теперь он имел право под предлогом обсуждения неотложных проблем навещать Чухнова в любое время, чем и не замедлил воспользоваться. Началась методичная обработка беспомощной жертвы. Абрам Петрович мог бы, по примеру Васильчикова, просто рывкнуть на эту ходячую тряпку, но поступил умнее. Он вспомнил милицейскую игру в хорошего и плохого следователя и стал проводить с Чухновым задушевные разговоры, сочувствуя своему собеседнику по поводу его сложных отношений с Васильчиковым и убеждая перейти от злого барина к доброму. Расчувствовавшись, Чухнов зарыдал и припал к широкой груди Абрама Петровича.

На следующий день Виктор Аркадьевич с изумлением обнаружил, что его хозяйские позиции пошатнулись. В недрах вроде бы приручённой им мэрии невеста как вызрела оппозиция. Чухнов открыто ходил в обнимку с Абрамом Петровичем, а на вызовы в управление ЛОСИСа дерзко отвечал, что он свободный гражданин и вообще ему недосуг – он работает над бюджетной стратегией.

Васильчиков постарался развалить невыгодный для него союз при помощи своих агентов в мэрии и горсовете, однако Абрам Петрович предвидел это и продолжал активную обработку Чухнова, говоря, что Васильчиков есть средоточие мирового зла и что только с ним, с Абрамом Петровичем, он, Чухнов, будет счастлив. Забитый Чухнов расцветал на глазах – с ним ещё никто не разговаривал так ласково. Для своего свалившегося с неба благодетеля он готов был сделать всё.

Как они делили между собой бюджетные деньги, история умалчивает. Известно только, что никогда Лосиногорск не жил в такой ужасающей нищете, как в годы мэрствования Чухнова и серого кардинальства Абрама Петровича. Денег не хватало ни на образование, ни на здравоохранение, ни на коммунальное хозяйство, зато за границей в роскошном местечке росло белокаменное здание будущей частной клиники Абрама Петровича. Он уже видел себя эдаким коммерциализированным доктором Айболитом со штатом подневольных врачей, стригущих купоны со страждущих европейцев. Чухнову доставался куш поменьше, но зачем ему нужны были большие деньги при таком убогом воображении? Его радужные мечты ограничивались квартиркой и домиком в средней полосе. Скоро он приобрёл желаемое и, не имея больше целей, стал откладывать деньги на нужды детей и внуков. Насколько мне известно, дети и внуки устроились прекрасно.

САНКЦИОНИРОВАННЫЙ БУНТ

Васильчиков ярился, но поделаться ничего не мог – до перевыборов мэра оставалось ещё много времени. Для нашей «Синтетики» это был тяжелейший и странный период. Администрация, забыв про обязанности учредителя, почти перестала нас финансировать. Мы жили впроголодь. Вдобавок в городе начались проблемы с наличными деньгами, потом, в августе 98-го, случился обвал цен, и мы перебивались тем, что брали по специальным талонам паршивую колбасу и макароны в комбинатовской продуктовой лавке. Помимо нас этой привилегией пользовались только работники ЛОСИСа, но Васильчиков нарочно сделал для нас исключение и не дал умереть с голоду, потому что уже держал в мыслях информационную атаку на вырвавшегося из повиновения Чухнова.

Мы ничего не имели против. Нас грызла злость на эту размазню в мэрском кресле, к тому же чрезвычайно неграмотную и тупую. Даже на совещаниях у губернатора он говорил «булгахтерия» и обогащал сокровищницу афоризмов оригинальными высказываниями: «Детей надо воспитывать до восемнадцати лет. Потом рубить им головы».

И вот, голодные и злые, мы пустились во все тяжкие. Начали с выпадов, направленных в самое уязвимое место – городской жилкомхоз. На аппаратных совещаниях в администрации, куда мне тоже доводилось ходить и где показного идиотизма было ещё больше, чем на оперативках ЛОСИСа, прозвучало однажды заявление, что летом улицы города украсятся хризантемами, которые муниципальное руководство будто бы специально выпишет из какого-то ботанического цветника. Была названа даже точная цифра: семь тысяч экземпляров этого представителя флоры должны были превратить заполярный Лосиногорск в город-сад. В качестве приятного дополнения к цветам коммунальщики пообещали высадить в скверах пять тысяч новых деревьев.

Цифры меня потрясли, я записал их, и они появились на первой полосе «Синтетики» под рубрикой «Мэрия-информ». Прошло три месяца, лето заканчивалось, приближалась осень, и я вспомнил о хризантемах. Вспомнил и ругнул себя: как же так – за целое лето ни разу не удосужился полюбоваться чудом северной природы, которое, поди, разрослось уже до такой степени, что заполонило собою полгорода...

Я бросил недописанной очередную производственную чепуху о расширении рынка подносов и вышел на улицу.

Вернулся я к концу рабочего дня, встретился глазами с Эмилией, получил молчаливое одобрение, сел за стол и с ходу сочинил заметку следующего содержания:

«С некоторых пор мне не дают покоя две неразрешимые загадки: кто построил египетские пирамиды и куда подевались пять тысяч деревьев, будто бы высаженных на территории нашего города в соответствии с программой по озеленению. Путём несложных вычислений можно установить, что получившиеся джунгли должны были раскинуться на полтора-два гектара. Кто видел?»

Хорошо, допустим, растут они не в одном месте, допустим, разбросаны по отдельным улицам и площадям, но всё-таки... Мой эмпирический разум не в состоянии легитимировать этот инфернальный алогизм.

Я так же безуспешно искал семь тысяч хризантем, которыми жилкомхоз – опять-таки если верить отчётам – любовно украсил всё те же городские кварталы. Битых полдня ходил по городу в поисках этого «декоративного растения семейства сложноцветных с пышными махровыми цветками» (см. «Толковый словарь» под ред. С. Ожегова, стр. 857, левая колонка, седьмой абзац сверху). Шиш! Попадались немахровые одуванчики, непышные ирисы, несложноцветная крапива и прочее барахло, но вожделенного хризантемного ковра я так и не узрел. Мистика...

Тем не менее хочется выразить коммунальным хозяйственникам благодарность за полученные в процессе розыска деревьев и хризантем сведения из области лесоагротехники, флористики и биотехнологии, а также сообщить о том, что я с нетерпением жду старта новой озеленительной кампании. Вдруг на центральной площади посадят баобабы? Буду искать».

Это была историческая заметка! Впервые за полвека газета стала против одного из своих учредителей. Представляю, как посмеялись бы *журналисты*, прочти они мой маленький опус. Это выпад? Х-ха! Вот если бы я написал, что Чухнов с Абрамом устраивают гомосексуальные оргии, что они выносят из администрации центры долларов в коробках из-под ксероксов, что, в конце концов, один из них – неизлечимый наркоман, а другой – прячущийся от правосудия серийный убийца, тогда другое дело... Но нам, журналистам, такие разоблачения даже не снились. Мы, затюканные и замордованные, могли писать только о выполнении и перевыполнении планов, о стабильной работе, выдающихся трудовых успехах, ясной перспективе и тому подобное. Любая критика считалась преступлением.

По этой шкале мой фельетонец, очевидно, тянул на мелкое хулиганство. Я оскорбил не мэрию, а подчинённое ей предприятие, и это смягчало мою вину. Однако хай на следующем аппаратном совещании поднялся такой, что я ощутил себя прикованным к позорному столбу. Даже Чухнов, который в присутствии Абрама Петровича становился ужасно смелым, разинул варежку, чтобы выдать в мой адрес парочку выражений, полученных им в наследство от работников цеха капитального строительства. Но осторожный Абрам Петрович одёрнул его, и обличительную речь произнёс начальник жилкомхоза – та ещё шавка... Поддерживаемый своими боссами, он не стал церемониться и заявил, что мне надо дать в руки лопату и отправить на земляные работы. Я еле сдержался, чтобы не выматериться в ответ, но, придя в редакцию, выплеснул свою ненависть ко всей этой коdle на бумагу. Эмилия взглянула на моё сочинение, достала пузырёк с валерьянкой, и – в ближайшем номере на видном месте появилось «Письмо начальнику Колымского края»:

«Здравствуй, гражданин начальник! Пишет тебе особо опасный преступник. Вообще-то, сам я об этом не знал, но нашли умные

люди – просветили. Ты спросишь, зачем я тебе пишу? А затем, что за мою антиобщественную деятельность сошлют меня, наверное, к тебе на Колыму, где буду я мотать срок под твоим неусыпным приглядом.

Суди сам, начальник. В смысле, судить-то будешь не ты, но хотя бы пойми меня, грешного и заблудшего. Работал я в одной газете, и вздумалось мне по молодости да по глупости накропать фельетон. Безобидный такой, про деревья с цветами, но всё равно – криминал. Ты же в курсе, начальник, как это бывает, когда дурные наклонности наружу прут. Короче, спасибо господам из мэрии – если б не они, не знал бы я, какие злодеяния творю, мерзавец этакий. В общем, дали мне понять, что все те годы, что я на газету горбатился, не было от меня никакой пользы, кроме вреда. Так что мотай на ус, начальник: я не просто антиобщественный элемент – рецидивист я. Но ты уж будь со мной помягче, поверь моему чистосердечному раскаянию. Я ведь всё осознал! Деревья растут, цветы колосятся, Земля плоская, небо твёрдое, солнце квадратное... Что ещё подписать?

Я, начальник, много чего умею: ямы копать, дрова колоть, воду таскать. Ты мне подбери там работу такую, чтобы смог я искупить свою вину перед святыми людьми из городской администрации. А газету здесь пускай они делают – у них лучше получится».

Вот это был уже натуральный бунт. Такие толстые намёки понял бы даже полный придурок. Чухнов понял. Тем более понял Абрам Петрович. Начались звонки в редакцию, потом звонки мне домой. Раздавались они и ночью. О чём шла речь? Да всё о том же – что я, неблагодарная сволочь, обязательно пожалею о своей наглости.

Это было мерзко. Я знал, что Васильчиков со своей непомерно раздутой охранной службой и пальцем не пошевелит, чтобы защитить меня. Разрешив пинать своего недавнего протеже, он вымещал злобу и готовил почву для следующих выборов. Народ и так ненавидел Чухнова лютой ненавистью, позабыв о том, что сам же его когда-то и выбрал. Васильчиков подбрасывал в костёр всё новые и новые дрова, и в итоге рейтинг мэра упал ниже плинтуса.

Какую роль играла в этом процессе наша газетёнка? Наверное, немалую. Её тираж вдруг вырос на полсотни экземпляров, что в масштабах нашей читательской аудитории было громадным достижением. Нас благодарили за смелость и сравнивали с правдорубами из центральных изданий.

И всё же ситуация была нелепой. Во-первых, мы не сами стали смелыми, а нам разрешили. Во-вторых, разрешение было временным – до замены Чухнова верным Васильчикову человеком. И в-третьих, данная нам свобода слова была половинчатой. Мы получили возможность ругать мэрию, но в отношении ЛОСИСа действовали прежние железные правила: ничего, кроме сухой хроники и пафосных очерков об ударниках производства.

Вот в такой дурацкой и извращённой форме мы вкусили свободы. Не вкусили даже, а так – надгрызли. Наступила зима, и я с удовольствием поупражнялся на тему отсутствия тепла в квартирах.

НЕКОТОРЫЕ ЛЮБЯТ ПОГОРЯЧЕЕ

(Одноактная драма)

Провинциальный итальянский городок. Второй месяц без горячей воды. Комната в средневековом замке. По углам разбросаны груды нестираного белья, на столах – грязная посуда. За окном багровый закат и чёрная труба котельной. В комнату входят Он и Она.

Он (*в гневе*): Молчи, несчастная! Тебя я презираю. Мне наплевать, молилась ли ты на ночь. (*Засучивает рукава камзола.*) Настал предел и моему терпенью – я задую тебя вот этими руками!

Она (*надменно*): Душить меня вот этими руками? А ты хотя бы вымыл их, несчастный? За свой поступок антисанитарный в аду гореть ты будешь непременно!

Он (*глядя на свои руки*): Но как же мне их вымыть, ёлы-палы, когда воды горячей нету в кране? Читал намедни местную газету, там пишут, будто город наш несчастный сто миллионов золотых дукатов за отопленье отдавать не хочет. (*Тычет пальцем в виднеющуюся из окна трубу.*) Ганзейские купцы везли нам уголь, а нынче деньги кончились, хоть тресни. Что скажешь ты, несчастная, на это?

Она (*томно развалившись на оттоманке и закатив глаза*): Вчера с тоски повеситься хотела – не мылится проклятая верёвка. Откроешь кран – кровь леденеет в жилах, и стынут пальцы, и в очах темнеет. Души меня скорее, о несчастный! Не жить, не жить мне без воды горячей...

Он (*падает на колени*): Прости меня, несчастная, за муки! Сегодня мне приятель на базаре поведал, что тепла не будет вовсе. Коль не отыщутся в казне дукаты, все дружно околеем в эту зиму.

Он и Она (*хором*): О, мы несчастные! Нет повести грустнее, чем повесть о холодной батарее! (*Закалываются негигиеничными кинжалами.*)

ГОДЗИЛЛА

Шутки шутками, но из-за того, что отцы города увлеклись междоусобной борьбой и воровством, в Лосиногорске произошла невиданная доселе коммунальная катастрофа. Была одна из таких зим, когда морозы стояли за минус сорок. Котельная работала на предельной мощности, угля не хватало (осенью его закупили в обрез – лишь бы отчитаться), а когда он закончился совсем, стали топить какой-то дешёвой горячей пылью. Её привозили в расхристанных вагонах, и за время пути она так смерзлась, что атлетам-грузчикам приходилось раскалывать ледяную массу отбойными молотками. Бесформенные комья летели в топки, пыль страшно чадила, засоряла котлы и трубы. В результате в разгар холодов котельная остановилась вовсе. Вода в водопроводных сетях замёрзла, они стали лопаться...

Злосчастный городок словно бы отбросило на много десятилетий назад – в годы гражданской войны. В квартирах температура упала ниже нуля, на стенах вздувались отставшие обои, из окон виднелась царившая на улицах разруха, а люди сидели в стылых комнатах, кутались в пальто и одеяла, давились комбинатовскими макаронами и гадали, удастся ли дожить до завтрашнего дня.

Миновало четыре года, и на горизонте вновь замаячили выборы. У Чухнова хватило ума сообразить, что второй мэрский срок ему не светит ни при каком раскладе. Он пересчитал нажитые непосильным трудом сбережения, решил, что ему достаточно, слез с трона и, боясь мести со стороны земляков-лосиногогорцев, спешно переселился в загодя купленную квартиру в средней полосе.

Мысль, что золотые прииски переходят в чужие руки, не давала Абраму Петровичу покоя. Он поклялся бороться до конца и выставил на выборах кандидатуру своего приятеля, который в случае успеха обещал делиться барышами по понятиям. Сам Абрам Петрович двигаться в мэры не рискнул: роль кукловода была ему ближе. К несчастью для него, приятель пролетел с треском. Одновременно проходили и перевыборы городского совета. Когда подсчитали голоса, Абрам Петрович раз и навсегда уяснил, что переполненная чаша народного терпения – это не выдуманный пропагандистами красивый образ, а вполне конкретная штука, увесистая и беспощадная, как дубина. Даже изрядно разбухший за последние годы кошелек не помог ему во второй раз войти в золотоносную реку. Васильчиков со своей стороны задействовал все административные и финансовые ресурсы, чтобы вышвырнуть врага из рядов законодательного собрания. Старания его были вознаграждены. Абрам Петрович проиграл.

Новый горсовет представлял собой поразительно пёструю и дурацкую компанию. Как и в первый раз, подавляющее большинство в нём составили работники ЛОСИСа: попали туда и вертлявый юнец из юридической службы, которого все называли просто Федей и гоняли за пивом; и один из «оруженосцев» Васильчикова – заместитель генерального директора по-не-помню-каким-вопросам; и древний аксакал Гаврила Никодимович, лет пятьдесят плесневевший в отделе по услугам. Из остальных помню двоих сантехников, актриску из Дома культуры, тормознутого вояку из затерянного в пригородном лесу ракетного гарнизона...

Вспоминаю их первое заседание. Надутые от важности, как лягухи, они собрались в малом зале администрации. Заседание, согласно уставу, вёл самый пожилой из них – аксакал Гаврила Никодимович. Он начал что-то шамкать, предложил избрать председателя, но тут заместитель Васильчикова по-не-помню-каким-вопросам, брезгливо взглянув в сторону приглашённых, потребовал объявить заседание тайным – видимо, чтобы посторонние не узнали подоплёку распределения важнейших государственных постов. Депутаты радостно проголосовали, и посторонним, среди которых, кроме журналюг, были члены избиркома, депутаты первого созыва и кто-то из чиновников администрации, указали на дверь. Присутствовал на заседании и Чухнов – он ещё числился в мэрах, передавал дела своему преемнику.

Ему разрешили остаться, он беспомощно оглянулся на Абрама Петровича, и тут вспыхнул скандал.

Абрам Петрович, который в одночасье стал никем и которого – о, ужас! – вместе с распоследними журналюгами, как щенка, выгнали из зала, где он четыре года сидел в председательском кресле, вскочил и заорал, что выборы проведены незаконно и что он напишет заявление в Страсбургский суд, а ещё лучше – позовёт братву и всех здесь уроет. Те из депутатов, кто был выдрессирован Васильчиковым, вжали головы в плечи – рефлекторная реакция на крик. Вместе с ними притихли и остальные. Накричавшись, Абрам Петрович повторил, что это безобразие так не оставит, и стремительно покинул зал. Следом за ним с плачем убежал Чухнов.

Заседание было прервано. Кто-то из депутатов ляпнул: «А вдруг и правда братву приведёт?» – и все разбежались по домам. Призрак Абрама Петровича преследовал их трое суток, они таскали с собой электрошокеры и составляли завещания. Наконец, заместитель генерального директора по-не-помню-каким-вопросам не вытерпел (очень уж ему хотелось сделаться председателем) и предложил собраться, чтобы обсудить ситуацию. Сходка состоялась в глубочайшей тайне. Собрались в школе, где работала одна из депутатш. Пригласили для консультации адвоката, который, однако, и сам ни черта не знал. Долго спорили и решали, как противостоять чудовищу по имени Абрам Петрович. А Абрам Петрович уже не думал о них. Он собрал чемоданы и отбыл за границу, где как раз достраивалась его частная клиника – будущий Клондайк. В Лосиногорске он больше не появлялся, но, думаю, ещё появится – всё-таки право на бесплатные похороны на городском кладбище осталось за ним.

МНОГОЛИКИЙ КАНДЫБА

На смену Чухнову пришёл мэр совершенно другого типа. Васильчиков взрастил его в недрах транспортного цеха и толкнул сначала в депутаты, а потом сделал начальником города. Звали этого человека Леонид Николаевич Кузьмичёв. Двухметрового роста, с плечами, будто обструганными стамеской, и с приклеенной представительской улыбочкой, он впечатлял не только (и даже не столько) своей внешностью, сколько поведением. Работая транспортником в ЛОСИСе, Кузьмичёв покорно гнул выю перед Хозяином, был молчаливым и бесцветным, но, угодив в мэры, неожиданно преобразился.

Первые дни он чувствовал себя неуютно – видно было, что мэрство обрушилось на него так же негаданно, как и на Чухнова. Но, в отличие от последнего, Кузьмичёв быстро сориентировался в пространстве и выработал для себя совершенно определённую линию. Вся сущность его оперативно перестраивалась на новый лад.

Меня это не удивляло, я видел превращения и покруче. Когда-то под руководством того же Васильчикова трудился начальником подсобного хозяйства некий Кандыба. Когда затеяли выборы в областную думу, он вдруг изъявил желание баллотироваться по Лосиногорско-

му округу. Он приволакивал к нам в редакцию свои агитки и скромно, но настойчиво топтался в приёмной, рассказывая нам зачем-то о том, как он собирается повышать надои у себя в подходе и сколько яиц в день несут содержащиеся там полудохлые куры. Васильчиков доверял ему, к тому же подход давно собирались закрыть по причине нерентабельности. Словом, поддержанный ЛОСИСом, нескладный Кандыба сенсационно обставил богатых соперников и стал представителем Лосиногорска в региональном парламенте.

Он мигом стянул с себя драную болоньевую куртёнку, от которой несло коровьим навозом и куриным помётом, и облачился в брюки и пиджак, купленные по такому случаю в центральном областном универмаге. Теперь он уже гнушался лично заходить к нам в редакцию (панибратство с журналистами могло его скомпрометировать) и присылал отчёты о своей депутатской деятельности через нарочных. Но мы по-прежнему общались с ним, когда он вёл приёмы граждан и параллельно давал интервью. О подходовских коровах, благополучно пущенных на котлеты, он больше не рассуждал – мозги его переключили на проблемы нашего субъекта Федерации: он разглагольствовал о причинах снижения улова трески, о договорах по использованию ресурсов арктической зоны и прочих мудрёных вещах, которые мало волновали его, пока он ходил в болоньевой куртке.

На заседаниях областной думы Кандыба проявлял завидную активность – встречал во все диспуты, выступал по любым вопросам и позиционировал себя как неистового патриота родного края. Его активность была замечена, и его взяли в областную администрацию седьмым или восьмым заместителем губернатора. И снова произошло удивительное преображение. Кандыба выбросил свой депутатский костюм и купил себе новый – от ведущего дома моды, за цену, которая составляла десяток его прежних подходовских зарплат. Он стал величать себя не иначе как «вице-губернатором», выступать по областному телевидению и давать интервью настоящим *журналистам*. Он совсем перестал приезжать в Лосиногорск – теперь это уже не соответствовало его положению и могло вызвать непонимание и даже насмешки в той среде, где он отныне вращался.

Но один раз мы всё-таки увидели его у себя – он прибыл в составе свиты во время очередного объезда губернатором обширной вотчины. Кандыбу внезапно пробила непонятная ностальгия, и он, отколовшись от многочисленной группы, заглянул в управление ЛОСИСа. Рассказывали, что он, протянув бывшим коллегам холёную и пахнущую уже не дерьмом, а дорогим парфюмом от «Хьюго Босс» руку, другой рукой поставил на стол пакет с чем-то тяжёлым. Внутри оказалась бутылка вина, которую он привёз, когда ездил в Париж налаживать по поручению губернатора торговые связи с Францией. Когда бутылку извлекли из пакета, раздались одобрительные возгласы. Кандыба в запальчивости потребовал штопор и стал уже подтягивать рукав своего ослепительно модного пиджака, чтобы привычным движением откупорить бутылку, но остановился и отбросил от себя штопор, точно тот вдруг начал кусаться или бить током. Вице-губернатор вспомнил о своём высоком достоинстве! Он не имел права зани-

маться таким прозаичным и низменным делом, тем более в присутствии людей, над которыми он теперь возвышался, как волжский утёс. Никто из помнивших его болоньевую куртку поначалу не понял, что случилось, но потом догадались, открыли бутылку сами, и Кандыба изволил царственно принять наполненный бокал и даже оказал всем честь, произнеся тост.

Однако на этом его фантастический взлёт завершился, и через полгода Кандыба слетел со своего поста. В качестве компенсации губернатор помог ему вернуться в думу, и Кандыба окопался там на несколько сроков подряд – вплоть до ухода на пенсию. Он даже основал собственную политическую партию, в которую записались ровно семь человек из числа его близких знакомых.

ТРАНСФОРМЕР КУЗЬМИЧЁВ

Примерно так же преобразался и новый лосиногорский мэр Кузьмичёв. Когда я впервые увидел его в кабинете главы администрации, который он только что занял и откуда ещё не выветрился запах дрянных сигарет Чухнова, на нём были потёртые джинсы с пятнами машинного масла на коленках и заношенный до безобразия свитер в рыжую полоску. В громадном кресле Кузьмичёв чувствовал себя неловко: ёрзал задницей по сиденью, отыскивая удобную позицию, и шарил руками по необъятным подлокотникам. Многочисленные телефоны и факсы, живописно разбросанные вокруг его рабочего стола, вызвали у него оторопь – стараясь разобраться в сложной мозаике кнопок и клавиш, он краснел как первоклассник.

Где-то через месяц стало заметно превращение гадкого утёнка в величественного лебедя. Джинсы и свитер получили отставку, вместо них могучую фигуру мэра облегал элегантный костюм. Месяца три Леонид Николаевич учился его носить. Всё это время в кабинете за дверью висела пролетарская спецовка. В начале своей бургомистерской карьеры Кузьмичёв, слыша сообщения о каких-нибудь проблемах, по рабоче-крестьянской привычке срывался с места и мчался лично улаживать дело, даже если оно касалось сломанной скамейки во дворе или лопнувшей трубы в чьей-нибудь уборной. В гневе он был страшен. Услышав во время планёрки бормотание начальника ГОВД о том, что милиция бессильна противостоять хищениям бронзы и никеля с памятников на городском кладбище, он вскочил, грозным рёвом распугал подчинённых и бросился к себе в кабинет. Планёрка была прервана, никто не знал, что последует дальше. А Кузьмичёв через несколько мгновений материализовался перед аудиторией уже в спецухе и рваных кроссовках и властно приказал первому заму (по совместительству мужу своей сестры) Лимонову, а заодно и мне, следовать за ним.

Подгоняемые начальственным матом, мы прыгнули в мэрское авто и минут через пять были уже на окраине города. Здесь размещался пункт приёмки металлического лома, где, разумеется, и оседали все упёртые с кладбища никелированные таблички и бронзовые детали

могильных оградок. Да что там таблички! Воровство цветных и чёрных металлов достигло в городе небывалых размеров. С комбината лямзили запчасти термопласт-автоматов и экскаваторов, с фонарных столбов срезали электропровода. Когда телефонисты начали прокладывать оптический кабель, не шибко грамотные охотники за цветом выкапывали его из промёрзшей земли и пытались обжигать. Мы в своей «Синтетике» даже опубликовали воззвание к гражданам воров, где подробно разъясняли, что в кабеле этом нет ни грамма «цветнины». Самым выдающимся случаем стало похищение буквы «К» с каменной стены на въезде в город, где красовалась циклопическая надпись: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЛОСИНОГОРСК». Стальные литеры были намертво вмурованы в камень, но грабителей это не остановило.

И вот в глубине кузьмичёвской души вскипела благородная ярость, и он решил немедленно покончить с этим беспределом. Он ворвался в барак, наполненный всевозможным хламом, и, не обращая внимания на хлипкого приёмщика, у которого от изумления челюсть отвисла до пола, стал вытряхивать из приготовленных к отправке мешков разнокалиберные железяки. Лимонов по долгу службы помогал ему, я стоял в сторонке, посчитав, что разумнее будет не вмешиваться. Задача прессы – фиксировать события, а не участвовать в них. Наконец, приёмщик осмелился нарушить это безмолвное «наведение порядка» и что-то негромко вякнул. Леонид Николаевич взревел и поднял над головой нечто похожее на ротор от крупного электродвигателя, будто намеревался этим ротором шарахнуть приёмщика по макушке.

– Молчать! Это, по-твоему, что за хренотень?

– Не могу знать... – прошептал приёмщик, косясь на приколотую к двери бумажку, на которой чёрным по белому было написано, что пункт принимает от населения только чайники, сковородки и прочий *бытовой* лом.

– Это, по-твоему, бытовой лом? Бытовой, да?

Кузьмичёв швырнул ротор на пол рядом с порогом, и стены барака содрогнулись. Лимонов подумал и швырнул туда же увесистую шестерню, изъятую, надо полагать, из утробы какого-то агрегата. Приёмщик забился в угол. Кузьмичёв вытер испачканные пальцы о спецовку и вызвал по мобильнику начальника ГОВД. Тот прибыл с оперативностью, какой я никогда не наблюдал у обычных милицевских нарядов, выезжающих на место преступления. Кузьмичёв с гордостью продемонстрировал ему разорённое бандитское гнездо, приказал немедленно опечатать барак и завести уголовное дело.

Барак простоял опечатанным двое суток. Хозяева пункта созвонились со своими покровителями, и те тактично объяснили Кузьмичёву, что он не прав. Не знаю, махали ли у него перед носом бейсбольной битой (он был не робкого десятка). Возможно, ограничились мирной просветительской беседой, в ходе которой мэр уяснил, что всех средств городского бюджета не хватит, чтобы выиграть предстоящий судебный процесс. В итоге двери пункта вновь гостеприимно распахнулись перед несунями.

Будем объективными: Кузьмичёв стремился стать мэром справедливым и благородным. И хотя личные выезды «по вызову» со временем прекратились, он продолжал гневно рычать на заместителей, заставляя их периодически отрывать филейные части от кресел и замечать этот... как его?.. Народ.

Заместители, впрочем, не перетруждались. Если первый зам был всегда наподхват и в случае спешного отъезда градоначальника оставался на хозяйстве, то второй, ответственный за социально-культурный комплекс, откровенно бил баклуши. На эту замечательную должность брали обычно приятелей мэра, которым оставалось совсем немного до пенсии. Их обязанности заключались в том, чтобы протирать штаны, проводя различные совещания по терроризму, наркомании и пьянству, по внедрению в массы высокой культуры, по воспитанию несовершеннолетних и т. п. Иногда нужно было съездить в какой-нибудь детский сад или школу, чтобы от имени мэра поздравить согнанных на линейку детишек с началом нового учебно-воспитательного сезона или отъездом в летний лагерь.

Вторые замы при Кузьмичёве менялись в среднем раз в год. Чтобы не свихнуться от ничегонеделания, они заполняли своё свободное время на работе как могли: один просто уходил в запой, а другой упражнялся на гитаре и затем потрясал детсадовцев сольными номерами, исполняя, вместо занудной речи о воспитании, залихватскую «Мурку» или «С одесского кичмана сбежали два ургана». Ребятишки вопили от восторга. Я тихо завидовал. Все эти таланты имелись и у меня – я тоже умел пить водку, брэнчать на гитаре, сидеть с умным видом на совещаниях и даже при необходимости мог задвинуть небольшой спич о взаимоотношении отцов и детей. Но меня почему-то не брали на работу в городскую администрацию. Может, потому, что я не был родственником Кузьмичёва и даже не соседствовал с ним по дачному посёлку?

ДОРОГОЙ ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ

С воцарением Кузьмичёва обстановка в мэрии изменилась самым коренным образом. После четырёх лет полного разгильдяйства, которое господствовало при Чухнове, разленившемуся аппарату администрации было очень трудно заставить себя хоть что-то делать. Гиперактивный Кузьмичёв начал раскручивать это заржавевшее колесо. Первым делом он ввёл обязательные еженедельные совещания, на манер оперативок ЛОСИСа, где по примеру Васильчикова прилюдно порол своих нерадивых слуг. Последних это поначалу шокировало, но с начальством не поспоришь, и вскоре растолстевшие клерки превратились в таких же загипнотизированных удавом кроликов, каких я видел по средам в конференц-зале комбината.

Работы прибавилось и мне – теперь я обязан был присутствовать и на оперативках в управлении ЛОСИСа, и на аппаратных в мэрии. Разницы между этими совещаниями было немного: и там, и там Большой Босс блистал красноречием, а публика благоговейно слушала,

мечтая только об одном: поскорее бы он закончил. Руководительский стиль Кузьмичёва был стопроцентно слизан с манеры Васильчикова – чиновникам администрации точно так же доставалось за дело и без. И Леонид Николаевич, и Виктор Аркадьевич обожали хохмить, причём юмор их был по-производственному неуклюж и тяжеловесен. Оба любили удивлять подчинённых какими-нибудь заранее заготовленными сюрпризами. Кузьмичёв однажды принёс на совещание коробку, вынул из неё пластмассовую игрушечную обезьянку и пустил её скакать по столу, за которым сидели начальники отделов. Обезьянка трещала и подпрыгивала, а чиновники глазели на неё, соображая, к чему клонит патрон. Кузьмичёв хохотал. Потом упрятал обезьянку обратно в коробку и сказал:

– Въехали? На работе надо кувыркаться, а не груши околачивать.

Какое-либо понятие о такте у Кузьмичёва отсутствовало.

В Лосиногорск часто навевывались шведы – привозили гуманитарную помощь и учили нас, неразумных, как нужно жить. Мэр принимал их у себя в кабинете, выражал благодарность от имени города и поил жидким муниципальным чаем. Был день, когда шведы приехали в трауре – незадолго до того от руки террориста погиб их премьер-министр. Кузьмичёв, похохатывая, встретил их словами:

– Везёт же вам! У нас вот после Столыпина ни одного премьера не грохнули...

Внешняя топорность, которую не могли скрыть ни отутюженный костюм, ни аромат «Кензо», сочеталась в нём с замашками великого вождя. Он до безумия любил красоваться перед аудиториями всех возрастов и мастей и первое время, пока не постарел и не нагулял бока, выступал по каждому удобному поводу: на демонстрациях протеста против войны в Ираке, на юбилеях муниципальных организаций и днях открытых дверей, на митингах памяти жертв насилия и масленичных гуляниях, на творческих вечерах местных рифмоплётов и общественных слушаниях на предмет прокладки по территории области какого-нибудь газопровода... Говорить он не умел, но никогда не пользовался заранее написанной речью – просто выходил к микрофону и шпарил всё, что приходило в голову. Работникам ЖКХ рассказывал о своей любви к русской литературе, библиотекарям – о планах по замене ветхих тепловых сетей. И всюду подчёркивал значимость родного ЛОСИСа и персонально – Виктора Аркадьевича Васильчикова.

Да, на этот раз Васильчиков не ошибся: Кузьмичёв ни на миг не позволил себе усомниться в неприкосновенности человека, который посадил его в кресло мэра. Ни разу – ни словом, ни делом – он не наехал на ЛОСИС, не подверг критике барскую позицию его руководителя. Это было святое. Васильчиков торжествовал. Теперь он мог не отвлекаться на раздражающие внешние факторы, потому что таких факторов больше не существовало. В благодарность он позволил Кузьмичёву обрастать внешними признаками величия сколько тому вздумается. И Кузьмичёв не замедлил этим воспользоваться.

У него была воистину патологическая любовь к собственным портретам. Они висели во всех муниципальных учреждениях в компа-

нии вместе с портретами Путина. Кроме того, нам было дано задание в каждом номере публиковать фото мэра и непременно на первой полосе: мэр на митинге, мэр на стройке, мэр выступает перед студентками профтехучилища, мэр поздравляет выпускников, мэр сочувствует лосиногорской футбольной команде, вылетевшей из розыгрыша Кубка области... Потом аппетиты стали расти, и «Синтетика» обязана была публиковать по два, по три, по четыре портрета Кузьмичёва – чтоб и на первой, и на второй, и где-нибудь на развороте, и ещё на последней, среди рекламы и некрологов, которые на газетном жаргоне именовались «помирашками». Когда подошло Восьмое Марта, мы – наивняк! – рискнули украсить «лицо газеты» улыбающейся девицей и здорово за это заплатились. Вне зависимости от обстоятельств, событий и дат, с фасада «Синтетики» имел право улыбаться или хмуриться только Кузьмичёв. Допускалось наличие рядом с ним статистов – к примеру, тех же выпускников или пэтэушниц, но они ни в коем случае не должны были затмевать светлый образ Леонида Николаевича.

Часто среди рабочего дня, наполненного редакционной сутолокой, раздавался звонок из мэрии, и секретарша сообщала, что «глава администрации направляется на пикет в поддержку Комитета по спасению полярных сов». Приходилось бросать срочные дела и лететь на крыльях любви с фотоаппаратом на шее, чтобы запечатлеть сей исторический момент и напечатать отчёт о нём в ближайшем номере, даже если этот номер был уже свёрстан и сдан в типографию.

Существовал также определённый стандарт в отношении упоминаемый имени Леонида Николаевича в статьях и заметках. Я долго силился понять, почему мэру не нравятся мои газетные цедули о проводимых им планёрках. Вроде бы, я всё делал как надо: хвалил администрацию, восторженно писал, как с каждым днём хорошеет город – но Кузьмичёв поглядывал на меня с выражением, становившимся раз от разу всё мрачнее. Набравшись храбрости, я спросил у него об этом напрямик. И тогда его прорвало: он заявил, что в «Синтетике» работают бесчувственные олухи, не понимающие, сколь много он, Леонид Николаевич, сделал для их преуспеяния. Я не совсем понял, о каких именно благодеяниях идёт речь: после ухода Чухнова администрация опять вспомнила о своих учредительских обязательствах и возобновила перечисление средств на содержание газеты – вот и всё. Средства, заметим, были скудные до крайности, мы выбрались из глухой нищеты, но, как и прежде, не имели возможности позволить себе многое из того, что доступно людям так называемого среднего достатка. Однако в мэрии, как и в дирекции ЛОСИСа, считали, что мы непозволительно жируем и питаемся исключительно красной икрой, намазанной на осетрину.

Когда кузьмичёвская тирада приближалась к завершению, меня осенило: мэру хочется видеть себя не только на фото, но и в текстах. Причём, чем больше, тем лучше. Я стал осторожно экспериментировать и пришёл к выводу, что для обеспечения Леониду Николаевичу нормального самочувствия достаточно упоминать его фамилию в следующих соотношениях: в новостях, касающихся мэрии, – в сред-

нем три раза на пятьдесят строк; в статьях объёмом в полполосы и больше – не менее пяти раз; в небольших заметках – как минимум по одному разу. Мы стали следовать этой норме, и Леонид Николаевич успокоился. Эту же фишку просекли начальники муниципальных предприятий, директора школ и культработники и стали тащить нам вороха идиотских писулук, в которых рассказывалось о внимании, уделяемом Кузьмичёвым тому или иному заведению. Все эти вернопоподданнические телеги содержали одинаковые тезисы: «Огромное спасибо дорогому Леониду Николаевичу за сердечную теплоту и бескорыстную помощь. С Леонидом Николаевичем мы не пропадём! Побольше бы таких прекрасных людей, как наш Леонид Николаевич!»

Куль личности Кузьмичёва создавался в лучших традициях Ким Чен Ира и покойного ныне Туркменбаши. На Новый год дети водили хороводы вокруг Ёлки Мэра, по весне устраивался теннисный турнир на Кубок Мэра, зимой – лыжные гонки на Приз Мэра, лучшие спортсмены города получали Стипендии Мэра (Кузьмичёв вообще любил спорт, особенно лыжи, и присвоил своему бывшему школьному физиру звание «Почётный житель Лосиногорска» только за то, что тот, невзирая на радикулит и подагру, таскался с ним каждое зимнее воскресенье в лес и играл роль заведомого аутсайдера в забегах по просекам).

Когда Кузьмичёва наградили какой-то левой медалькой из тех, что продаются в подземных переходах, он прислал в редакцию ксерокопию наградного свидетельства, фотографию медальки, свой свежий парадный портрет и составленный кем-то из прихлебателей панегирик в честь великого орденоносца. Под это фуффло, дополненное многочисленными поздравлениями от «друзей и коллег», мы срочно расчистили полторы полосы.

Но и этого оказалось мало. Была составлена объёмная брошюра под названием «Наш любимый мэр». Туда вошли все интервью Кузьмичёва и полный список газетных материалов, где он упоминался прямо или косвенно. Представляю, как упарились несчастные библиографы! Кроме того, брошюра содержала подробную биографию Леонида Николаевича и специальный фотораздел, где были представлены скрупулёзно отобранные снимки Леонида Николаевича, начиная с ясельного возраста. Как только брошюра увидела свет, в центральной городской библиотеке состоялся творческий вечер виновника торжества. У ведущей – молоденькой библиотечной девочки – срывался от волнения голос, а наш герой восседал перед собранной по такому случаю толпой и, пыжась от упоения собственной важностью, отвечал на вопросы, которые ему передали за неделю до вечера. Ответы были нудными и бестолковыми, но публика встречала чуть ли не каждое слово бурными овациями. Под занавес Кузьмичёву преподнесли букет цветов размером со слона и алую ленту, на которой значилось: «Лучший в мире мэр».

В КОЛЬЦЕ ВРАГОВ

С манией величия Леонида Николаевича мы кое-как свыклись. Но оказалось, что она сочетается у него с другой неизлечимой болезнью – манией преследования. Как все великие диктаторы, он вечно боялся подстав со стороны окружения, даже самого преданного. Ему мерещились заговоры и тайные союзы, ставящие своей целью подорвать его репутацию в народе. Народ, кстати, к Кузьмичёву относился спокойно. Новый мэр не считался рохлей, как Чухнов, но и титул «Солнца Нации» носил только номинально, благодаря самовнушению и стараниям административной клики. С точки зрения лосиногогорских обывателей, он, скорее, принадлежал к категории «Всё равно никого путёвее не найти». Думаю, он бы сильно обиделся, если бы узнал истинную цену своего авторитета, ну да ладно.

Опасаясь козней со стороны невидимых врагов, Леонид Николаевич всегда держал ухо востро. Как-то он оказал мне услугу, и я из самых чистых побуждений принёс ему бутылку коньяка. Коньяк был так себе – раскошелиться на что-то супердорогое не позволяла зарплата. В кабинете мы с мэром были одни, и я протянул ему полиэтиленовый пакет с бутылкой, рассчитывая тут же развернуться и уйти. Реакция Кузьмичёва была молниеносной: он отскочил от меня, как будто я протягивал ему кобру. Я пожал плечами, поставил пакет на стол и направился к двери, но Кузьмичёв в два прыжка нагнал меня, сунул пакет обратно мне в руки и в ужасе забормотал: «Забери! Забери!» Пришлось забрать. Таким я его никогда не видел. Наверное, он подумал, что в пуговицу моей рубашки встроена видеокамера и я собираю на него досье по заданию конкурентов. За неделю до этого в соседнем городе мэра сняли с должности за то, что брал взятки.

Подарки Кузьмичёв принимал только при свидетелях и только по делу. А вот выпить любил, благо поводы представлялись часто: поднимая рюмку на каком-нибудь ведомственном банкете, он произносил длинную речь о бюджете и теплосетях, заканчивая её своей любимой суконной армейской присказкой: «За присутствующих здесь дам – дважды короткое, третье протяжное: ура! ура! ура-а-а!» Пил он умеренно и ни на миг не терял контроля над окружающими, среди которых вполне могли оказаться те же невидимые враги.

Наша «Синтетика» была взята в ежовые рукавицы. То, что предыдущие полвека она вела себя как затурканный кутёнок, не смеющий подать голоса без позволения владельца, не являлось с позиции Леонида Николаевича твёрдой гарантией её лояльности в дальнейшем. Посему он распорядился все готовящиеся к печати материалы приносить ему на вычитку. Если бы он в достаточной мере знал русский язык, мы могли бы сэкономить на корректуре. Но, к сожалению, с грамотностью у него были нелады, и вносимая им правка касалась отнюдь не орфографии с пунктуацией. Страницы возвращались в редакцию со сделанными красной пастой дописками: «По мнению Леонида Николаевича, это было хорошее мероприятие», «Леонид Николаевич распорядился обратить особое внимание на организацию предстоящего праздника», «Ветераны встретили Леонида Николае-

вича продолжительными аплодисментами», «Разумеется, такое важное событие не обошлось без участия Леонида Николаевича» и тому подобное.

Самые большие трудности возникали с интервью. Если его давал кто-нибудь из чиновников администрации, Кузьмичёв без тени сомнения вписывал в его ответы свои фразы и зачёркивал то, что казалось ему лишним. Брать же интервью у него самого было пустой тратой времени: готовый текст он переписывал по-новому, не оставляя от прежнего ни одной строчки. Задаваемые вопросы его тоже не устраивали. Когда это надоело и ему, и нам, он приспособился брать у себя интервью самостоятельно. Раз в квартал в редакцию привозили пухлую пачку листов, исписанных знакомым почерком: «Дорогой Леонид Николаевич, не согласитесь ли Вы ответить на несколько вопросов, волнующих наших читателей?» – «Что ж, постараюсь ответить...» – и далее шла та самая бодяга о бюджете и трубах, которую он постоянно вкраплял в свои устные речи. Тамарке оставалось только набить её на компьютер. Правда, после этого Кузьмичёв требовал предъявить распечатку и вписывал в неё своей красной авторучкой новые мысли, пришедшие ему в голову. Мысли рождались у него одна за другой, вплоть до выхода номера, и наша Лариса, злая, как ведьма, перекраивала полосы по двадцать раз.

Таким остался у меня в памяти незабвенный Леонид Николаевич Кузьмичёв. Парадоксальнее всего то, что я склонен относиться к нему с уважением. При всех перегибах и завихрениях он был человеком слова и если уж что-то обещал, то непременно своё обещание сдерживал. За пределами Лосиногорска его любование собой куда-то улетучивалось, и он, не стесняясь, бил челом на приёмах у губернатора, выпрашивая для города дотации, без которых невозможно было ликвидировать оставленный Чухновым экономический и коммунальный развал. И дотации выделялись. За первые четыре года, что Кузьмичёв находился у городского руля, Лосиногорск начал потихоньку восстанавливаться из пепла, а точнее, из снежного крошева. Реанимированное городское хозяйство задышало, в бюджете завелись кое-какие деньги. Ненасытного Абрама Петровича уже не было в городе, поэтому не всё оседало в чиновничьих карманах – что-то перепало и на первоочередные нужды муниципалитета.

Словом, Кузьмичёв был не самым плохим лосиногорским мэром. Но именно при нём «Заполярная синтетика» попала в самые душные условия, в какие только может попасть лишённое каких-либо прав средство массовой информации.

КУПАНИЕ ПЕДАЛЬНОГО КОНЯ

В одной библиотеке мне показывали уникальный самовар. Уникальность его в том, что к нему прилагается вспомогательное средство – молоток. Люди посторонние удивлённо хлопают глазами и задают наивные вопросы. А библиотечные девушки терпеливо объясняют: молоток для того, чтобы стучать им по ржавому кранику. Бумс! –

и кипяток течёт в подставленную чашку. Бумс! – и краник возвращается на место. Можно было бы, наверное, в складчину купить самовар без дефектов, но как-то привыкли. К тому же какая-никакая экзотика – ни у кого больше нет столь оригинального устройства.

Раньше об уважении к прессе говорили со священным трепетом, а потом, когда оно вышло из моды, его благополучно свезли на свалку истории и предали забвению. В итоге расплодился журналюг, обрабатывающих каменистое информационное поле, и понукающих ими плантаторов. Олл райт.

Антиутопия? Сюрреализм? Кстати о птичках. Видел на днях у одного знакомого портрет Ахматовой работы Петрова-Водкина. Лик у Анны Андреевны был печальный. О чём она думала – не о будущем ли, когда вожденная свобода слова вновь превратится в пшик?

Избавиться от объективности легко. Бумс! – и закрылся краник. Вот только открыть его опять вряд ли получится. Хоть все пальцы себе молотком отшиби.

Глава третья

БИТВА ПЛАСТМАССОВЫХ КАНЦЛЕРОВ

МЫ ПРИШЛИ ДАТЬ ВАМ ВОЛЮ

В экономике я всегда разбирался слабо. Моих знаний в этой сфере хватало только на то, чтобы прикинуть возможности семейного бюджета и определить, сможем ли мы с супругой позволить себе отдых нынешним летом или же, чтобы свести концы с концами, придётся вкалывать без отпуска. Но году в 2002-м мне довелось познакомиться с экономическими тонкостями более детально. Смаживало это на детектив и триллер в одном флаконе.

На очередном собрании акционеров ОАО «ЛОСИС» держатели 30 с небольшим процентов комбинатовских акций продемонстрировали публике решение «тмутараканьского» суда, которым фактически аннулировались права на обладание контрольным пакетом, принадлежавшие «Северпласту». Таким образом, как утверждали миноритарии, Лосиногорский комбинат переходил к ним – компании с анемичным названием «Финансовый деятель».

Ситуация была нелепой до крайности. Во-первых, означенная компания «ФД» сама всплыла неизвестно откуда, за её спиной, как тень отца Гамлета, стоял загадочный кипрский оффшор. Во-вторых, господин, на чей иск опирались «деятели», обладал, как выяснилось, одной-единственной акцией ЛОСИСа. В-третьих, миноритарии не имели никакого отношения к пластику и щебню и весьма смутно представляли себе, каким образом из жидкой синтетической массы получают готовые тазики и подносы. Короче говоря, это был натуральный блеф, разыгранный с восхитительным нахальством.

В конференц-зале, где проходило собрание, известие о переделе комбината вызвало переполох. Объявили перерыв. «Деятели» оказа-

лись не слишком опытными захватчиками, поскольку, решив, что дело выгорело, покинули здание управления ЛОСИСа и отбыли за город – очевидно, для того, чтобы на лоне природы обсудить программу развития производства. Паузой немедленно воспользовалось низложенное руководство во главе с Васильчиковым, и девятиэтажное здание управления, именуемое в народе «Белым домом», спешно начали переводить на осадное положение.

Редакция «Заполярной синтетики» была расположена очень удобно: из окон хорошо просматривались крыльцо «Белого дома» и центральная площадь, где, как нам думалось, должны были развернуться основные события. Но время шло, площадь оставалась пустынной, а «Белый дом» хранил угрюмое молчание.

Тогда я, прихватив диктофон, отправился на вылазку. Поднявшись на крыльцо управления, деликатно постучал в парадные двери. Охранник в камуфляже показал мне из-за прозрачной перегородки кукиш. На моё счастье, в фойе нижнего этажа появился Васильчиков. Он махнул охраннику рукой – мол,пусти. Тот проворно выдернул толстый деревянный брус, которым для надёжности были заперты изнутри стеклянные створки, и я просочился под своды готового к обороне бастиона.

Едва двери за мной закрылись, с улицы донёсся гул автомобильных двигателей, и на площадь торжественно выкатила кавалькада иномарок. Они окружили «Белый дом» полукольцом, едва не упёршись бамперами в крыльцо. Из авто стали вразвалку выходить миноритарии весьма угрожающего вида. В управлении это расценили как начало штурма, по коридорам забегали люди с оружием в руках, и обо мне сразу забыли.

Из фойе было видно, что происходит снаружи. «Деятели» поднялись на крыльцо и убедились, что внутрь их пускать не собираются. Управленческая охрана заметно напряглась, пальцы сжимали рукоятки пистолетов. Миноритарии, однако, не стали ломиться в двери, а устроили на крыльце импровизированный митинг. До нас доносились обрывки фраз: «Полномочия генерального директора Васильчикова считать недействительными... Назначить перевыборы совета директоров...»

Я понял, что делать мне тут абсолютно нечего. Захотелось на свежий воздух и желательно подальше от этого места. Но тут ко мне подошёл комбинатовский безопасник и сказал:

- Пацан, людей мало... Подержишь чёрный ход?
- Как? – не понял я.
- Стрелять умеешь? Лишний пистолет найдётся...

Сразу вспомнились эпизод из «Двенадцати стульев» и классическая фраза Бендера, обращённая к Кислярскому: «Я дам вам парабеллум, вы будете отстреливаться».

Наверное, он шутил, этот безопасник в пятнистой форме. А может, и не шутил. Вид у него был вполне серьёзный. За стеной продолжали ораторствовать «деятели».

От пистолета я отказался наотрез. Сказал, что моя профессия предполагает соблюдение нейтралитета и, вообще, я убеждённый пацифист. После этого осторожно намекнул, что хочу выйти наружу.

– Туда? – саркастически спросил «безопасник» и кивнул на стриженных качков, дефилировавших за стеклом.

– Туда, – ответил я.

– Побьют, – сказал он уверенно и добавил: – Это в лучшем случае.

Полчаса я слонялся по управлению, проверял форточки и оконные рамы. Убедившись, что покинуть здание можно только одним путём, вернулся вниз и заявил охране:

– Выпускайте! Если что – передайте родным, что я пал смертью храбрых.

Процедура моего «выпускания» была обставлена в лучших традициях киношных боевиков. Двое охранников взялись за брус, двое встали по бокам с пистолетами наготове. Миноритарии к тому времени прекратили митинговать и спустились с крыльца, но продолжали стоять у своих автомобилей, в которых, как меня предупредил всё тот же начальник службы безопасности, наверняка имелось кое-что поэффективнее палок и кастетов.

– Если будут бить, не обессудь, – сказал он на прощание. – Я тебя предупредил...

Он махнул рукой, брус выдернули из скоб, створки приоткрылись на самую малость, и через секунду я очутился на улице. Двери тут же закрылись, и я остался с глазу на глаз с бритыми господами из «ФД».

До сих пор считаю, что ЛОСИСу исключительно повезло: оккупанты попались не из воинственных. Они смерили меня недружелюбными взглядами, демонстративно поиграли бицепсами, но, узнав, что я всего лишь местный журналюга, потеряли к моей личности всякий интерес. Я даже покурил с ними у крылечка.

Вечером они уехали, а на другой день городские коммунальные службы «по техническим причинам» перепахали площадь, как картофельное поле. Из-под развороченного асфальта торчали трубы, а вокруг в качестве стального щита стояли экскаваторы и бульдозеры. Народ понял, что враг не пройдёт.

Враг, похоже, тоже это понял. По крайней мере, в городе он больше не появлялся.

Между противоборствующими сторонами развернулась баталия за умы и желудки представителей прессы. Первый выпад сделали «деятели». Их пресс-конференция для региональных СМИ состоялась в областном центре. Всю ту чушь, которая там произносилась, пересказать трудно. Миноритарии уверяли, что под их чутким руководством Лосиногорский комбинат через пару лет станет одним из самых высокоразвитых предприятий в стране и что отныне он будет работать в основном на экспорт, потому что во всём цивилизованном мире спят и видят, как бы заполучить заполярные тазики, причём по любой, даже запредельной цене. Руководить процессом подъёма ЛОСИСа на новую экономическую ступень должен был генеральный директор, о котором известно было только то, что ему 26 лет и термoplast-автоматы он прежде видел лишь на картинках. Этого человека публике так и не представили – он остался своеобразным фантомом, который тем не менее активно выступал в Интернете и посред-

ством распечатанных на принтере листовок обращался к трудящимся ЛОСИСа с призывами поддержать его смелые начинания.

Фуршет, коим были заполированы речи господ из «ФД», отличался аскетической скромностью: рыба в кляре и жалкие на вид и на вкус тарталетки. Как назло, редакционная машина, на которой мы с Оксаной ехали в тот день в столицу нашего северного края, на подъезде к городу сломалась, и, чтобы не опоздать, пришлось совершить пеший марш-бросок под проливным дождём. Промокли насквозь, и во время конференции стук наших зубов заставил коллегу с телекамерой отодвинуться подальше.

Естественно, на фуршете мы оглядывались в поисках чего-нибудь, что помогло бы согреться. Но предложенный гостям полдник (на обед это явно не тянуло) был организован по безалкогольному принципу: в бокалах тоскливо желтел апельсиновый сок. Прессу здесь явно не уважали, и на лицах практически всех работников пера и микрофона читалось выражение горького разочарования. В конце концов, я не выдержал и подозвал официанта. Мой измученный вид говорил сам за себя, и он, сжалившись, налил мне чуть ли не из-под полы красного вина. Авторитет «ФД» в глазах журналистов и даже журналюг упал ниже некуда.

Прожжённая дирекция ЛОСИСа оценила выгодность момента и не замедлила с ответом — уже через день журналистская братия тем же составом переместилась в Лосиногорск. Пресс-конференция Васильчикова была выстроена совсем по-другому, начиная уже с обстановки: уютный зальчик в гостинице «Пласт-Mass», с почти домашними диванами и атмосферой клуба по интересам. После нервных, опускавших глаза миноритариев непробиваемый Виктор Васильчиков казался воплощением хладнокровия и уверенности. Опытный тактик, он быстро увёл разговор от обстоятельств бодания с «ФД» и стал воодушевлённо рассказывать о планах ЛОСИСа на будущее. Это был во всех отношениях удачный ход: рассуждения гендиректора об отдалённой перспективе создавали впечатление, что кресло под ним вполне устойчиво и все передрыги последних дней не выходят за рамки хоть и неприятных, но довольно мелких неудобств.

В первый и последний раз я ел за счёт ЛОСИСа. Видно, судьба комбината и впрямь висела на волоске, раз Васильчиков снизошёл до такого заигрывания. Учитывая важность момента, он даже удалил из банкетного зала официантов — меж столов бегал его верный помощник Василий Иванович, поправлял нам салфетки и подливал в бокалы вино.

Обед (вот теперь это уже абсолютно точное определение) в банкетном зале «Пласт-Mass» поставил жирный, под стать бутербродам с сёмгой, крест на амбициях «Финансового деятеля». Газетные статьи, радио- и телерепортажи, посвящённые этому заочному поединку, были полны ироничного сарказма по отношению к «ФД» и окончательно закрепили превосходство Васильчикова.

Однако контора ЛОСИСа ещё с полгода представляла собой неприступную фортецию: прежние пропуска были объявлены недействительными, и охранники, дежурившие внизу, в междудверном

«предбаннике», пропускали в здание посетителей только с личного разрешения гендиректора. Помню, когда я, допрошенный с пристрастием на предмет наличия преступных замыслов, уже собирался подняться наверх, один из стражей вдруг остановил меня бесподобным по своей формулировке вопросом: «Слушай, а ты – это точно ты?»

Через несколько месяцев юридические претензии «Финансового деятеля» были благополучно отбиты, и об этой истории забыли. Лишь реплика из «Двенадцати стульев» напоминает мне иногда о том, как мне предлагали «подержать чёрный ход».

Глава четвёртая

И НЕМЕДЛЕННО ВЫПИЛ

ЭТО НЕ К НАМ – ЭТО В МЕДПУНКТ

Как бы вам объяснить, что такое редакция газеты.. С точки зрения формальной логики, это такое место, где люди складывают буквы в слова, слова в предложения, предложения в тексты, а потом шинкуют получившееся месиво на колонки и красиво (по возможности) расставляют их на больших листах бумаги.

Но это с точки зрения логики. На самом деле всё гораздо сложнее и запущеннее. Редакцию принято рассматривать как службу спасения, по сравнению с которой МЧС – младшая группа детского сада. Вот далеко не полный перечень просьб, которые доводилось выслушивать мне в бытность мою журналюгой.

1. Включить тепло и горячую воду (если лето, как на грех, выдавалось холодным, то это была даже не просьба, а требование, сопровождавшееся взыванием к остаткам моей совести).

2. Прийти и заварить водопроводную трубу (к сожалению, на журфаке этому не учат, но если бы сантехники из жилкомхоза дали несколько уроков, то почему бы нет?).

3. Очистить город от бродячих собак (причём от всех сразу и как можно скорее).

4. Сбить сосульки с крыши (варианты: разгрести снег у подъезда, посыпать песком тротуар и т. д.).

5. Перевести пять страниц текста с китайского языка на суахили (приятно, что журналистов считают такими продвинутыми, но не всем повезло соответствовать этому идеалу).

6. Срочно разогнать бомжей, буянящих у пивного ларька (мы бы приехали, но редакционный танк в ремонте, а штатные омоновцы в отпусках).

7. Продать литр типографской краски для снятия отпечатков пальцев (продали бы с удовольствием, да сами лицезреем её только в виде оттисков букв на газетной полосе).

8. Напечатать книжку (ваша фамилия Байрон?).

9. Живо, блин, притаранить, блин, деталь для экскаватора, а то эта хреновина, блин, накроется, и сами потом отвечать будете (упорно путали со складом запчастей).

Короче, весёлая работа. Никто не хочет попробовать?

ОТ РАССВЕТА ДО ПЛАНЁРКИ

Представьте себе утро в редакции «Заполярной синтетики». Мы все маленькой и сердитой спросонья кучкой собираемся в тесной кухоньке-клетушке, оставшейся по наследству от бывшего общежития, на чьих площадях, собственно, и располагается редакция. Мы здесь на птичьих правах. Все до единого наши помещения принадлежат ЛОСИСу, мы их арендуем, и стоит Васильчикову захотеть, как «Синтетика» окажется на улице. Впрочем, стоит ему захотеть, и мы окажемся не только без крыши над головой, но и без гроша в кармане. Нормальное кабальное положение.

На всех – один пакетик чая. Вчера его уже использовали раза три. Тамарка, перед тем как закрыть редакцию, заботливо положила его в пустую кружку и залила водичкой, чтобы не покрылся плесенью. За ночь водичка окрасилась в желтоватый цвет. Эту бурду мы разливаем по чашкам, добавляем кипятка – и можно пить. Кажется, остались ещё огрызки пирожков с рисом – сердобольные нянечки из детского сада, о которых Оксана написала в прошлый номер сопливую статейку, принесли, чтобы подкормить оголодавших журналюг. Спасибо вам, добрые тётки!

Эмилия скучным голосом интересуется, чем будем забивать ближайший выпуск. Лиля, наш курьер-уборщица, вчера притаранила из администрации скрученную в рулон бумажную портянку с очередным постановлением горсовета. Плюс с позапрошлой недели валяются штук восемь распоряжений Кузьмичёва. Они никому не нужны, одно из них, например, касается порядка отключения жилфонда от тепла, хотя на дворе июль и в домах давно уже нет не то что тепла, но и горячей воды. Но мы всё равно обязаны напечатать эту ботву, потому что существует придуманный каким-то кретином закон: все распоряжения и постановления муниципальных органов власти вступают в силу только после их опубликования. На самом деле они вступают в силу иногда даже до момента их подписания, однако муниципальные власти боятся прокуратуры и губернатора, поэтому внешне соблюдают правила игры. Их не интересует, что газета не резиновая, а читатели утюжат нас за то, что в ней нечего читать. Кровь из носу – в каждый номер «Синтетики» мы должны заталкивать как минимум две полосы тупейшего официоза. Лариска изгаляется как может: кромсает постановления на куски, ставит их таким мелким шрифтом, что прочесть можно только под электронным микроскопом, но горы этого добра на столе Эмилии не уменьшаются.

– Хорошо, – говорит наша редакторша, – с официозом ясно. Что с авторскими?

На первой полосе – святое дело! – анфасный портрет Кузьмичёва, выступающего на Дне молодёжи. Под ним – меленько – сама молодёжь. Лариске ещё придётся попотеть, чтобы убрать с фоток пьяные рожи и выставленные напоказ банки с пивом. Всё должно быть чинно: поколение Next с законопослушными лицами внимает своему главному наставнику. Я тоже был на этом мероприятии. Мэра никто не слушал, все ждали, когда на сцену выйдет местная рок-самодеятельность, однако в газете всё будет так, словно главным героем концерта был Кузьмичёв.

– Что ещё?

Ещё? Новости комбината, новости мэрии, репортаж о визите Васильчикова на подшефный корабль – ржавое корыто, чьим загибающимся от голода матросам комбинат иногда подбрасывает тушёнку из управленческого буфета, потому что губернатор нашёл такой удобный способ содержать флот. Стандартный информационный набор, от которого смердит, как от нестираных носков.

– Всё? – без малейшего интереса спрашивает Эмилия.

– Шестая гуляет, – сообщает Лариса, прикинув объёмы планируемых материалов и мысленно раскидав их по полосам.

Догрызая чёрствыи пирожки, мы погружаемся в раздумья. Надо что-то изобретать, но, ёшкин кот, середина лета, полная новостная пустыня, даже полсотни строк наковырять – проблема.

– Вчера письмо пришло, – вспоминает Оксана, – от пенсионеров. Двадцать пять подписей.

– О чём? – сразу напрягается Эмилия. – Благодарность мэру за доброту и участие?

Благодарность мэру или директору комбината – это единственное, о чём лосиногорские пенсионеры имеют право писать в городскую газету. Причём если за публикацию обычной благодарности – дворнику, электрику, сантехнику ЖЭКа – клиент должен заплатить, то благодарности Кузьмичёву и Васильчикову публикуются бесплатно. Таков порядок, спущенный нам сверху. Клиенты быстро ухватили суть и стали нести нам благодарности такого примерно содержания: «Хочется через вашу газету выразить огромную признательность Тарапунькину Апомпедисту Порфирьевичу, который вернул мне утерянное по пьяни портмоне, А ТАКЖЕ МЭРУ ГОРОДА КУЗЬМИЧЁВУ ЛЕОНИДУ НИКОЛАЕВИЧУ ЗА ЗАБОТУ О БЛАГЕ ПРОСТЫХ ЛОСИНОГОРЦЕВ...» Ставили их, само собой, бесплатно. С той поры эта статья дохода исчезла из редакционного бюджета.

– Нет, – говорит Оксана, – не благодарность. Жалуются, что в квартирах холодно. Рано тепло отключили..

– ЖАЛУЮТСЯ!

Северное лето не фонтан, снег в июле – это нормально. Но отопительный сезон закончился, котельная поставлена на ремонт, и в квартирах стоит жуткий дубак. Мы знаем это по себе. В редакции тоже холодно, авторучки вываливаются из заочевенных пальцев, но это тоже нормально. Странно, что кому-то в Лосиногорске пришло в голову жаловаться на холод. Тем более – ха-ха! – направлять эту жалобу к нам в «Синтетику».

– Свят-свят-свят! – испуганно отрещивается Эмилия. – Убери с глаз долой. Смерти моей хочешь?

– А если будут звонить, интересоваться? – наивно допытывается Оксана.

– Скажи, что письмо в работе, что уточняем детали... Короче, волянь, как хочешь. Маленькая, что ли, объяснять нужно? А там, глядишь, осень подойдёт, тепло дадут...

Оксана не маленькая, и объяснять ей не нужно. Она прекрасно знает, что никакие письма с жалобами на действия мэрии или дирекции ЛОСИСа никогда, ни при каких обстоятельствах не появятся на страницах «Синтетика». Если бы такое случилось, газету закрыли бы на следующий же день, а нам всем пришлось бы без оглядки бежать из города. Судьбы журналюг, осмелившихся хоть раз, хоть в малом пойти против своих хозяев, иных вариантов не предусматривают.

– Что ещё есть? – повторяет вопрос Эмилия, с надеждой глядя на меня.

– Собак бродячих в городе развелось... – отвечаю я невинным тоном. – Вчера мужика за гаражами покусали... Может,отреагируем?

– Как? – спрашивает Эмилия, заранее ожидая подвоха.

– Я тут накатал заметочку. В соавторстве с Конан Дойлом. – Протягиваю ей листок с распечаткой. – По-моему, вполне безобидно.

Заметка называется «Челюсти». Содержание такое:

«...В сплошной гуще подползающего к нам тумана послышался мерный, дробный топот. Белая стена была от нас уже ярдах в пятидесяти, и мы трое вперили в неё взгляды, не зная, какое чудовище появится оттуда. Да! Это была собака, но такой собаки ещё никто из нас смертных не видывал. Из её отверстой пасти вырывалось пламя, глаза метали искры, по морде и загривку переливался мерцающий огонь.

Чудовище неслось по улице, принюхиваясь к следам сэра Генри. Мы видели, как он оглянулся, мертвенно-бледный, поднял в ужасе руки и замер в этой беспомощной позе, не сводя глаз с монстра, который настигал его.

– Холмс! – в отчаянии воскликнул я. – Сделайте что-нибудь! Вы же депутат городского совета – вы утверждали «Правила содержания животных»...

– Я такой же представитель общественности, как и вы, дорогой Ватсон, – ответил мой друг, невозмутимо пилякая на скрипке. – Обратитесь к господину главному инспектору полиции.

Главный инспектор полиции стоял рядом и так же невозмутимо чистил заржавленный револьвер.

– Вам не кажется, Лестрейд, что бродячих собак в городе развелось слишком много?

– Что вы хотите, Ватсон? – развёл он руками. – В полицейском участке недокомплект личного состава. Текучка, низкая зарплата. Который год прошу у федерального руководства денег на новые мундиры! А вы о собаках... Звоните в домоуправление.

Я вынул из кармана мобильник и позвонил в домоуправление. Потом в службу заказчика. Потом в отдел городского хозяйства. В

санэпидстанцию. В ветеринарную службу. В приёмную мэрии. Губернатору. Президенту. Генеральному секретарю ООН...

Собака настигла несчастную жертву, повалила её на землю и щёлкнула зубами. Сэр Генри издал последний душераздирающий крик и затих навеки».

– Безобидно! – восклицает Эмилия, дочитав, и смотрит на меня как на придурка. – Ты что, офонарел? Да нас за это по шеям!.. На! – Она возвращает листок мне, точно спешит отделаться от подброшенного в карман героина. – Спрячь и никому не показывай. А ещё лучше – порви и выбрось!

– Но ведь это почти классика! – оправдываюсь я. – Конан Дойл...

– Конан Дойл зарплату колбасой не получал! И Васильчиков его мордой по столу не возил... Ладно, голуби, давайте серьёзно: что на шестую бросим?

Энтузиазма – ноль. Пирожки догрызены, помоеобразный чай допит, выжатый пакетик замочен в новой порции кипятка, а мы все сидим на кухне и тщетно пытаемся выманить из себя хоть какие-то идеи, которые позволили бы забить эту паскудную полосу и в то же время не грозили бы нам немедленным увольнением. Наконец Оксана вызывается навестить одну знакомую бабушку-фронтовичку и спросить её о ратных подвигах. Бабушка давала нам интервью восемнадцать раз, все её рассказы мы выучили наизусть и потому знаем, что строк на триста Оксана наскребёт. Остаток полосы можно заполнить валяющейся с февраля памяткой о том, что надо делать, когда в городе эпидемия ОРЗ. Памятку принесли из поликлиники – они тоже обязаны отчитываться перед своим начальством о ведении просветительско-профилактической работы среди населения. Плевать, что эпидемия ОРЗ закончилась четыре месяца тому назад – народ на эту полосу даже не заглянет. В лучшем случае, посмотрит и тут же перелистнёт, чтобы добраться до телепрограммы.

Телевизионная программа и колонки частных объявлений о купле-продаже – это всё, что люди реально читают в нашей газете. Больше читать нечего. И, поверьте, не мы в этом виноваты. Хотя... я часто думаю: если бы действительно пришёл Стенька Разин и дал нам волю – сумели бы мы перестроиться и начать писать *по-настоящему*? С нашими-то мозгами, в которых, благодаря Васильчикову и Кузьмичёву, намертво засели фанерные, но *безопасные* штампы и боязнь, оглядка – как бы чего не вышло? Можно ли теперь нас переделать, воскресить в нас хоть какую-то творческую жилку? Ой, сомневаюсь...

Обсудив номер, мы расходимся по кабинетам. Начинается строганье строк. Нет на свете занятия тоскливее. Я долго сижу за столом, ёжусь от гуляющего над полом сквозняка, плююсь в окно, за которым видны серая площадь и облезлый фасад Дворца спорта, и напрягаю все силы, чтобы связать между собой два начальных слова. Дальше пойдёт легче. В конце концов, в затуманенном сознании что-то щёлкает, и – понеслось: «На минувшей неделе генеральный директор ОАО «ЛОСИС» Виктор Аркадьевич Васильчиков сердечно поздравил трудящихся с успешным выполнением июньского плана по выпуску пластмассовых флаг и пищевых контейнеров...» Теперь рука пишет

автоматически, в голове пусто, как в пластмассовой фляге, только что сошедшей с конвейера.

Я пишу и рассчитываю время. Через час комбинатовские новости будут готовы, я отдам их в набор Тамарке, а сам отправлюсь на планёрку в администрацию. Там будет полуторачасовая словесная диарея в исполнении Кузьмичёва, затем – галопом обратно в редакцию, и спешное отписывание новой порции таких же кондовых строк. В три часа дня я должен быть на заседании комиссии... Какой же? Оторвавшись от писанины, заглядываю в блокнот. Ага! Комиссия именуется «санитарно-противоэпидемиологической». Вот! Вы выговорить не можете, а я в ней состою. Я как представитель прессы записан в пятьсот разных комиссий, но эта – самая кошмарная. После первого же собрания захотелось составить завещание. Начнём с того, что за исключением дилетанта, пишущего эти строки, на заседании присутствовали матёрые профессионалы, зубры дератизации и дезинфекции. Завязался непринуждённый разговор о коклюше, дифтерии и сыпном тифе. Выяснилось, что подцепить у нас в городе (в стране, в мире) можно всё что угодно. В ассортименте имелись как вакциноуправляемые, так и совсем безбашенные инфекции, которым от прививок ни холодно ни жарко. Причём у каждого из нас есть выбор: от одних бактерий умирают практически сразу, от других есть шанс помучиться. На рынок я отныне не хожу: повсюду мерещится кишечная палочка в образе дракона с оскаленной пастью. От парикмахерских держусь подальше – заразиться можно через бритвы, ножницы и прочие принадлежности безответственных цирюльников. От знакомых, которые при встрече подают мне руку, шарахаюсь, как от врагов народа – чесотка и педикулёз не дремлют. И вообще, подумываю над тем, чтобы приобрести респиратор и защитный костюм, поскольку атипичная пневмония, как объяснили сведущие люди, передаётся всеми путями, в том числе воздушно-капельным. Слова «ветряная оспа», «краснуха», «псевдотуберкулёз», произносимые моими новыми коллегами, заставляли съёживаться и вжиматься в кресло. Я жалел о бесцельно прожитых годах и мысленно просил прощения у обиженных мною людей. Последняя фраза, проникшая в мозг: «Эпидфон в городе в целом нормальный». Это был луч света в тёмном царстве. Придя домой, я первым делом вымыл руки с душистым мылом. Жить вредно!

В ЦЕЙТНОТЕ

День продолжается. На третьей строчке новостей меня дёргает Тамарка:

– Тут факс пришёл из мэрии. В 17.00 тебе велено быть на слушаниях по бюджету.

Молча проглатываю информацию. Слушания по бюджету – это часа на три. Бессвязный и бестолковый трёп, но я обязан буду досидеть до конца. Обедать сегодня придётся поздно вечером. Между прочим, в желудке уже урчит. Надо постараться поскорее сварганить

новости и как-нибудь выгадать четверть часа, чтобы сбежать в кулинарию по соседству с редакцией и на последние медяки купить сосиску из вонючей лосятины. Иначе до вечера мне не дожить.

Строчу как заведённый, сваливая в грудку все речевые клише, какие только приходят на ум: «Работники комбината выразили одобрение по поводу решения руководства...», «Виктор Аркадьевич распорядился держать процесс под неусыпным контролем...», «Профсоюзный комитет объявил о своей солидарности с дирекцией предприятия...» Начхать! Нормальные люди читать не станут, а Васильчиков с Кузьмичёвым схавают и не подавятся.

Телефонный звонок. Бросаю ручку и хватаю трубку:

– Редакция!

На том конце провода дребезжащий голос:

– Извините, пожалуйста, что беспокою. Прошу прощения, если не по адресу... Вы знаете, у нас в доме течёт крыша. Уже месяц течёт. Все потолки в разводах, а мы только весной ремонт сделали...

– Обращайтесь в ЖКХ.

– Обращались. Три раза обращались. Они обещали прийти посмотреть, но никто не пришёл. Вот мы и подумали: может, через газету?

– Хорошо, разберёмся. Оставьте свои координаты.

Я записываю продиктованный мне номер телефона, кладу трубку и тут же забываю о звонке. На счёт «разберёмся» – это чтоб поскорее отвязаться. Я рад бы помочь этим страдальцам, заливаемым дождевой водой, но что я для них сделаю? Единственный шанс – позвонить в жилкомхоз и пригрозить, что, если кровельщики не пошевелятся, об этом будет поставлен в известность мэр. Кузьмичёв для них страшнее атомной войны. Но это потом, завтра, сейчас мне нужно дописать новости, или я рискую умереть с голоду на бюджетных слушаниях.

У журналист, как, наверное, и у журналистов, рабочий день ненормированный. То есть никого не волнует состояние наших желудков и настроение наших семей. У журналиста не может быть личных планов: вместо того, чтобы спокойно обедать, он срывается на затеянное не вовремя совещание или профсоюзную конференцию, по выходным таскается на отчётные концерты дворовых ансамблей и скоморошьи постановки городского ДК. За это к нашему отпуску прибавляют целых три дня. Но до отпуска ещё надо дотянуть.

Снова звонок.

– Редакция!

– Не подскажите, как подать объявление? Я продаю «Тойоту» цвета «баклажан»...

– Перезвоните в приёмную!

Ненавижу «Тойоты» и баклажаны!

Краем глаза слежу за часами. Времени в обрез. Надо успеть. «Генеральный директор комбината В. Васильчиков считает, что коллективу вполне по силам справиться с июльским планом». Коллектив не лопух, он понимает, что придётся рвать задницы, чтобы выполнить этот долбаный план, но ребята из «Северпласта» ещё не достро-

или свои дворцы на Рублёвке, поэтому работяг никто не спрашивает. Будут пахать, и точка.

Строки бегут по бумаге вкривь и вкось, Тамарка долго потом будет разбирать мои закорючки, но это уже её проблемы. Мне надо успеть! До начала совещания осталось полчаса...

В дверь нерешительно стучат. Резко оборачиваюсь. В кабинете рисуется юноша бледный со взором горящим и пухлой тетрадицей в руках.

– Простите, я поэт... в смысле, пишу стихи. О Лосиногорске и вообще... Вот, принёс, чтоб напечатать...

Как эти личности умудряются проскальзывать мимо приёмной? Может, для Тамарки они как привидения и она их не видит?

– Стихов мы не печатаем, – говорю я твёрдо.

– Но у меня о городе. Тут и Леонид Николаевич упоминается...

Тяжёлый случай. Протягиваю руку.

– Покажите.

Я заранее осведомлён, какого рода искусство несёт в массы этот пришелец из иного мира. Графоманы – бич любой редакции. Особенно много почему-то тех, кто любит графоманить в рифму. Что-нибудь вроде:

*Лосиногорск... Лосиный город,
Хотя лосей здесь нет давно.
Мне очень он любим и дорог,
И в нём судьбой мне жить дано.
Прибытие начнётся птиц уж скоро,
И шишки будут белочки искать.
Синички вновь счирикают нам хором,
И первые цветочки станут расцветать.*

Таких опусов я начитался вдоволь. Больше всего умиляет, что каждый зарифмовавший кое-как две строчки тут же присваивает себе громкое звание Поэта. Того, который невольник чести, «больше, чем...» и всё такое. Пишут же при этом так, что Пушкин и Евтушенко должны, обнявшись, рыдать в голос. От стыда за поруганную музу.

Ослеплённые своим талантищем, графоманы не замечают вообще ничего. Просто суют свои вирши в пространство – будто потомкам бесценный дар передают. И приговаривают при этом:

– Напечатаете, да?

В таких случаях проще всего отсылать их к Эмилии – пусть отшивает как хочет. Знаю, что это жестоко, но мне сейчас некогда. НЕКОГДА МНЕ!!!

В разговорах с понимающими людьми я сравнивал сочинение статей и заметок для «Заполярной синтетики» с обтёсыванием поленьев. С грубым таким обтёсыванием, когда из куска дерева получается что-то неуклюжее и занозистое, но в целом пригодное для использования. Обтачивать его напильником, полировать «нулёвкой», разрисовывать и покрывать лаком не имеет смысла – всё равно не оценят, зато времени уйдёт уйма. А его и так не хватает.

Впрочем, есть одна позиция, к которой мы, журналисты, относимся с особым трепетом. Это строгое следование правилам русского языка. Журналист может окончательно отупеть, перестать соображать, о чём и зачем он пишет, но грамотность из него не вышибешь. Меня это всегда удивляло, но факт остаётся фактом: наша «Синтетика» куда внимательнее относилась к своим текстам, нежели выходящие на всю страну федеральные издания с миллионными тиражами.

Мы нередко ради развлечения листали центральные газеты и одну за другой вылавливали «блох». Самыми интересными оказывались те, где из-за нескольких букв полностью менялся смысл предложения. Вот, допустим, телепрограмма в «Комсомолке» – анонс отборочного матча к чемпионату Европы по футболу, написано: «Прямая трансляция из Лужников. Сборная России–сборная Америки». Во как! Америка, оказывается, уже часть Европы! На самом деле речь шла об Армении. Или интервью с Сергеем Дроботенко в другом уважаемом издании, где известный юморист рассказывает о том, как однажды на концерте ему подарили букет из четырёх гвоздик, и жалуется, что число этих цветов было *нечётным*...

Ляпы, конечно, случаются и у нас. Самый забавный, помнится, вышел в репортаже с детского праздника, где говорилось, что после обязательной программы «детям были показаны МУЛАТКИ». Так набрала Тамарка, и в таком виде материал вышел в номере. И только потом выяснили, что в Оксанином черновике стояло слово «МУЛЬТИКИ».

Но у нас подобные промахи редкость. Честное слово! И уж тем более нет таких россыпей орфографических ошибок, какие встречаются в тех же уважаемых изданиях. Это притом ещё, заметьте, что уважаемые издания располагают целыми бригадами корректоров, а мы занимаемся корректурой по очереди за мизерную доплату и без отрыва от основных обязанностей. В общем, утритеесь, *журналисты!*

«ПОРА ЛОЖИТЬ КОНЕЦ!»

Как люди грамотные, мы любим коллекционировать опечатки, оговорки и просто смешные фразы. Последними нас в изобилии снабжают Васильчиков, Кузьмичёв и птенцы их хорошо оплачиваемых гнёзд. Вот лишь некоторые из перлов, которые я собрал, пока работал в «Синтетике»:

***

Многие жители города помнят его золотые руки.

(Из некролога на патологоанатома)

***

Продам унты, внутри – собака.

(Из частного объявления)

***

Если у вас возникает желание иметь под Новый год зелёную красавицу, обращайтесь к нам, в городское лесничество.

(Из рекламы)

***

Мой отец во многих предшествующих поколениях – белорус, а мама также истинно русская.

(Из письма в редакцию)

***

Наша задача – чтобы бомж, помытый и постриженный, мог снова надеть свои лохмотья и обезопасить себя и окружающих.

(Реплика главного санитарного врача)

***

В январе 2003 года несовершеннолетними совершено восемь преступлений. В нынешнем январе планируем четыре.

(Из милицейского отчёта)

***

Очень многое зависело от подготовки лыж. На классическую гонку с грехом пополам отмазали детей остатками мази со времён царя Гороха.

(Из статьи тренера ДЮСШ)

***

Рейд по торговым точкам был проведён совместно с МОУ ДОД «ЦВР», ПДН ОГОВД, ООД УУМ, ГОУ НПО «ПУ-20», ЧОП «Скорпион».

(Из докладной записки комиссии по делам несовершеннолетних)

***

Желаю вам благополучно отдать честь Родине.

(Из речи военкома на проводах призывников)

Высказывания В. А. Васильчикова:

«В нашем управлении работает свора заслуженных людей».

«Здесь собрались уже немолодые, несвежие специалисты».

«Когда слышишь об этом, начинают бегать мурашки по соответствующим частям тела...»

«В плане кадров для подземки нужно собирать всё, что находится в стоячем виде и трезвом состоянии».

«Мы часто берём кота в мешке и не спрашиваем, где работает этот мешок, как зовут кота и работает ли он вместе с мешком».

«Я другие времена помню. Ты тогда ещё и пацаном не был. Не поймёшь даже, кем ты тогда и был».

«Когда мы въехали в карьер, из-за экскаватора метнулась тень без каски».

«Пора ложить конец!»

Высказывания А. Н. Кузьмичёва:

«Поздравляю прекрасную половину пола с 8 Марта!»

«В недрах большинства людей назрел момент изменить ситуацию».

«Если господин полтора года назад участвовал в выборах, это не значит, что он должен двадцать лет висеть на заборе, пока его не смоет дождём».

«Если Людмила Петровна (*начальник собеса. – Прим. Авт.*) не удовлетворит всех обманутых вкладчиков, они будут жаловаться в администрацию».

«Многие жильцы не там где надо испражняют свои пылесосы».

«Можно посыпать голову пеплом, но мы, к сожалению, пытаемся выжить».

«Мы никому не дадим есть и пить больше, чем положено по норме».

«Мы обязаны обеспечить горожан если не теплом, то хотя бы информацией о том, почему они мёрзнут».

«Среди подростков есть много таких, кто владеет топорами в ненужном направлении». (*Из речи мэра о бережном обращении с зелёными насаждениями. – Прим. Авт.*)

«Не ведает рука дающего, что творит».

«Вот и занимаемся финансовым самообрезанием, как камикадзе...»

Цитаты из газетных материалов:

«Бригадир Юрий Николаевич очень любит молодёжь. Почти все члены бригады прошли через его руки».

«Нина Васильевна – это женщина, обречённая на подвиг материнства самой природой».

«Корень проблемы был зарыт глубоко в культурном слое населения».

«Замазученность двигателей».

«Забюрокращивание процесса».

«Забычкованность территории».

«Правила внутреннего трудового распорядка находятся в стадии размножения».

«ДЫК, ЁЛЫ-ПАЛЫ!»

Мы – тоже профессионалы. Профессионализм журналиста заключается в способности сострять нужное количество строк на любую тему, в любое время суток, в любых условиях и в любом состоянии. Мне не раз приходилось сочинять заметки по дороге с какой-нибудь пресс-конференции, заканчивавшейся фуршетом (вот она, отрада для работника пера!), когда в мозгах приятно шумело. В редакцию я приходил уже с готовым текстовым шаблоном, быстренько набрасывал корреспонденцию, совал Тamarке и заваливался на редакционный диванчик, чтобы отойти от пережитого и выпитого. В другой раз приходилось писать, сидя с приступом жесточайшей ангины (журналиста не может себе позволить уйти на больничный), с температурой под сорок и диким кашлем. Ничего, строчки строгались, как ни в чём не бывало. Мастерство, однако...

Дело журналиста – гнать строку. Процесс её выгона в чём-то схож с самогонованием: и для того, и для другого необходимо сырьё, от качественных характеристик которого зависит вкус конечного продукта. Сырьём для экспериментов в области прикладного строкогонения может послужить всё что угодно. Даже детская песенка. Вот как можно обыграть её сюжет в рамках различных газетных жанров.

1. Психологический очерк:

«Елочка родилась ночью в страшных муках. Родителей своих она не помнила: скорее всего, их у неё и не было. Круглая сирота, она вынуждена была сама бороться за существование, вследствие чего заработала хроническую нестигаемость и спорадическую весёлость. Наскоки маргинальных зайцев, время от времени посягавших на её девичью честь, она отражала с завидным хладнокровием. Короткими оказывались и разговоры с люмпенизированными волками, которые после выяснения отношений с нею, скрипя зубами от бессильной злобы, рысцой удалялись прочь.

Словом, несмотря на окружавшее её асоциальное общество, ёлка не поддавалась господствовавшим в нём гнилым течениям и продолжала стойко следовать гуманистическим принципам. Однако нашёлся некий дьявол во плоти, некий Мефистофель в человеческом облике, который одним взмахом топора загубил невинную душу, после чего, с особым цинизмом взвалив её бездыханное тело на дровни, по сходной цене продал его скопищу таких же морально разложившихся нигилистов и выставил тем самым на всеобщую потеху...»

2. Криминальный репортаж:

«Дело было в глубоких сумерках. На выставшей земле неподвижно лежала свинцовая тяжесть зимнего неба, вдавливая всё живое в могильный холод декабрьских сугробов. В полумгле качались зловещие чёрные тени. Матёрый рецидивист по кличке Мужичок краду-

чись подбирался к незащищенной жертве. Он был хитёр, этот серийный убийца, с рождения числившийся в федеральном и международном розыске. За ним охотились лучшие агенты Интерпола и лучшие хакеры Интернета, а он лишь зловеще ухмылялся, читая противоречивые описания своей незаурядной внешности на стендах «Их разыскивает милиция» и ложась под нож очередного пластического хирурга. О, до чего же ловок он был, этот бестрепетный негодяй, при упоминании имени которого дети становились зайками, а куры навсегда переставали нестись! Вот и теперь он отправился на дело не просто так, а на угнанной из кооперативного стойла лошади, чья мохноноготь гарантировала ему максимальную конспирацию и железное алиби.

Несчастливая жертва заметила Мужичка, когда он был уже в двух шагах от неё. «Какой же он зловещий!» – подумала жертва, а потом ещё успела подумать, что неплохо бы, наверное, позвать на помощь, но этот пункт плана ей реализовать не удалось, ибо страшный, как отсутствие пива с похмелья, удар топора оборвал её брентную жизнь. Зловеще хохоча, Мужичок вскочил в дровни и, никем не замеченный, помчался на корпоративный преступный сходняк, чтобы отметить успех с собратьями по «перу» и пистолету...»

3. Производственная хроника:

«На днях работники лесозаготовительного пункта отметили знаменательное событие: было срублено стомиллионное дерево. Для проведения этого торжественного мероприятия была выбрана кондиционная ель с техническими характеристиками 90/60/90 и общим объемом деловой древесины 1,5 кубометра. Коллектив лесозаготовительного пункта на протяжении пяти лет осуществлял над ней комплексное шефство и к моменту её долгожданной ликвидации добился прироста зелёной массы в 28,67 раза.

Ответственным срубщиком юбилейной ели, согласно приказу генерального директора, был назначен М. Мужичков, ветеран производства с тридцатилетним стажем, добившийся непомерных успехов в труде и награждённый Благодарственным письмом главы муниципального образования с подведомственной территорией. К месту церемонии он был доставлен посредством специально купленного по такому случаю финского автосамосвала системы «Drovni». Путём использования электронного топора с числовым программным управлением он совершил регламентированный акт срубания ели, с соблюдением всех ГОСТов, ТУ, СНИПов и норм техники безопасности, за что был сразу же удостоен звания «Почетный лесоруб», с вытекающими отсюда льготами по оплате коммунальных услуг. После разбития о срубленное и оприходованное дерево бутылки шампанского и распития её содержимого участники мероприятия с песнями и плясками вернулись на рабочие места».

4. Нравоучительная статья:

«Знаем мы эти ёлочки! С первого взгляда и красавица, и умница, а копнёшь поглубже – дерево деревом. Когда вожделенная карьера фотомодели застит очи, поверишь кому угодно. Вот и бегают вокруг рысцой серые личности, ловко прикидывающиеся представителями модельных агентств, вот и скачут на вид трусоватые, но на самом

деле весьма наглые и насквозь порочные специалисты по охмурению неопытных малолеток. И поют в оба уха убаюкивающие песенки про грядущую славу и штабеля сражённых наповал поклонников.

А что же ёлочки? Они по молодости да по наивности считают, что и впрямь рукой подать до мировой известности. И доходят уже до такой степени самоослепления, что мохноногая лошадка кажется навороченным «Лексусом», а бомжеватый мужик – заморским принцем с валютным счётом в швейцарском банке. И когда какой-нибудь из таких пронирыливых деятелей проявляет настойчивость, они без особого сопротивления подставляют свои невинные корешки под алчные топоры, не ведая, конечно, что пойдут затем по чужим рукам, превратившись в банальный источник примитивного удовольствия...»

5. Остросоциальный фельетон:

«Ох и поддал же с вечера мужичок, ох и развезло же его до самой что ни на есть распоследней степени непотребства! А как закончилась попойка, сразу потянуло на подвиги. Вывалился он из избы, а для пущей героизации собственного облика ещё и топорик прихватил. Запряг в дровни клячу, с позапрошлого вечера не кормленную, да и направился в ближайший лесок мускулами поиграть. Распугивая по дороге стаи зайцев и волков, пронёсся лихо по просеке, все сугробы искорёжил, а после тормознул на опушке и с топором в руке стал пешим порядком искать дальнейших приключений.

На свою беду, стояла на опушке ёлка, и привиделась она мужику монстром из голливудских фильмов. Известное дело: с пьяных глаз чего только не померещится!.. А он себя, стало быть, Терминатором вообразил и давай её, болезную, кромсать со всей дури. Спасибо лесникам – проезжали мимо на снегоходе, загребли ирода. Вот до чего, господа-товарищи, пьянство доводит!»

О ВОДКЕ, БОЛТОВНЕ И ПРЕДСМЕРТНОМ СОСТОЯНИИ

Я сижу за столом, понимаю, что обречён на голодную смерть, но эта мысль меня уже не пугает. Я уже не хочу есть, я хочу выпить. Желательно даже нарезать. Так, чтоб до поросычьего визга. Но у меня не получится – категория не та.

По моим наблюдениям, разновидность Homo sapiens под названием «человек пьющий» делится на пять основных подвидов:

1) Те, у кого после одной-двух рюмок начисто сносит башню. Эта категория самая опасная, в первую очередь, в силу своей полной непредсказуемости. Сидит себе эдакий малахольный гражданин вполне безобидного вида, а потом вдруг наливается багровым цветом, начинает орать, беситься, бить посуду, лица окружающих. По-моему, это уже клиника. От таких следует держаться подальше, даже когда они трезвые.

2) Те, у кого процесс питья вызовет острый приступ любви к окружающим. Основные признаки: лезут обниматься, целоваться, клянутся в вечной дружбе (мужчинам) и, соответственно, в вечной любви (женщинам). Достают страшно.

3) Молчуны. Они и по трезвости-то, как правило, немногословны, а когда выпьют, и вовсе замыкаются, уходят в себя. Вреда от них никакого, но пить с такими неинтересно.

4) Разговорчивые. Люди, которых за рюмкой тянет на разговоры – самые обыкновенные, без наездов (см. пункт 1) и без объятий (см. пункт 2). Самая нормальная категория, к которой, кстати, я и себя отношу.

5) Те, которые совсем не пьянеют. Редчайшие экземпляры, я таких встречал всего раза два или три.

А вообще, как говорит один мой знакомый врач, кандидат медицинских наук, гораздо опаснее мужики, которые не пьют вовсе. Для человеческого организма употребление спиртного в умеренных дозах естественно. Если мужик отказывается наотрез, то тут одно из двух: либо у него серьёзные нелады со здоровьем, либо он чего-то боится (читай: ему есть, что скрывать от окружающих). К таким я тоже отношусь настороженно.

Женщины – особая категория. В пьяной женщине удивительным образом совмещаются все самые дурные черты пьяного мужика. Плюс вылезают всякие индивидуальные мерзости. Однажды мне довелось ночевать с такой госпожой в одной комнате после какого-то сейшена. М-да... А с виду приличная тётка, мать двоих детей. Сделал вывод: страшнее пьяной бабы только ядерная бомба.

К счастью, у нас в редакции такие экземпляры не водятся. У нас работают люди приличные и выпивающие в меру. Совсем не выпивающих нет. С нашей работой это исключено – нервная система должна получать разрядку, поэтому в редакционном сейфе всегда стоит дежурная бутылка вина. Я предпочитаю водку, но, поскольку в редакции большинство – нежные и хрупкие дамы, приходится уступать их вкусам.

Но сейчас вино меня не спасёт. Хочется врезать чего-нибудь покрепче. И немедленно, пока нервы не лопнули от перенапряжения.

Но что это? Подрагивающая стрелка часов неумолимо приближается к роковой отметке. До планёрки осталось десять минут, а мне ещё нужно добежать до мэрии! Рвусь, как сказано у Высоцкого, из сил и из всех сухожилий – влетаю в приёмную, швыряю на стол перед Тамаркой едва дописанные новости, и через секунду я уже на улице. Мысли и желания растворяются в сыром воздухе.

Я в мэрии. Сiju чурбан чурбаном, злой, тупой и голодный. Кузьмичёв устраивает подчинённым дежурную головомойку. Его нотации и ответные поскуливания до меня не доходят. Восприятие журналюги натренировано особенным образом: оно само включается, когда нужно, и выключается, когда слушать и запоминать что-либо нет надобности. Я даже не достаю из кармана диктофон – эти перебивания из пустого в порожнее, которые на 90 процентов составляют любое административное совещание, мне параллельны. Я реагирую только на ключевые слова: «прошло», «состоялся», «принято решение» – это означает, что речь идёт о каких-то событиях. Может быть, пустячных, не имеющих для города никакого значения, но всё же из них можно свалить новостешку строк на тридцать, а то и на пять-

десять. Конечно, самое сладкое словосочетание для моего уха – «Совещание окончено, все свободны». Но как же не скоро оно прозвучит!

Бывает так, что за все полтора часа не поймашь ни одной информационной зацепки. Это хуже некуда – стало быть, придётся обильно лить воду и кормить читателя жидкой размазнёй, выдавая её за актуальный комментарий к сверхважной теме: «В прошлом номере мы писали о начале кампании по озеленению улиц города. На недавней планёрке глава Лосиногорска А. Н. Кузьмичёв вновь обратил внимание руководителей отделов, служб и муниципальных организаций на необходимость более оперативного и добросовестного следования утверждённому администрацией графику. Некоторым руководителям, допустившим сбой в работе, были сделаны замечания. Леонид Николаевич отметил, что отдельным ведомствам следует серьёзно подтянуться и перестать при каждом удобном случае кивать на соседей...» Иногда весь новостной блок, занимающий треть полосы, состоит из такой вот липкой, бессодержательной жвачки. Читателей, не утративших рассудка, она должна бесить. Зато Кузьмичёв от неё в восторге.

По окончании планёрки плавно перемещаюсь на заседание санитарно-противоэпидемиологической комиссии. Здесь обсуждают нюансы профилактики гепатита. Мне и невдомёк было, что гепатитов нынче развелось такое великое множество – скоро для обозначения всех разнообразных модификаций понадобится какой-нибудь другой алфавит, потому как латинский уже на исходе. Суровая медичка, глядя почему-то исключительно на меня, со всей прямолинейностью вещает о том, что безответственный человек, регулярно употребляющий наркотики и меняющий по 70–80 половых партнёров в год, непременно подхватит гепатит В, С, D или E, что, в свою очередь, приведёт сперва к циррозу, затем к раку печени и, как итоговый результат, к мучительному летальному исходу. Неужели я так плохо выгляжу?

Комиссия заседает почти до пяти, и я еле успеваю добежать до зала, где должны пройти бюджетные слушания. Тут мне снова предстоит терпеть ахиною, но на этот раз с экономическим уклоном. Судя по масштабу и важности сборища, пятьюдесятью строчками не обойтись, нужно будет развезти на полполосы. Что ж, оно и к лучшему – задел для следующего номера уже есть. Пристраиваюсь во втором ряду: отсюда всё хорошо слышно, но в то же время впереди сидят люди, за чьими спинами можно немного вздремнуть, если станет совсем невыносимо. Выбирать на мероприятиях самые удобные с позиции максимальной незаметности места – тоже один из талантов, которыми обязан обладать настоящий журналист. Он должен видеть и слышать всех, оставаясь при этом человеком-невидимкой.

Все собрались, и начинается болтовня о доходах, дисконтах, кредитах и расходных статьях, в которые надо вбухать прорву денег, чтобы городское хозяйство не вернулось к трупному состоянию, в каком оно пребывало при мэре Чухнове. Я понимаю: городское хозяйство – это важно. Но если «Синтетика» вывалит на головы горожан все звучащие сейчас цифры, никто ни бельмеса не поймёт, а вразумительных объяснений от лосиногорских финансистов не добьёшься. Раз-

умнее всего отделаться общими фразами. Они ничего не выражают, но хотя бы состоят из понятных народу слов. Но полполосы общих фраз! Мать-перемать...

Прислушиваюсь к речам ораторов. Выступает Кузьмичёв. Его надо процитировать в полном объёме, какую бы туфту он ни городил. Стилль подправим, добавим чуть-чуть логики – вот уже и четверть материала. За ним выступает зам. по финансам. Тут совсем ни фига не понять, ограничимся констатацией: «Выступил... подчеркнул ответственность момента». Далее пошла дискуссия. Ораторов тьма. Выберем пяток наиболее вменяемых. Здесь сгодится принцип Довлатова: главное – записать первую фразу, остальное додумаю самостоятельно. Эти в обиде не будут.

Желудок уже не подаёт голоса – наверное, он умер. Под бюджетное словоблудие постепенно отмирают и клетки мозга. Оказывается, это не больно.

...Домой я прихожу поздно. Можно было бы сказать затемно, но летом на Крайнем Севере темноты не бывает – полярный день. На последнем издыхании добираюсь до холодильника. Извлекаю стратегические запасы: кусок сыра и наполовину опорожнённую (или наполовину заполненную) бутылку водки. Наливаю стакан. До краёв. И немедленно выпиваю.

ИЗ ДНЕВНИКА МЕХАНИЧЕСКОГО ЩЕЛКОПЁРА

Понедельник. С утра присутствовал на комиссии по противодействию наркомании. Внимательно слушал ораторов, вместе со всеми возмущался. Вернувшись в редакцию, написал заметку, где заклеил наркоманов позором. После обеда был на заседании по профилактике тропической лихорадки. Слушал ораторов, снова возмущался. Вернувшись вечером домой, обличил распространителей вирусных инфекций в разгромной статье.

Вторник. Пригласили на планёрку. Слушал, возмущался. По дороге в редакцию сочинил очерк, в котором пригвоздил к позорному столбу несознательных господ, транжирящих бюджетные средства. До редакции не дошёл, потому что вызвали на педагогическую конференцию, где опять сидел, слушал, возмущался. По горячим следам настроил репортаж, в котором обрушился на Министерство образования.

Голодный и уставший, хотел съесть сосиску в тесте, но вспомнил, что надо идти на совещание по благоустройству. Пошёл, послушал, повозмущался. Здесь же, положив блокнот на чью-то коленку, написал гневный памфлет против бессовестных жильцов, не желающих выходить на субботники.

Кажется, среда. Сидел на явочной, слушал производственные отчёты, возмущался, но как-то слабо, почти без голоса. Осенённый остатками вдохновения, сочинил интервью, в котором вдребезги разнёс прогульщиков, вольтничков, приписчиков, халтурщиков, алкоголиков, тунеядцев и хулиганов. После явочной перебежал в другое зда-

ние, где собрались специалисты по подростковой безнадзорности. Не слушая, сразу же выдал фельетон, в котором попало и специалистам, и безнадзорным.

Оттуда напрямик направился в городской совет, где с ходу вник в суть дела, возмущаться не стал и молча написал расширенную корреспонденцию, в которой раскритиковал всех подряд.

Дня не помню. Сидел на семинаре по гражданской обороне. С трудом, но слушал, возмущался, но не по делу. Выдавил из себя новость короткой строкой, в которой досталось министру Шойгу, «Гринпису» и Президенту США. Кое-как дотащился до другого кабинета, где шла оперативка по вопросам пожарной безопасности. Пытался слушать – возмущаться уже не было сил. Что-то писал, на кого-то обрушивался, но оказалось, не на тех и не за то. Потом взяли под руки и повели на какое-то правление. Дальше провал в памяти.

Мартобря 86-го числа. Сидел, слушал, писал пальцем на стенке нехорошие слова. Возмущался, требовал перевода в отдельную палату. Нашёл общий язык с Наполеоном, проглотил димедрол, успокоился. Заснул.

Скучно жить на свете, господа!

(Продолжение следует.)

**Юрий
ПЕРМИНОВ**

БЕССМЕРТНЫ МАМА, ПУШКИН И РОССИЯ...

***

Район, где живу, называется спальным районом.
Понятно, что люди, как правило, спят по ночам...
Вольготно живётся и весело местным воронам,
и ходят старушки-подружки

друг к дружке на чай.

Я сплю по ночам. Иногда. Получается, в центре
не спят никогда?.. Невесомая здесь тишина:
отсюда четыре всего остановки до церкви,
и две – до больницы, до кладбища – только одна.
Поэтому людям живётся несуетно. Чище
снега и светлее. Уверенно дышит листва.

...И нервы не тратят собаки на поиски пищи,
и здесь от соседства немного совсем до родства.

ПРОСПЕКТ

Видишь, как он город прочертил...

Р. М. Рильке

Как жертва смрада, гари, шума,
слаб человек (хотя про всех
не скажешь так). Вот выхожу на
немой засаленный проспект:
мне захотелось до рассвета
унять душевную тряску...
Нет никого. Во время это
не хулиганят по лицу,

-
- Юрий Петрович Перминов родился в 1961 году в Омске. Окончил филологический факультет ОмГПИ им. Горького. Член Союза писателей России. Автор многих книг и журнальных публикаций («Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Подъём», «Родная Ладога» и др.), лауреат нескольких Всероссийских литературных премий (им. Расула Гамзатова, Вячеслава Шишкова и др.) Главный редактор историко-культурологического, литературно-художественного альманаха «Тобольск и вся Сибирь». Живёт в Омске. Редактор и составитель двухтомной антологии сибирской поэзии «Слово о Матери».

горизонта родного – веками,
инвалиду войны сорока
нет ещё – из квартиры над нами...

...Наш окраинный мир во дворе
без вражды умещался под вечер,
а потом – на бессмертной заре –
шёл доверчиво небу навстречу...

Месяц – тёплый, как хлеба ломоть.
Звёзды – пышки из райских пекарен.

С неба слушают маму Господь,
молодой мой отец и Гагарин.

***

Как знакомо бабушкина улица
дышит солнцем... Не из-за морей
я вернулся! – Детство не заблудится
в закоулках памяти моей
никогда... Из Царствия Небесного
бабушка по улице ведёт
внука... Но меня – уже не местного –
ни одна душа не узнаёт.

Старый тополь – здравствуй, друг! – сутулятся:
облепило тополь вороньё...

Млечный путь мой – бабушкина улица,
имя берегущая своё.

СТАРЫЙ СНИМОК

На снимке прадед – бравый есаул,
а рядом дед. Он держится за стул.
Мой дед – мальчиш. Торжественный до страха,
но гордость пересиливает страх –
ну до чего роскошная рубаха,
и грудь отца в медалях и крестах!

О чём расскажет этот снимок старый?..
О чём угодно, только не о том,
как прадед заживо сгниёт под Сыктывкарком,
как в сорок первом дед построит дом,
да не успеет в этот дом вселиться –
погибнет на десятый день войны.

...Простые – удивительные! – лица.
В глазах – тепло. Ни боли. Ни вины.
Весёлый прадед – бравый есаул,
и дед – мальчиш. Он держится за стул...

Такой вот снимок у меня хранится..
Хотя он стар, как лист осенний, жёлт,
я чётко вижу: сын отцом гордится.

...Год, кажется, семнадцатый пошёл.

***

Снег апрельский – остатний – темнее свинца,
тают в небе охлопки тумана..
Мама сердцем больным вспоминает отца –
незабвенного деда Ивана.

К маю время земное плывёт, веково
серебрятся небесные стяги...

Дед погиб в сорок первом году – за него
расписались братья на рейхстаге.

Вместе с ними – тогда и сейчас – ни на миг
нас в беспамятстве нашем не бросив,
Михаил – их небесный Архистратиг,
и земной полководец – Иосиф.

...День Победы встречает большая страна
(как сердечная рана – большая).

С горних высей родные звучат имена,
нас, живущих, к Любви воскрешая.

МОЁ

Я в детстве был вихрастым малым,
и всё казалось мне – моим.
Учил отец.
Сердилась мама.
Соседка фыркала: наив!

– Чьи облака по небу мчатся?
– Мои, – кричал я, – в чём вопрос?!

И вот – по мненью домочадцев –
единоличником я рос.

Родные, вам не надо злиться,
мой горизонт меня манил!
Мелькали годы, судьбы, лица..
Я говорил:
– Моё! Мои!

Ну что ж, лошадка-время, трогай!
Я – начинающий отец.

Мой сын.
Мой дом.
Моя дорога.
Моя Россия, наконец.

К РАЗГОВОРАМ О СЧАСТЬЕ

Коль помирать, так лучше – пусть и скоро! –
на собственной житейской борозде...
Уверен, что о счастье разговоры
всегда уместны. Пусть и не везде.

Опять чиста холодная бумага,
опять законы писаны не мной...
Обыкновенный русский бедолага,
я, видимо, не вечен под луной,
и – что с того?

Витии да мессии
пусть балаболят – глупые оне...

Бессмертны – мама, Пушкин и Россия,
поэтому и счастлив я вполне.

***

Мой путь к прозрению короче стал.
Яснее. Раньше – наугад.
Я слышу старые пророчества,
хотя уже на новый лад.

Прости, Господь, мои смятения.
Тюрьмой стращают пусть, сумой...
Уже не с «этими», не с «теми» я,
а только с Родиной самой.

**Вячеслав
ЛЮТЫЙ**

В ЦЕНТРЕ ЗЕМЛИ

Русское бытие в поэзии Юрия Перминова

Огонь, мерцающий в сосуде...

Николай Заблоцкий

*...и здесь от соседства
немного совсем до родства.*

Юрий Перминов

Пожалуй, никогда ещё не было в нашей словесности столь явного противостояния поэзии мысли и поэзии чувства, как сегодня. Во многом это связано и с тем, что в литературу ринулись шеренги людей, полагающих, что стихи писать – как стакан воды выпить. Кроме того, прививку сухого ума, полученную от Бродского поистине в промышленных масштабах, современная русская поэзия должным образом, увы, ещё не «переварила»: важно взять всё новое и художественно-привлекательное, а иное, скучное и субъективное, напоминающее бесчисленные образцы авторского стиля, отложить на дальнюю библиотечную полку. Так не получилось, и новые юные поэты горстями высыпают песок рассудочных сентенций в собственные строки, вместо того, чтобы уронить в них органичный образ, подобный родниковой влаге.

-
- Вячеслав Дмитриевич Лютый родился в 1954 году в г. Легеница (Польша). Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. В настоящее время – ответственный секретарь и заведующий отделом поэзии в журнале «Подъём». Публиковался в журналах «Подъём», «Сура», «Дон», «Донской временник», «Русское эхо», «Коростель», «Наш современник», «Москва», «Ковчег», «Гостиный двор», «Аргамак», «Приокские зори», «Простор», «Великоросс», «Странник», «Волга–XXI век». Автор двух книг статей о современной литературе: «Русский песнопевец», «Терпенье земли и воды». Лауреат премии журнала «Подъём» («Русская речь», 2004), премии Общественной палаты Воронежской области («Живые сокровища славянской культуры», 2004), премий журналов «Ковчег» (2008), «Русское эхо» (2009). Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

Одновременно лирические высказывания, переполненные переживаниями и чувствами автора, порой катастрофически теряют предметность и переходят в некую сферу «хороших поступков и правильных соображений», что так часто встречается в опусах духовной и гражданской тематики.

По существу, в стихах сегодня утрачиваются тяга поэта к живописанию постоянно обновляющегося мира, стремление угадать вечное – в мимолётном. Наконец, желание превратить мысль в яркое слово и не засушить притом всё живое, что эту мысль поддерживает и даёт ей дыхание.

Поэзия Юрия Перминова являет собой удивительное исключение из этого наблюдения. В духе лучших русских поэтов прошлого у него практически всегда жанровый образ сочетается с авторским осмыслением происходящего. Обладая вкусом к жизненным мелочам, человеческим приметам и характерам, Перминов своими художественными пристрастиями вызывает в памяти, на первый взгляд, контрастные стихи Заболоцкого – как ранние «Столбцы», так и позднюю «Некрасивую девочку». В последнем стихотворении зрение и мысль автора находятся, кажется, в истинном соответствии с главными задачами поэзии: увидеть–понять–передать читателю средствами лирики.

Стоит добавить ещё одну составляющую, отчётливо характеризующую творчество поэта: остаться жить в мире, который стал вдохновителем твоего слова и ума, не отделять себя от него, не бежать прочь – без сожаления и не оглядываясь.

*Спросило бы время: «Ты здешний?» – ответил бы: «Свой».
Такой, что другого рассвета – ни капли не надо.
...Рассветное время пульсирует влажной листвой
кустов облепихи, живущих напротив детсада.*

*Пока – тишина... До неведомой близкой поры
она – по соседству – ещё уживается
с нами,
людьми, обречённо зовущими с Лысой горы
безбожного шума, базарного ора цунами...*

*Но – утро: мамыши ведут ребятишек в детсад,
и время надеждой, пока невесомой
и тихой,
как бабочка, дышит над городом утренним, над –
Бог ведает, сколько живущей у нас – облепихой.*

Невозможно жить исключительно смыслами, не замечая или сознательно отстраняя от себя ход жизни – многообразный и многообещающий. В её горниле, в её плавильном котле сосредоточено столько оттенков и значений, что ум человеческий не в силах справиться с этим бесконечным рядом, вернее – с этим бездонным колодцем, погружение в который происходит ежечасно и ежеминутно. И оно

дарит человеку не только печаль, но и умиротворение. Только так может существовать наш мир, ибо душа человеческая не в состоянии вынести внутри себя трагедии разрушенных вселенных – вчерашней и сегодняшней, внутренней и внешней, потаённой и очевидной.

В стихах Юрия Перминова авторское упование на самую материю жизни очень хорошо видно – «душесохраняющее», врачующее, по-детски способное к обновлению с каждым новым утром. Его лирический герой постоянно выходит во «внешнее» пространство. На улицы родного посёлка: *«Меня вдыхает осторожно / проспект, голодный на тепло»*, – как по-звериному тонко чувствует автор реальность; на рынок: *«На капоте старенькой бибики – скорбная свиная голова. / Дряхлый пёс вылизывает крошку / костяную... Божьих птичек рать – / гоношится... Вёдрами картошку тётенки пытаются продать <...> согреваю сердце, покупая / у бабуси тёплые носки»*. Наконец, просто за дверь собственного дома: *«Сквозит в подъезде, словно в конуре / у пожилой, некормленной собаки...»* – с удивительной достоверностью схвачена и психологическая атмосфера, и обстановка небогатого жилья.

С героем Перминова случаются некие странные или забавные истории, на первый взгляд – совершенно житейские. Однако между предметами и людьми, погружёнными в суету, разлито, будто эфир, какое-то животворящее молоко, в котором и тепло, и уютно, в которое и тянет – и в нём ты уже в действительности находишься.

*...рассвет
встаёт из-за ближайшей теплотрассы,
где чутко, без мобилы и гроша,
укрывшись несминаемой рогожей,
спит Вечный Бомж, настойчиво дыша,
ни на кого на свете не похожий.*

Здесь и горькая русская переключка с библейским Вечным Жидом, и горечь от гибнущей человеческой неповторимости, и, наперекор всему, жизнелюбие у бездны на краю: *«настойчиво дыша»*.

Трагичный русский мир – тот космос, в который включено бытие героя Перминова как alter ego автора. В нём много несправедливости, но и скрытой взаимной тяги людей друг к другу.

В нём часто встречаются грубость и некрасивые лица, но сердечное понимание правды и красоты всё-таки таится почти в каждом.

В нём сор жизни очевиден, но также доступен внимательному и родному взгляду мерцающий контур бытия русского человека, терпеливо несущего бремя нового века.

Герой Перминова не боится этого *«кромешного мира»* и не чурается его: *«не на века злая сила»*. В стихотворениях отчуждения **внутреннего** уединённого пространства смыслов от всего **внешнего** (активного, предметного, самовластного) нет совершенно. С течением времени поэт обрёл удивительное художественное равновесие. И теперь на фоне собственных гротескных сюжетов может произне-

сти исполненные художественной полноты слова: «...в этом обычном, надеюсь, и вечность сама».

Или же одухотворённо и совсем просто сказать:

*На тихий дом наш, как на аналой,
легла страница утреннего света...*

В стихах у Перминова заметны интонации юродства, когда его герой будто впервые видит нестроения мира и говорит об этом с наивной логикой, словно бы детской и «без-опытной» по отношению ко всей минувшей и текущей жизни. Такое умозрение, отражённое в поэтическом голосе, позволяет автору верить окружающий мир на «подменность», исходя из начальных представлений о добре и зле. Нескладная провинциальная жизнь, которую поэт представляет как бытийную хронику «окраины», тягостна и просветлена одновременно. Из неё не ушли ещё прежние представления о хорошем и плохом, о великом и малом, а старый деревянный переулочек кажется «обветшалым подлинником» очередного каменного района.

*Так и живём: питаемся не манной
небесной – варим скудные борщи.
К полудню здесь остатками тумана
дрожащими – хоть горло полощи.*

*Нам фигушки показывают, врут, но
посёлок наш – не место для тоски.*

*Так и живём: считается, что трудно.
А мы не так считаем: по-людски.*

У Перминова далёкая от столицы «окраина» становится символом центра родной земли, примером прочности русского человека. Самые разные характеры, коллизии, картины быта поэт изображает с изначальной добротой и терпеливой любовью к людям: «Всех жалеет...» <...> *Слов бабуля выдохнула мало, /но сказать мне главное – смогла*. Его строки оказываются той художественной пробой, людской и житейской, которая характеризует Россию в наши дни. И подтверждает: широта, терпение, приверженность правде и справедливости, стремление к любви и дружбе не оставили русское сердце, только голос их сейчас чуть тише, нежели десятилетия назад, и нужна воля, чтобы он зазвучал в свою полную силу.

В стихотворениях Юрия Перминова мир весьма плотен, вязок. А всё воздушное, невесомое в основном связано с песней и её прозаическим отголоском – просторечием. Оно звучит в разговорах старушек, в репликах измученных злобой дня работяг и ещё крепких дедов, в чудном сне, в котором тёплая древность спорит с холодной новизной: «...на лавочке бабушки в сборе <...> и светится в их разговоре /каждое слово, не важно – о чём и о ком»; «...ты, паря, снег подбрось до города –/его там не было еишо!»; «снилось мне: спало

в образе лихо, /а избушка – по лесной тропе – /словно гриб, как старая ежиха, /белый дым тащила на трубе».

И ещё – с небом, рассветом и закатом, с пространством, которое живёт по неземным законам. В какой-то момент они властно раздвигают тесноту сложившегося распорядка предметов и позволяют поэту видеть далеко и идти куда угодно беспрепятственно:

*С бессмертными родными небесами
сливается окраина моя.*

Здесь дан не только зрительный образ соприкосновения земли и неба, но обозначено принципиальное для русского человека созерцание, которое в поэзии Перминова играет роль лейтмотива – то явного, отчётливо выраженного словами, то едва уловимого, легко касающегося человеческого поступка, переживания, житейской картинки. В этом бытийном уделе видимая простота забот и явлений отодвигает умственность речи и побуждения, и, казалось бы, жанровая зарисовка становится ещё одним штрихом терпеливой жизни духа:

*...Снова под окнами вырастут лук да редиска,
снова придёт понимание сущего: под
прессом тревог и житейского буднего риска
сердцу не надо
дарованных сверху свобод.*

В стихах его очень часто встречаются птицы, деревья, зелёная поросль, словно бы напоминая читателю о красоте и дыхании земли. Живые приметы соединяются с бытом и воссоздают мир, в котором есть тепло и радость. Из сумерек повседневности искрит бытие, свидетельствуя о жизни и смерти, добре и зле, труде и сердечной заботе.

Интонационно Перминов пишет очень мягко, уступчиво, однако фактура его стиха чрезвычайно насыщена деталями. Кажется, что он не обводит окружающий мир взглядом, что так характерно для современной самовлюблённой «поэзии ума», но успевает не торопясь обойти все закоулки и поговорить с каждым прохожим. А потом, словно по волшебству, ускоряет бег времени, и этот обход, измеряемый часами, оказывается для читателя почти моментальным.

Человеческое касание предмета, дерева, земли с течением мгновений у поэта не угасает, а существует если не на равных с реальностью, то как будто во втором ряду – не по значению, а по задаче: поддержать под локоть, помочь сохранить осанку прямой, не гнуть спину под гнётом обстоятельств («...тепло от яблонь солнечно ко мне /плывёт сквозь годы – бережно, не тая»).

И здесь стоит упомянуть об одной стилиевой особенности поэзии Юрия Перминова.

Он любит синтаксические переносы, порой разрывает длинное слово на две части и рифмует уже не смысловую единицу, а морфему. Это придаёт его лирическим стихам оттенок игры, лёгкой шутливости и улыбки, добродушной авторской самоиронии, что несколько снижа-

ет пафос высоких слов, но позволяет поэту касаться их безбоязненно и нередко.

Склонность к конструктивистским приёмам в контексте стихотворений Юрия Перминова говорит о характере автора порой даже больше, чем суждения его лирического героя. В поэте живёт некое правило, которое находится в согласии со всем его существом. До времени оно скрыто, но в какой-то момент заявляет о себе и включается в стремительный поток наблюдений, омывающих творческое сознание. Это видимый край того внутреннего духовного и мировоззренческого чертежа, который позволяет художнику «укладывать» постоянно меняющуюся реальность в связную картину. Лёгким пунктиром его линии проявляются в герое и действительности, когда они ложатся на бумагу в полном соответствии с волей автора.

*В ночь сырую, глухую – народную песню запели
так, что выплыл из хлябей луны золотой апельсин,
не бичи заплутавшие – наши родные кудели,
тот же самый народ прииштышских моих палестин.
<...>*

*В центре мира живём – иногда засытая под песню,
иногда просыпаясь. К примеру, сегодня, когда
дышит вечное небо над нашей несуетной вью,
как над люлькой – теплом.*

И от ночи сырой – ни следа...

В стихотворениях Перминова песня – самовольная и самовластная стихия, по существу – синоним поэзии, точнее – её образ. Она влечёт к себе не только душу автора, но и всех иных людей, которые отчётливо или мимолётно появляются в его сюжетах. Именно песня высвечивает и вычерчивает все извивы характера русского человека и его сокровенную глубину. И она же помогает сшить воедино фрагменты разорванной памяти, соединяет чувства сегодняшние – со вчерашними.

Для поэта взаимоотношения новой эпохи со старыми временами достаточно сложны. Он с сочувствием относится к современникам, которые стараются тянуть семью и растить детей – несмотря ни на что. Они надрывают сердце, пьют горькую, шумят и скандалят, но во всех бьётся пульс жизни, которая в состоянии превозмочь немислимые тяготы и беды («...фразу «жить на что-то надо» /корооче сделать: «надо жить»).

*А женщина – храни, Господь, её! –
удерживает мир от безрассудства,
развешивая детское бельё.*

На старом семейном снимке – прадед, вся грудь его – в медалях и крестах. Он «заживо сгниёт под Сыктывкаром». Рядом – дед, ещё мальчик. Перед самой войной он построит дом, «да не успеет в этот дом вселиться –/погибнет на десятый день войны».

*...Простые – удивительные! – лица.
В глазах – тепло. Ни боли. Ни вины.
Весёлый прадед – бравый есаул,
и дед – мальчиш. Он держится за стул...*

*Такой вот снимок у меня хранится...
Хотя он стар, как лист осенний, жёлт,
я чётко вижу: сын отцом гордится.*

...Год, кажется, семнадцатый пошёл.

Тут нагляден конфликт, прошедший через каждого русского человека – октябрь 1917 года. Но важно вот что: сегодняшний взгляд видит, как «сын отцом гордится», и эта непрерывная родовая нить скрепляет страшную историю России XX века. Дед сложил голову уже не за Российскую империю, а за Советский Союз, хотя в холодной северной земле закопан его погубленный Советами отец. И внук для себя определяет со всей возможной твёрдостью: «Но знаю то, что холода /встречать на родине – теплее». Потому что родина – это земля, а не государство.

На родине «время утицей белой плывёт /на рассвете далёкого мая». 1961-й, дома барачного типа, «инвалиду войны сорока /нет ещё – из квартиры над нами».

*Наш окраинный мир во дворе
без вражды умещался под вечер,
а потом – на бессмертной зафе –
шёл доверчиво небу навстречу...*

*Месяц – тёплый, как хлеба ломоть.
Звёзды – пышки из райских пекарен.*

*С неба слушают маму Господь,
молодой мой отец и Гагарин.*

От тех лет остался в парке гипсовый танкист, одиноко стоящий «в холодном свете скомканной луны», издали похожий на пошло-го героя уже нашего времени («мужик неясных лет <...> кто он – дистрибьютор? /разбойник? дилер? просто бомж?»). И слышно, как кто-то одиноко плачет, ночной и бесприютный. Это голос прошлого, которое отодвинули на задворки нынешней культуры в суете настоящего, в поисках лучшей жизни – без совести, любви, горечи, слёз раскаяния... Собственно, не русской жизни, потому что подлинному русскому человеку такая она – не нужна.

Родина – вот главная тема стихотворений Юрия Перминова. Он видит бесчисленное множество её примет, хороших и плохих, её людей – таких разных, но взаимно близких по чувству земли и воды, мечты и памяти, смеха и рыдания. Любое слово поэта обращено в это пространство русского духа.

Приходят и уходят времена, стираются слова, гаснут звуки песен – но русское дыхание, кажется, исходит самой землёй нашей, скорбной и великой.

*Так и жил бы до смерти, как нынче, – дыша
миром наших окраин, когда надо мною –
как Всевышнего длань – небосвод...*

*С Иртыша
сквозняки наплывают – волна за волною.*

*Незабытым, несуетным прошлым богат
миф окраин моих, словно вечным – планета...
Одинокая память родительский сад
опахнула неслышимой бабочкой света...*

**Андрей
Фролов**

ЕГИПТЯНКА

«МУСОРНЫЙ ДЕНЬ»

Что такое «мусорный день»? «Мусорный день» – это почти как праздник. Во всяком случае, так его ждут. А случается он раз в неделю – у нас это воскресенье. Именно в этот день по улице сверху вниз, неторопливо, с длинными остановками проезжает мусоровоз. Давно уже кем-то определены конкретные места, где грохочущая и дребезжащая машина останавливается, водитель как бы нехотя выкарабкивается из кабины, с глубокомысленным видом манипулирует рычагами сбоку кузова, и огромная шарнирная рука ставит на землю мусорный контейнер. А народ уже давно собран, организован и сплочён. Впрочем, по порядку.

Мусоровоз проводит тотальную чистку улицы примерно с часу до трёх дня. Но ещё до полудня над нашей дверью визгливо кричит звонок: в калитку, боясь собаки, которой давно нет, просовывается соседка тётя Надя и торжественно возвещает:

– Сегодня – мусор!

Об этом никто не забывал, но соседку всё равно благодарят за хорошую весть. Ещё полчаса спустя отец начинает собираться.

– Пойду, – говорит, – на «пост».

Мама возмущается:

-
- Андрей Владимирович Фролов родился в 1965 году в Орле. Окончил Орловский строительный техникум. Автор книг стихотворений «Старый квартал» (2000), «Над крышей снова аисты» (2004), «Над туманом сад плывёт» (2011) и сборника рассказов «Конечная остановка» (2006). Стихи и рассказы публиковались в альманахах «Поэзия», «Невский альманах», журналах «Наш современник», «Роман-журнал. XXI век», «Простор», «Родная Ладога», «Молодая гвардия», «Литературный Омск», «Огни Кузбасса», «Подъём», «Бийский вестник» и др. Произведения включены в антологию современной литературы «Наше время» (Москва – Нижний Новгород, 2009, 2010) и антологию «Русская поэзия. XXI век» (Москва, 2010). Член Союза писателей России. Живёт в Орле.

– Куда ты? Только половина первого. Тебе что, до «поста» полчаса идти, что ли?

Но это нужно понимать, этого события целую неделю ждала вся улица, на которой сегодня необычайнолюдно. Не удаляясь от своих калиток, прохаживаются разно одетые обыватели. Кое-кто уже вынес и поставил – пока на этой стороне улицы – пластиковые ведра, оцинкованные выварки, полиэтиленовые пакеты с мусором. Все поочередно подходят к проезжей части и напряжённо всматриваются вдаль. Народ пока разогревается общением.

Сосед наш, Борис, выходит, как всегда, в сопровождении собачонки – сегодня это чёрно-белая Муха, значит, Жучка была в прошлый раз. Борис озабоченно спрашивает:

– Будет сегодня, не знаешь?

Отец не знает, но говорит, что нужно надеяться. Они начинают лениво обсуждать различные бытовые надобности. Муха, не очень-то обращая внимание на пристающего уличного кобеля, живо интересуется содержимым чужих мусорных ведёрок.

Ближе к часу народ, прихватив свои ёмкости с мусором, начинает перетекать на другую сторону улицы, к месту остановки мусоровоза.

Вот тут-то и разворачивается действие, ради которого, собственно, все и собрались: живое общение по полной программе. Кумушки, в обычные дни не имеющие причин встретиться для обсуждения свежее испечённых новостей, сбиваются в небольшие группки и буквально рвут эти самые новости друг у друга изо рта. Хвастаются зятьями, прикупившими автомобили, шубы их дочкам, хрустальные люстры и кухонные комбайны. Проклинают зятьёв пьющих и нерадивых. Осуждают беспутную Нинку, заведшую «нового хахаля», и Верку-дуру, от которой сбежал «мужик-золото».

– Петрович, выпьешь? – Это мужики уже расположились на крыльце одного из домов поблизости.

Здесь беседы ведутся традиционно о «правильной политике президента», о том, что «щуку лучше брать в половодье, по мутной воде», о том, что «Спартак» вчера «облажался не по-детски». По кругу ходит одинокий стакан, зато закуска припасена у каждого.

Притащилась, тяжело опираясь на клюку, древняя бабка из углового дома. В пластмассовом ведре погромыхивает коробка из-под кефира. Подошла к очередному вперёдсмотрящему, прошамкала беззубым ртом:

– Не видать, сынок?

Получив отрицательный ответ, поудобней упёрлась хилой грудью в свою клюшку и застыла этакой треногой.

Подтянулась и ребятня, которой нет дела до собственно мусора, но раз уж собрался народ, стало быть, будет весело. Гомонят, «салки» затеяли.

Настроение праздничное, сравнимое разве только с атмосферой майских демонстраций прошлых времён, когда люди вот так же выходили из домов утром и, прежде чем отправиться по своим конторам и построиться в колонны, кучковались на родной улице, выпивали, шутили – общались, словом.

– Едет! – сверху вниз прокатилось по улице.

На секунду вздрогнув, приостановилась ребятня, подобралась и теснее сплотили ряды взрослые. Действительно, в конце улицы, круто уходящей вверх, к вокзалу, показался трудно ещё различимый, но безошибочно узнаваемый мусоровоз.

Убедившись в неотвратимой близости апогея праздника, граждане возобновили разговоры, которые сделались более оживлёнными. Мальчишки с новой силой продолжили беготню и чуть не сшибли старушку, повисшую на клюке. Ведро с грохотом покатило по асфальту проезжей части, потеряв на ходу кефирную коробку.

– А ну, цыть! – неожиданно громко и грозно крикнула проснувшаяся бабка и, будто спохватившись, едва слышно проскрипела, неизвестно к кому обращаясь: – Не видать, сынок?

Ведро тут же вернули, сунув туда одинокую коробку.

– Видать, бабка, видать, – за всех ответил Николай, из дома, что напротив нашего. – Уже на Индустриальном стоит.

Следующее после Индустриального переулка место остановки мусоровоза – наше. Тут уже из калиток начинают выглядывать те, кто до сих пор отсиживался дома. Это которые или не в ладах с улицей, или молодые домохозяйки, коим с общественностью поделиться ещё нечем.

И вот мусоровоз скрипит тормозами и тяжело отдувается – прибыл! Контейнер установлен на землю и готов к заполнению. Но...

– Стоять! – громко командует водитель, закрывая грудью мусоровместителище.

Люди с уже занесёнными для броски вёдрами и пакетами удивлённо замирают. Только старушка с клюкой, наверно, по причине глухоты деловито ковыляет к контейнеру и вываливает туда свою пресловутую картонку. Завершив ритуал, она не спешит домой, а отступает в сторонку и снова повисает на клюке.

– Предупреждаю, – инквизиторским голосом заявляет водитель, – в следующий раз мусор буду принимать только по предъявлению квитанции. Небось, половина из вас не платит.

– Как не плотит?! Кто не плотит?! – возбуждённо шумит народ. – Все плотют!

Люди с мусором напирают, машут руками и брызжут слюной. Интересно, как это «в следующий раз» этот «бюрократ» собирается защитить контейнер от справедливо возмущённых обывателей, для которых жизненно важно расстаться с накопленными за неделю отходами? Наверно, и сам водитель задался этим вопросом, а может, вспомнил, что для народа он – всего лишь мусорщик, потому что обречённо махнул рукой и отправился в кабину выкурить очередную сигарету.

Началось! Воздух, отяжелевший с прибытием мусоровоза, загустел окончательно от мелькающих пакетов и ведёрок, криков «Посторонись!» и волнами распространяющегося от контейнера амбре. Кто-то в суматохе наступил на Муху. Её отчаянный визг послужил сигналом для начала следующего этапа мусоросдачи.

Нестройно захлопали калитки, из них рванули через трамвайные пути с вёдрами те, которые необщительные, и бегут-то неуклюже, как-то бочком, суетливо – не наши люди. Молодые хозяйки семян, стесняясь домашних халатов, которые они одной – свободной – рукой пытаются запахивать на груди и удерживать от распахания внизу. Получается плохо, дамочки краснеют и готовы провалиться сквозь землю вместе с вёдрами.

Трамвайное движение временно остановлено. Вагоновожатый понимает, что стихию не остановить, и даже не пытается нажимать на кнопку звонка – привык. Минимум десять минут трамвай будет стоять, пережидая, пока людской поток, катящийся через рельсы в обоих направлениях, станет жиже.

Контейнер наполняется быстро, граждане сноровисто бегают за новыми партиями отходов, торопясь выбросить всё, что можно. Те, что поопытней, вышли семьями и за одну ходку вынесли, кажется, чуть ли не весь имеющийся у них скарб.

Издавека, сгибаясь под тяжестью полиэтиленового мешка, приплёлся дядя Роман – ему ближе на Индустриальный, но весь мусор сплавить там он не успел.

– Роман, по всей улице собирал? – шутит кто-то.

Водитель уже трижды дёргал рычаги, и шарнирная рука размашисто опрокидывала контейнер во чрево мусоровоза. Опыт подсказывает, что четвёртого раза не будет – впереди ещё почти пол-улицы. Суматоха постепенно гаснет.

– Больше не принимаю! – кричит водитель, вскакивая на подножку. – Учтите, в следующий раз..

Не закончив, он снова досадливо машет рукой, прыгает в кабину и зло рвёт машину с места.

Всё. А народ не расходится. Исчезает лишь суетливое возбуждение, на смену которому приходит благостное удовлетворение: большое дело сделали – надо бы sprыснуть по-настоящему. Что мужики и намерены осуществить, собираясь неподалёку, в тенёчке под липами. Потом кто-то принесёт низкий столик, достанут домино и будут, сдержанно матерясь, стучать костяшками уже дотемна. Женщины тоже не уходят, продолжая делиться впечатлениями о своей и чужой, да и вообще о жизни, в целом нелёгкой, но всё же дарующей редкие радости и оставляющей надежду на будущее, хотя бы в виде чумазных ребятишек, весело скачущих по уютным тротуарам родной улицы.

Заканчивается воскресный день. Заканчивается праздник, не быть которого просто не могло – ведь «все плотют».

ЕГИПТЯНКА

– Жизнь, ребяташки, порой, так вывернет, что диву даёшься, – говорил Семёныч, обращаясь к нам, молодым сотрудникам, вернувшимся в гостиничный номер под утро.

Был он человеком, по нашим меркам, пожилым – за сорок, тогда как любой из нас не дорос ещё до двадцати пяти. В совместную

командировку мы попали впервые и мало чего о Семёныче знали, но прислушивались и не спорили, когда это не задевало обострённого молодостью максимализма.

– Я, когда помоложе, тоже прыток был, – продолжал Семёныч, а мы развешивали уши, догадываясь, что читать нравоучения нам никто не собирается. – Тоже с ветки на ветку чижигом скакал и не ждал от судьбы укорота. Даже за границей бывал. Один раз – но мне и того хватило. В Египет сподобился. Это вам не Польша-Венгрия – экзотика сплошная. Нет, не тогда, когда мы им дружественную помощь оказывали, а уже потом, когда туда на солнышке погреться ездить стали, вроде как раньше в Крым.

Длинным рублём я к тому времени закарманился лет на двадцать вперёд – двенадцать годков в Нижневартовске нефть качал, полным бирюком жил. Надоело, уволился и рванул к арабам. Полежу, думаю, на горячем песочке, жизнь дальнейшую спланирую.

Прелести египетские описывать не буду: пальмы там, верблюды, бары, казино – это понятно, теперь, считай, каждый туда два раза в год мотануть может... Наши-то, конечно, и при социализме в африках встречались, только редко... Я вам, как планида моя в том Египте круто изогнулась, расскажу.

Казак я был вольный – ни семьи, ни друзей особых, при деньгах, хоть и не миллионер. Погулять тоже не дурак был – компания, вино, девчонки. Но то здесь, на родине, а там – хожу идиотом, тарабарщины ихней не понимаю, красоты туземные уже обрыдли. В общем, провалялся у моря две недели и затосковал, домой захотелось... А на пляже там, ребятки, ох, не затомиться – грех. Девки хороши – аж зубы сводит! Нет, арабесок-то египетских там не увидишь, а вот любые шведки-германки – это пожалуйста! Ноги километровые, груди голые, остальное тоже... На живот поворачивайся и глаза за тёмными очками зажмуривай – только так от конфуза спасёшься.

Не выдержал я: в последний вечер коньяку полбутылки выдул, иду к дежурному администратору... Это у нас в гостиницах одни бабы работают, у них – только мужики.

Объяснил ему на пальцах, как сумел: нужна, мол, женщина на ночь. Сам глаза прячу – неловко мне какому-то арабу нужды свои – вполне естественные, кстати, – излагать. А он, подлец, скалится белозубо, усишки свои топорщит и почти по-русски, как, к примеру, нанаец смог бы, отвечает: «Сию секунду».

Может, и послышалось мне, согласен, только он руками замахал, и подошли к нам четверо таких же чумазых. Заворковали по-своему – вроде как впечатлениями делятся. Стою болваном, слушаю, как они мою личную жизнь обсуждают. Хотел уже плюнуть и идти коньяк допивать, как один из них, в кепке и с фиксой во рту, за рукав меня хватает и тащит куда-то в угол.

Там в потёмках на стуле сидит ну совсем девчонка: в платки арабско-национальные закутанная, росточком мелкая, глаза большущие, испуганные.

Этот, в кепке, велит ей платки разматывать, и... Какая ж красота, ребята, глазам моим явилась!.. Шахиня!.. Он по имени её звал, толь-

ко я не понял и про себя назвал Шахерезадой. Сашкой, значит... Девчонкой это она сперва показалась, а тут... Нет, словами я вам рассказать не сумею... В общем, не устоял я. Арабский сводник с меня двадцать долларов требовал... У них доллары уже тогда ходили, задолго до нас. Я ещё удивился: дешёво...

История казалась нам забавной, мы подталкивали друг друга, перемигивались, цокали языками, выражая восхищение старшим товарищем, но его не перебивали.

– Ну, понятно, случайная связь – непрочная, стыдная, – продолжал Семёныч, не очень-то обращая внимание на наши ужимки. – Утром говорю ей: «Иди домой». А она снова в платки запаковалась, сидит и меня глазами ест. Не понимает, вижу. Беру за руку – нежно беру – и вывожу в коридор. Она – в слёзы, лопочет что-то, обратно ко мне в номер рвётся. Может, денег просит? Даю – не берёт. Дела! Нет, думаю, так не пойдёт. Спустился в холл. А мой дежурный уже вахту отстоял – домой намылился. Поймал я его в дверях.

«Что же это, – говорю, – делается? Забирайте свою девчонку назад, нечего провокации устраивать!» Чёрный этот опять лыбится, руками разводит: не знаю, дескать, ничего. Я его за грудки: «Веди, – говорю, – к фиксатору, я ему морду-то подрихтую!» А тот уже сам, как чёртик, откуда-то из подсобки выскочил. Глаз из-под кепки жмурит, жестами спрашивает: «Что, девочка не понравилась?» «Понравилась, – говорю, – очень даже хорошая девочка. Уведите только её из номера моего, я же сполна расплатился». А он... Сперва я тоже не поверил, точнее, не услышал как бы... Так вот, он мне показывает: «Деньги платил – девчонка твоя». Я ему: «Дела мы с ней все подделали, спасибо, забирайте». Не хочет, злится уже... Долго мы с ним друг на дружку слюнями плевались, дошло бы и до драки, если бы какой-то из наших не оттащил меня и суть вопроса не растолковал.

Да-а... Такие вот у них нравы диковатые. Детей понарожают, а кормить-то их чем? Мальчики ещё куда ни шло, а вот девок за людей там не держат. Нет, они, конечно, подрастят, в своём обычае воспитают. Но когда со жратвой совсем туго станет, натурально торгуют женщинами! Не во временное пользование – насовсем... А я-то думал, мне досталась жрица, так сказать, продажной любви!

Семёныч коротко потёр ладонью лысеющий лоб, отхлебнул остывшего чаю и продолжил:

– Я тогда, откровенно скажу, струхнул малость. Прогоню, – думаю, – и дела мне до этой египтянки нету. Но тот, который наш, обрисовал перспективу её дальнейшую: обратно девчонку не примут даже за деньги, даже в прислуги не возьмут, и будет себя продавать по кабакам, пока не убьют или не изуродуют... Короче, пропала живая душа, и я к этому руку приложил.

Ох, как мне, ребята, захотелось домой, в Нижневартовск – вкалывать с утра до утра, жить без удобств, только бы не приезжать никогда в этот чёртов Египет! И, говорю я вам, сбежал бы малодушно, если бы ещё разок в глаза ей не посмотрел...

Да что тут... Привёз я эту проблему заморскую в Россию. Заместо багажа, вроде. Денег это, конечно, стоило, но дело не в этом.

Осесть решил в вашем городе... Хороший городишко – тихий, зелёный. Ну, квартиру купил двухкомнатную, на службу не пыльную, но хлебную пристроился – живу себе. Сашка у меня вроде служанки так и осталась.

С работы прихожу – в доме чистенько, наложница моя на коленях, тапочки мне надевает, к столу накрытому за ручку ведёт... Готова – язык проглотишь! Сама за спиной стоит, прислуживает. Я ей: «Сашка, сядь поешь». Пристроится на уголку, поклюёт – чисто птичка. И опять на меня глазищами бездонными смотрит.

Мужику-то что надо? Почёт и уважение ему надо. И чтоб в дела его не лезли. И уют в дому. Ну и, конечно... это...

Словом, живу как падишах на каникулах. Только замечаю: домой меня тянет после работы, будто пружина калёная сжимается ту же и ту же. И Сашка, вижу, ко мне тянется. А от того всё краше делается. Каждую минутку видеть её хочется, как о ней подумаю – такая в груди пустота ёкает, словно на самолёте – в яму...

Семёныч вдруг замолчал, зашмыгал носом, сделал вид, что поперхнулся чаем, потянулся за сигаретами. Закуривая, исподлобья быстро взглянул в нашу сторону.

– Вот так и присушила она меня, ребятки, египтяночка моя, – Семёныч вздохнул, всем видом показывая, что разговор окончен, что он и сам удивлён вдруг нахлынувшей откровенностью, отвернулся, будто и не рассказывал ничего вовсе.

Мы верили и не верили – очень уж неправдоподобной казалась эта история. Хотя... как знать. В любом случае конца её мы так и не услышали, но знать его хотели непременно и, как только Семёныч вернулся из душа, навалились на него с расспросами.

– А чего ещё-то? – вроде удивился Семёныч. – Я и говорю: никогда не ведаешь, где судьбу найдёшь. Так что, вы, молодёжь, гуляйте пока. А судьба – она сама, когда встретится, вцепится и не отпустит, за собой потащит... И не сделаешь ничего.

Помолчав немного, Семёныч добавил:

– А мы-то с Сашенькой? Живём. Она мне таких пацанов народила!.. Старший школу уже заканчивает... Вот только по-русски так толком и не выучилась. Да беда ли? Мы и без слов друг друга понимаем, потому что – любовь...

**Александр
ЛЮЛИН**

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

***

Я думал, всё перегорело,
Остались пепел да зола.
Ты подурнела, потускнела,
Возможно, даже умерла.

Но вот столкнулись мы случайно –
Тебя я за руку держу,
С испугом нежности печальной
В лицо надменное гляжу.

Всё так знакомо, так знакомо...
Или не властны над тобой
Природы строгие законы,
Такой же стройной, молодой?

Предстала – облик чист и светел!
И с ужасом вдруг понял я:
Оделся плотью милый пепел,
Восстал из недр небытия.

***

Любовь и Смерть – две женщины, которых,
Увы, не обмануть, ни обойти.
Одной швыряем шумный ворох
Сырой сирени, плачущей почти,
Черёмухи прибой, злых роз бутоны...

Другой вручаем спящие цветы
Из воска, чугуна или картона...
Одной к лицу венки или венцы
Из траурных речей; сестре – корона,
Украшенная взрывами сердец.

Кого кисть живописца прославляет,
Перо поэта, скульптора резец?
Кто нервной рукою направляет
Кинжал ревнивца? Скрипача смычок?
Две женщины. Одна-то изменяет,
Другая – не изменит. Но... Молчок!

***

Зябко поводя плечами,
Вся красивая на вид,
Оля, полная печали,
В платье розовом стоит.

Платье, в мелких цветочках,
Хорошо сидит на ней.
Оля среднего росточка,
Всё при ней.

С тайной нежностью любима,
Замечтована до дыр,
И глазами голубыми
Озирает Божий мир.

Есть в речах её нескромных
Злой язвительности яд.
А в глазах её огромных
Слёзы круглые стоят.

***

Вокруг тебя летают голуби.
Один садится на плечо...
И, запрокидывая голову,
Ты так смеёшься горячо!

Как ты красива в этом платице!
И потому печален я.
Но пусть смеётся, а не плачется
Тебе, любимая моя.

***

Я дверь открыл – а на пороге
Стоит, смущённая, она:
«Была я прежде невеста,
Теперь же я – твоя жена».

И, потупляя долу очи,
Устами тихо шевелит:
«Так делай ты со мной, что хочешь,
Что сердце жаждет и велит».

И мне кладёт на плечи руки,
И, воскрешая жизнь мою,
Впервые говорит по-русски:
«Ты знаешь, я тебя люблю».

***

В окне – осины сонные, прозрачная роса,
Всплывают осторожные синичьи голоса.
А небеса – бескрайние: как в озере, плыви...
Живи, моя коханая, любимая, – живи.

Прохладное безветрие, скрипенье камыша.
Природа предрассветная, как девочка, свежа.
Речных стрекоз порхание, цветной зари слои...
Живи, моя коханая, хорошая, – живи.

Всё озеро – зеркальное, играют свет и тень.
Всё радостней сверкание, всё ярче новый день.
Возьми моё дыхание, возьми слова мои:
Живи, моя коханая, не умирай, – живи!

ПЕЧАЛЬНЫЕ РАДОСТИ

Хорошо срывать покровы с тайны,
Хаос шевелить, дразнить беду...
Я у реалистов на виду
Выстрою себе дворец хрустальный,
Лунные хоромы возведу.

Пусть дождливо, холодно и скользко,
Пусть штормит эпоха – ничего!
Нарастают годовые кольца
Жизненного древа моего.

***

Мы знаем: нет отечества у эха,
Не помнит, где рождается, волна...
Нет ничего печальней, чем уехать
Из родины, которая одна.

Особенно когда она болеет,
Тем более когда она в беде...
Но парус одинокий всё белеет
На зыбкой исторической воде,
И нет ему пристанища – нигде.

***

Имеющий уши – услышит,
Имеющий очи – узрит:
Стуча кулачками по крышам,
Природа рыдает навзрыд.

По ком эти слёзные страсти?
И колокол неба – по ком?
Ведь наше солёное счастье
Он сам же слизнул языком...

***

Снег-снежок кружился над полями.
Тополя оснеженные все.
Грузовик с открытыми бортами
Тихо-тихо ехал по шоссе.

Не было ни музыки тягучей,
Ни рыданий сдавленных; вверху
Рыхлые, скудеющие тучи
Рассыпали мокрую труху.

Вечер был субботний, нерабочий.
Тёплый пар вздымался от реки.
Что-то распивали у пивточки,
Пивом разбавляя, мужики.

Снег кружился медленно над Русью...
Как обычно, пели и дрались...
И текла в своём привычном русле
К морю немелеющему жизнь.

**Ефим
ВОДОНОС**

«БЫТЬ СОЗНАТЕЛЬНОЙ БОРЬБОЙ ЗА ПРЕОБЛАДАНИЕ ПОДЛИННОГО ИСКУССТВА»

«Критики спорят, это нормально; противоестественно, ненормально отсутствие спора, полемики столкновения различных взглядов и вкусов (...) Я не хочу сказать, будто в спорах, согласно пословице, непременно определится художественная истина, я в этом далеко не уверен, но я считаю, что само по себе выяснение противоположных позиций есть благо».¹ Едва ли возможно оспорить это утверждение замечательного театрального критика и историка отечественного театра Константина Рудницкого, человека трудной судьбы, пришедшего в профессию, когда «писать о современном театре оказалось практически невозможно, а само занятие театральной критикой стало оскорбительным для достоинства литератора».²

При зарождении своём (начало 18-го столетия) художественная критика вызвала всеобщее озлобление притязанием своим узурпировать права общественного мнения, за что и подверглась цензурным притеснениям. Однако же, как всё рождённое исторической потребностью, критика не только пережила своих гонителей, но и достаточно прочно утвердилась в общественной жизни передовых стран, время от времени заявляя о своей особенно важной роли в художественном процессе.

Её значение и влияние периодически то возрастают, то падают, как правило, в прямой зависимости от подъёмов и спадов общественной жизни той или иной страны. Порою случались и трагикомические курьёзы вроде геббельсовского циркуляра, напрочь запретившего все виды художественной критики. Бертольд Брехт находил этот дичайший запрет вполне логичным для тоталитарной государственности: если не может быть настоящего искусства, не нужна и художественная критика. К тому же потребность в свободном обсуждении как принципиальная жизненная позиция ненавистна подобным режимам. Действительно, безапелляционной директивности сугубо циркулярного мышления глубоко чужды скепсис и сомнения,

потребность в логическом обосновании, тяга к пересмотру сложившихся устоев, многообразие оценок и мнений, борьба различных тенденций, раскрепощённость непредуказанного свыше суждения. А ведь дискусионность – прирождённая особенность критики, её неотъемлемое право и её обязанность.

Критика, однако, и в этот раз пережила своих «прекратителей», как переживала их и в прежние времена общественных «похолоданий». Она не только просочилась сквозь «умственные плотины», упорно воздвигаемые охранителями разных эпох, но и обрела в нашем столетии даже чрезмерное влияние, которое внушает вполне обоснованные опасения не только художникам-творцам, социопсихологам и другим исследователям общественной жизни, но также и наиболее чутким, совестливым и дальновидным представителям самого критического цеха. Впрочем, не следует думать, что нагло-самоуверенная поведка иных излишне ретивых критиков – завоевание последних десятилетий. Стремление «управлять Парнасом» было присуще критике всегда. Это одно из имманентных её свойств. И далеко не всеми критиками оно осуществляется с мудрой сдержанностью.

Роль художественной критики в социальном и творческом бытии мастеров изобразительного творчества изучена и систематизирована далеко не в том объёме, как это сделано в специальных исследованиях о музыке и театре, не говоря уж о литературе. Особенно это ощущалось в России. Только с 1900–1910-х годов проявилось и здесь настоящее самосознание её значимости и весьма существенной роли в становлении текущего художественного процесса. Неслучайно молодой Николай Пунин свою рецензию на книгу Сергея Маковского «Страницы художественной критики» в журнале «Аполлон» (1913 № 9) назвал «Пути современного искусства».

Именно к середине 1910-х годов профессиональная художественная критика в России выдвинула вослед Александру Бенуа и Игорю Грабарю такую плеяду заметных и влиятельных имён: Сергей Маковский, Николай Врангель, Максимилиан Волошин, Павел Муратов, Яков Тугендхольд, Абрам Эфрос, Николай Радлов, Всеволод Дмитриев, Николай Пунин, – что возможной стала постановка не только проблемы «художник и эпоха», но также и проблемы «художественный критик и эпоха». Ибо все они были способны дать внятную и ответственную характеристику нарождающихся явлений современного им искусства, выявить наметившуюся тенденцию, которая в ближайшее время станет ведущей. Они пытались и ферментировать художественный процесс, давать ему верное направление.

Любопытно в этом плане признание одного из талантливых и серьёзно думающих художников – Василия Чекрыгина, написавшего Николаю Пунину: «Я вижу и знаю, что Вы необходимы как художникам, так и зрителям, но ещё больше Вы нужны искусству. Не соглашаясь ни с одной из Ваших статей, всё же считаю Вас (из пишущих) за самого необходимого человека, наиболее чуткого и умного».³ Должно быть, вовсе не случайно именно Н. Пунин в 1920-е годы возглавлял в Русском музее отдел новейших течений, отслеживающий современное состояние отечественного искусства.

На Западе важнейшая роль критики в живом художественном процессе и её место в социуме были осознаны намного раньше, ибо с большим опережением шло развитие многообразной и разнохарактерной газетной и журнальной прессы, не говоря уже об ускоренном становлении широкого художественного рынка, чутко реагирующего на оценку знатоков. «Пресса, ставшая мощным рычагом формирования общественного мнения, давала критике возможность выразить себя, найти свою форму и свой стиль», – справедливо отмечает современный исследователь художественной критики предшествующих столетий.⁴

Следует оговориться, что отношения собственно художественной критики с государством во всех странах существенно отличались от критики театральной или литературной, которые в силу более выраженной своей идеологичности гораздо жёстче контролировались авторитарной властью. Особенно это было характерно для культурной ситуации дореволюционной России. Достаточно вспомнить судьбы отечественных критиков-публицистов XIX столетия. Но и в нашей стране отношения художественной критики с правящей элитой оставались в ту пору достаточно толерантными. Те или иные произведения живописи убирались иногда с выставок правительственной или церковной цензурой (к примеру, картины Н. Н. Ге), а запретов на критические статьи по искусству практически не было.

Ситуация существенно изменилась после большевистского переворота, когда нарождающаяся тоталитарная власть пыталась сделать искусство в целом и художественную критику в особенности простым пропагандистским придатком текущей политики властей, призванным защищать и укреплять утвердившуюся государственную систему. По сути, это открывало перспективу полного упразднения независимой критики. Конечно же, такое случилось не сразу. И абсолютной её подконтрольности административному Минотавру всё-таки не было. Но заметных успехов на этой ниве новая власть добилась сравнительно легко и достаточно быстро.

Некоторые из авторитетных критиков предреволюционной поры продолжали в 1920-х и даже в начале 1930-х годов активно работать, постепенно адаптируясь к новой ситуации. Появилось и немало талантливых и ярких новых критиков, в той или иной степени ангажированных советской властью, но сохранявших относительную независимость эстетических суждений, далеко не всегда совпадающих с руководящими установками постепенно утверждающегося в стране жёсткого тоталитарного режима.

Эта возможность оставалась благодаря тому, что и в стане большевистского руководства не было полного единства в понимании специфики искусства и возможностей наиболее целесообразного и эффективного его использования в своих целях. На первых порах не вполне отвердевшая ещё власть вынуждена была сотрудничать с представителями радикального отечественного авангарда – единственными, которые не только признали её, но и стремились отождествить левизну стилистическую с политической.

Однако достаточно быстро выяснилось, что они не слишком-то пригодны для задач агитационно-пропагандистских, наиболее для неё

на этом этапе актуальных. С другой стороны, деятели Пролеткульта агрессивно навязывали сугубо классовый (пролетарский) подход в определении подлинно современного по их понятиям, то есть откровенно политизированного искусства. Руководители молодого государства, воспитанные на образцах художественной традиции предшествующих эпох, отдавали себе отчёт в том, что создание чаемой революционной культуры – дело отдалённого будущего, стремясь привлечь к этому процессу уже состоявшихся профессиональных мастеров различных видов искусства, зачастую достаточно далёких от социально-политических и жизнестроительных притязаний новой власти, а нередко скептически настроенных по отношению к ней.

Уже в 1922 году, когда эпоха «бури и натиска» отечественного авангарда исчерпала себя и обозначился заметный поворот вправо, развернулась серьёзная дискуссия о так называемой «пролетарской культуре». После статьи председателя Пролеткульта В. Ф. Плетнёва «На идеологическом фронте», опубликованной в «Правде» 27 сентября, там же спустя почти месяц в двух номерах (от 24 и 25 октября) выступил Я. А. Яковлев с инспирированной Лениным полемической публикацией «О «пролетарской культуре» и Пролеткульте». Он пытался противопоставить излишне идеологизированному оппоненту здравый смысл и понимание реальной ситуации в отечественной культуре.

Такая позиция была близка и Троцкому: «Тем и опасны такие термины, как «пролетарская литература», «пролетарская культура», что они фиктивно вдвигают культурное будущее в узкие рамки нынешнего дня, фальсифицируют перспективы, нарушают пропорции и культивируют опаснейшее кружковое высокомерие», – писал он в 1923 году.⁵ Троцкий рекомендовал не форсировать искусственно создание пролетарской культуры. Именно он ввёл в обиход понятие «попутчики», определяющее не ангажированных полностью мастеров искусств, признающих советскую власть и готовых (при известных условиях) сотрудничать с нею. Непременным и важнейшим из этих условий было сохранение относительной творческой свободы.

Но «неистовые ревнители» из РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) достаточно агрессивно критиковали даже иных руководителей новой власти, требуя большей идеологизации художественного процесса, прямого подчинения творчества «попутчиков» задачам революционного процесса. Именно тогда ими делались попытки выработать набор ключевых тем и образов новой эпохи, навязывалось примитивное осовременивание сюжетов – то, что потом иронически называли «злободневностью будущего». Они выступали против критерия мастерства, судили о произведениях вовсе не по художественной значимости. Директивно-понукающий тон их статей был оскорбителен для большинства талантливых мастеров, отвергающих угрозу творческого оскотления. Луначарский не зря опасался тогда засилья «своего рода коммунистической аракачевщины».

Создаётся впечатление, что в самом руководстве партии были силы, заинтересованные в поддержке оголтелых поборников революционного духа, которые открыто выступали против крупнейших её руководителей – не только против Луначарского, но и против Троц-

кого и Бухарина. Не случайно одна из глав в книге современного немецкого исследователя, посвящённой взаимодействию политики и культуры в Советской России послереволюционного пятнадцатилетия, называлась «Спровоцированное вмешательство снизу».⁶

Бухарин мог сколько угодно иронизировать по поводу того, какое «дворянское Политбюро» диктовало поэтические задания Пушкину, но упреков в ошибочной позиции в сфере культуры избежать не мог. Особенно усердствовал Илья Вардин (Илларион Виссарионович Мгеладзе), пытаясь поучать большевистских бонз, настаивая на необходимости прямого партийного руководства искусством. Раздражённый его нападками и глубоко убеждённый, что никакой особой пролетарской культуры в природе не существует, Троцкий высмеял характерный метод полемики этого доктринёра и начётчика: «...сошлись покрепче на Ленина, а проповедай прямо противоположное».⁷

Какое-то время полемика ещё продолжалась. В 1925 году был издан специальный сборник статей «Вопросы культуры при диктатуре пролетариата». Но ближе к концу десятилетия, благодаря ходу внутрипартийной борьбы, Троцкий утратил всякое влияние, а позиции Н. Бухарина, А. Луначарского были заметно ослаблены.

Во второй половине 1920-х годов обозначилось явное доминирование рапповцев, усилилось разнузданное шельмование ими «попутчиков», особенно заметное со времени объявленной в 1928-м году «культурной революции» и нарастающей тенденции всё большего огосударствления искусства, упорного навязывания художникам угодных властям тем: «Непосредственно диктовать нельзя, но помогать осознать социальный заказ необходимо»,⁸ – писал один из основателей и руководителей РАППа Леопольд Авербах.

Известный театровед Александр Мацкин, характеризуя показательную для той поры проработочную критику даже безусловно высоких достижений искусства, приводит в качестве примера передовую статью журнала «Рабочий и театр», направленную против сценических идей К. Станиславского. Руководство РАПП призывало «разоблачить и взорвать творческую систему МХАТа», ибо она «глубоко упадочная» и в основе своей «враждебна принципам строящегося пролетарского социалистического театра».⁹

И только с середины 1931 года наметился очередной поворот: появились антирапповские публикации, смягчалось отношение к старым специалистам, что воспринималось и как своеобразная реабилитация затравленных «попутчиков». Уже шла подготовка к роспуску всех литературно-художественных организаций и созданию единых творческих союзов для каждого вида искусства. Это и произошло весной 1932 года.

Многие писатели, художники, деятели театра встретили такой поворот с нескрываемым одобрением. Особенно так называемые «попутчики», уставшие от бесконечных нападков РАППа (раппства – как это называли). Но наиболее проницательные и дальновидные уже тогда предвидели последствия такой унификации под эгидой уже вызревшего тоталитарного режима.

От той поры сохранилось четверостишие талантливого драматурга Николая Эрдмана: «По мановению восточного сатрапа / Не стало РАППа. / Не радуясь, презренный раб: / Ведь жив сатрап».¹⁰ Иногда его приписывают Карлу Радеку, едва ли не самому насмешливому и остроумному из коммунистических лидеров той эпохи. Надо сказать, что мановением сатрапа судьбы иных «неистовых ревнителей» оказались столь же трагичными, как и судьбы гонимых ими писателей, режиссёров, художников. Другие же из этой когорты сумели приспособиться к изменчивой политической конъюнктуре, меняя не столько обличительную повадку, сколько объекты своей «оглобальной» критики. Они приняли самое активное участие в формировании тематики и стилистики прокламируемого свыше соцреализма.

В 1933 году, подводя итоги пятнадцатилетней работы, ведущие живописцы, участники масштабных тематических выставок, получили возможность на страницах газеты «Советское искусство» высказать свои претензии к современной художественной критике. Она представлялась им излишне агрессивной и не слишком компетентной в профессиональных проблемах, достаточно далёкой от специфики изобразительного искусства, а потому не способной верно ориентировать современных художников.

«Мне хотелось бы, чтобы критика подвела хотя бы очень строгие, но деловые итоги нашей пятнадцатилетней работы. Сколько изокритиков за это время вздымалось, ныряло, исчезало в пучинах скороспелых теорий, нервировавших без толку нашу работу. Сколько навешивалось на нашего брата порочащих ярлыков. Внимание, товарищи критики! Ведь кроме книжек, которые вы, искусствоведы, пишете, надо бы крепко и внимательно изучать вещи, производимые нами», — писал К. С. Петров-Водкин.¹¹

Близки к его позиции и пожелания Александра Куприна: «Критик должен, прежде всего, доброжелательно относиться к художнику, творчество которого он анализирует, даже если он даёт ему резко отрицательную оценку. Заезжательское отношение к художнику, выискивание в нём только одного отрицательного, пренебрежительное отношение к произведениям — пусть и неудачным — не может дать ни художнику, ни критику ничего хорошего. Критик должен также быть хотя бы элементарно знакомым с ремеслом художника, тогда он гораздо глубже и тоньше будет его понимать».¹²

Наиболее остро и с дальней перспективой поставил вопрос о диктуемых художнику современной критикой задачах Александр Тышлер, которого явно насторожили призывы к сплочению на основе навязываемого верховной властью, для всех обязательного и всех объединяющего творческого метода, который в конце 1980-х Наум Коржавин назовёт «тоталитарной фикцией». Уже при зарождении пресловутого соцреализма Тышлер почувствовал химеричность подобного лозунга, утверждая: «Он часто используется как ширма, прячась за которую, уже пытаются пролезть различные эпигоны и поборники махрового натурализма».¹³

С середины 1930-х годов существование художественной критики на несколько десятилетий оказалось незавидным. Её подконтроль-

ность заметно усиливалась. В массе своей она всё больше превращалась в рупор господствующей идеологии. Это не означает, что совсем не было серьёзных и талантливых статей, но год от года их становилось меньше, эстетическая полемика всё больше превращалась в политическую травлю, нередко с оргвыводами, а наиболее одарённые, образованные и честные критики всё чаще мигрировали в искусствоведение, занимаясь исследованием творчества выдающихся отечественных и зарубежных мастеров прошлых эпох, музейной или педагогической работой.

Уже в 1933 году, когда в журнале «Искусство» была напечатана программная статья Абрама Эфроса «Вчера, сегодня, завтра», не только подводящая художественные итоги пятнадцатилетнего становления и развития советского искусства, но и намечающая возможную его перспективу, она вызвала полемическую отповедь одного из застрельщиков кампании по борьбе с формализмом Осипа Бескина. Отмечая яркость критического дарования Эфроса, он упрекал его в «отстаивании права незаинтересованного эстетического суждения», которое, на взгляд оппонента, обращается «заинтересованностью, объективно не совпадающей с интересами Советской страны».

Обвинение по тем временам нешуточное. Современный критик, по мысли О. Бескина, должен быть «не только оценщиком, но и общественным руководителем». Отсюда вытекает «особая ответственность его суждений с точки зрения всей сложности классово-борьбы, в самых тонких её проявлениях и нюансах, какая имеет место на изофронте». В повышенном внимании Эфроса к живописному мастерству Бескину чудился призыв «к борьбе с идейным искусством». Он упрекал критика в том, что в его тексте «выпадает критерий современности», что тот выступает против «тематического насыщения картин» современными художниками.¹⁴

Статья эта, выдержанная в характерной стилистике эпохи, с наклеиванием обличительных ярлыков, политизированная и искусствоотводная по своей сути, ставила под вопрос само существование художественной критики как таковой: ей настойчиво рекомендовалось стать частью идеологического аппарата, вменялись функции пропаганды и надзора, а свобода и множественность субъективных критических оценок заменялись якобы объективным, предуказанным свыше единомыслием.

Но в ту пору далеко ещё было от разнузданного поношения наиболее талантливых критиков, которое началось в конце 1940-х с травли критиков театральных, а затем переросло в печально известную кампанию по борьбе с космополитизмом. Достаточно вспомнить беспардонно обличающие строки из редакционной статьи того же журнала «Искусство», где безоговорочно осуждались наиболее значительные критики старшего поколения: «Самые реакционные и махровые апологеты гнилой упадочной буржуазной культуры Эфрос и Пунин в своих бездарных упражнениях были не одиноки. Им вторили, с большей или меньше последовательностью, и некоторые другие искусствоведы и художники».¹⁵ И первым из «вторящих» был назван О. Бескин, который в своё время, будучи редактором этого

журнала, обличал проблемную статью того же А. Эфроса, правда, с видимостью хоть какой-то внятной аргументации.

Но и в середине 1930-х годов нередко звучали упрёки в разногласии критики, в теоретической неразберихе, призывы быть бдительными против неоправданных стилистических исканий, огульно именуемых формалистическими, бороться с отклонениями от партийных установок в искусствоведческой и собственно критической деятельности. Владимир Иванович Костин, тогда начинающий критик, вспоминал о «грубой вульгаризаторской критике», которой в 30–40-е годы подвергалось творчество художников, «составляющих цвет нашего искусства»: «Немногие полностью выдержали её нападки. Большинство художников под влиянием этой критики стали работать хуже, нередко теряя ценные индивидуальные свойства своей живописи».¹⁶

Очагом профессиональной критики в 1930-е годы оставался специализированный журнал «Литературный критик», рождённый в 1933 году и ликвидированный уже в 1940-м. Решением ЦК ВКПб упраздняясь и самостоятельная секция критики как «искусственно созданная»; критиков рассовали по секциям – поэзии, прозы, драматургии, т. е. творцы должны были учить критиков писать. Пример такой «науки» от творцов» привёл в своих «Записках баловня судьбы» театральный критик Александр Борщаговский, «этот подонок литературы, разбойник пера и бандит от критики...», как характеризовал его в январе 1949 года в официальной прессе «наставник» от драматургии, не слишком одарённый, но «олауреаченный» и многожды награждённый Анатолий Софронов.¹⁷

В середине 1970-х, просматривая журналы конца 1940-х годов, случайно наткнулся на грубые обвинения в адрес Костина и ряда других критиков, припахивающие политическим доносом, и написал ему об этом. По разным поводам Костина клевали не единожды. Он мог бы повторить за Виктором Шкловским: «Жизнь прожита против шерсти». Но ответ его, исполненный горечи, не лишён своеобразного перспективного оптимизма. И вместе с тем, многожды обруганный, Костин не случайно ставил вопрос о научном изучении истории художественной критики советской эпохи и подсказывал методы сбора сохранившихся неподцензурных материалов, дающих более богатое и объективное представление о реальном её бытии.

Он отчасти прояснил ситуацию: «Насчёт статей 1949 года, где меня чистили, могу только сказать, что подобное со мной было не раз. Если посмотреть журнал «За пролетарское искусство» за 1931 год, то там и почище было. Но интересное дело, если бы начать писать историю советской художественной критики, то оказалось бы, что я и близкие мне критики дрались за многих лучших советских художников в годы, когда их травили и били, за таких художников, как С. Герасимов, В. Фаворский, Сарьян, П. Кузнецов, Дейнека, Петров-Водкин, Пластов и других, о которых не было ни одной официальной статьи в 30-х, 40-х и даже в первой половине 50-х годов, чтобы их резко не критиковали. А мы за них по-настоящему стояли, и нам за это влетало больше, чем самим художникам. А теперь все они не только признанные, но даже классики и великие художники. Видать, надо

самим приняться за составление истории художественной критики, собрать документальный материал не только из опубликованных статей, но и выступлений, в которых резче высказывались нами и нашими противниками взгляды на этих художников».¹⁸

Значение творчества таких классиков советского искусства открылось лишь в 1960–1970-е годы, после обширных персональных выставок, нередко уже посмертных. И при этом не всегда вспоминали о тех, кто упорно пытался поддерживать их в пору отверженности и затянувшегося полузабвения. Кстати, в своём письме Костин не упомянул о том, что с середины 1930-х он надолго был отлучён от художественно-критической деятельности. А по возвращении к ней противостояние официозу стало для него нормой.

По инерции, хотя и в ослабленном виде, и в 1970-х ещё сохранялись многие постулаты времён идеологического террора. Костин питал симпатию к реалистам, осмысливающим реальность, а не просто иллюзорно её воспроизводящим. Общепринятое и всё ещё официально прославляемое «огосударственное» искусство 1930–1950-х годов многими уже перестало восприниматься как искусство вообще. А между тем какая-то мутация самого творческого сознания многих мастеров под влиянием обстоятельств затянувшейся тоталитарной эпохи оставалась действенной и на её излёте.

Костин всегда отличался широтой своего восприятия настоящего искусства, будучи последовательно непримиримым ко всякого рода приспособленческой его имитации и по праву считался отважным и благородным «рыцарем критики», всячески укреплявшим достоинство этой деятельности и высокую ответственность пишущих о художниках перед искусством. Он поддерживал молодые таланты в их стремлении к обновлению художественной культуры, к смелому стилистическому поиску.

Естественным было его обращение к богатейшему наследию художественного авангарда начала XX столетия. Особенно активным оно стало к началу 1960-х годов, когда открылся и был осмыслен обширный материал сохранившихся произведений художников этой эпохи. Подготовка в 1962 году выставки к тридцатилетию МОСХа, одним из вдохновителей которой он был, воскрешала искусство многих талантливых, но отвергаемых и полузабытых художников 1920–1940-х годов, носивших долгие годы клеймо формалистов.

К 75-летию В. И. Костина один из авторитетнейших критиков следующего уже поколения не случайно писал о нём: «Он убеждённый и самоотверженный рыцарь нашего искусства; всю свою многолетнюю деятельность он без остатка посвятил вдохновенным и яростным сражениям за развитие и расцвет лучших начал и качеств в произведениях советских художников». И ещё: «Ему чужды выжидательная осторожность, он с презрением относится к тактике беспринципного компромисса и пугливой оглядки на конъюнктуру».¹⁹

Костина всегда заботила этическая сторона любого критического высказывания. И это закономерно: «Ведь для критика профессионализм и этика нераздельны. Они интегрируются в нашем рабочем процессе», – подметил, осмысливая специфику этого жанра, один из луч-

ших его мастеров.²⁰ Не случайно сборник статей, посвящённых памяти В. И. Костина, вышедший в 2002 году, назывался «Наедине с совестью».

Часто вспоминают «комплекс вины» критики за осмеяние непризнанных современниками настоящих гениев. В какой-то мере такие упрёки справедливы. Но в нашем отечестве, особенно во второй половине минувшего столетия, советская критика чаще впадала в иной грех: в неумеренную восторженность при явной утрате чувства реального масштаба прославляемых ею художественных явлений.

Отчасти это предопределялось диктатом властей, навязывающих прессе установку на преимущественно восхваляющую трактовку происходящего в нашем искусстве. Не случайно замечено: «Восторг в XX веке вообще многим помогал приспособиться к тому, к чему без него приспособиться было невозможно».²¹ Речь не только о захлёбывающейся восторженности журналистов, рассуждающих об искусстве, но также и о рецензиях профессионалов.

В массе литературных рецензий за 1977 год обнаружилось лишь полпроцента негативных: лишь 3 из 591.²² В большинстве текстов довольно трудно отличить, о каком именно художнике идёт речь и кто её ведёт. Помехой этому и анонимная манера изложения, и водянистая описательность сюжетов, и стандартный набор эпитетов, и неумение выявить, что стремился своим произведением сказать художник и что им реально сказано, почувствовать и передать публике масштаб его дарования и уровень мастерства, угадать тенденции его творческого развития. Прогностическая роль критики в таких текстах была заметно ослаблена. Акцент делался на былых и нынешних достижениях прославляемых.

Нередко это диктовалось тогда избыточно завышенной самооценкой самих творцов, особенно из числа маститых и достаточно влиятельных, ставших, по существу, неприкасаемыми. «Художники в большинстве случаев жаждут, чтобы критика их обслуживала по высшему разряду с соответствующими парикмахерскими разговорами («не беспокоит»? «освежить»?)), – иронизировал молодой тогда и весьма задиристый рецензент.²³

А опытный литературный критик, хорошо помнящий более отдалённые времена, на заре перестройки и гласности опубликовал в сборнике статью «Разделяя свою точку зрения...», где с известной долей самоиронии довольно наглядно обрисовал ситуацию конформистского критика в тоталитарном социуме: «Какая разница между юмористом и сатириком? Юморист – это сатирик, который хорошо помнит, что у него семья. Можно сказать, что мы, критики, – люди глубоко семейные».

Рассуждая о предполагаемом трёхтомнике статей некоего критика, он говорит, что «тот писатель, кто у него в первом томе «реакционный», в третьем – уже «славный». Автор трёхтомника мог бы сказать в своё оправдание: это не я колебался, меня колебало (...) В общем, критик-литературовед высказывал свою точку зрения, но затем уже её никак не разделял. Он её откидывал – так оставляет ящерица хвост, убегая от преследователя».²⁴

Занятие искусством и художественной критикой были при тоталитарной власти иногда достаточно опасными. И не только Григорий Анисимов мог услышать злобное предупреждение партийного функционера хорошенько подумать если не о себе, то хотя бы о собственных детях. Эта совсем не шуточная «забота о детях» нередко искажала направленность критической прозы.

Отважный костинский девиз – «критиковать, а не уклоняться» – был далеко не всегда реализуем в печатном исполнении, ибо критики не обладали собственной постоянной трибуной. И вовсе не случайно сам автор девиза бывал, по многим воспоминаниям, гораздо ярче, интереснее и убедительнее в устных своих выступлениях, нежели в опубликованных.

Лавирующая обтекаемость критических текстов, приспособляющаяся к колебаниям общественной ситуации мгновенная переменчивость оценок приводят к потере морального и профессионального престижа критики. И не столь уж случайным кажется горестное восклицание Александра Минкина: «Критики! Ведь мы же пишем историю... Наши тихие речи в кулуарах и на десять шагов не слышны. А печатная ложь остаётся надолго».²⁵

Но если социальная опасность угодливого критического сервилизма не вызывает сомнений, то опосредованная зависимость честного критика, вынужденного оглядываться на возможные последствия обнародования своих идейно-эстетических оценок в условиях тоталитарного социума, не столь очевидна: «Художественная критика не должна иметь иных отрицательных последствий, кроме естественного огорчения, если, конечно, художник верит критику. Говорят, услышав неодобрение Стасова или Бенуа, художники сами снимали свои работы с выставки. Вот это, пожалуй, единственные «принятые меры», которых может пожелать критик как результат своего выступления», – справедливо полагала Марина Чегодаева.²⁶

Существуют и внутренние опасности ситуационных (часто вынужденных) реакций критики, когда обстоятельства диктуют совестливому автору защищать всех ищущих художников от их сановных гонителей-рутинёров. А сам он далеко не всегда убеждён, что это тот случай, когда формально-стилистический поиск задан содержательными исканиями и новое видение подкреплено усилением эмоциональной выразительности. Может оказаться, что творческие новации имеют самодовлеющий характер, и сиюминутное (модное) в произведениях слишком уж явно превалирует над подлинно современным.

Всегда ли легко отличить самобытное творческое дерзание ищущего таланта от эпатирующей дерзости имитаторов; разобраться, где подлинны новаторы, а где создатели надуманных новинок-однодневок, где заскоруждые рутинёры, а где верные хранители плодотворных традиций, те, кто продолжает и обновляет их? Всегда ли перспективно всякое новое? Так ли уж просто критику понять исторический смысл своей эпохи, объяснить сложнейшие метафорические опосредования жизненной реальности в искусстве?

Не зря говорят, что интерпретаторы «являются держателями акций понимания».²⁷ А потому стремление уяснить современные кри-

терии эстетической оценки во все времена помогало воспитанию критической дальновзоркости, выработке трезвых суждений, избегающих тотальной апологетики, протаскивания вполне заурядных художников в явно несомасштабный им ряд, извращения самого понятия художественной правды.

Верно замечено, что настоящему критику «предстоит перевести ещё не просохший холст из категории ремесла в ранг духовной культуры». ²⁸ Если, естественно, холст этого заслуживает. И, конечно же, если найдётся издание, готовое оперативно напечатать его статью. Даже в самый разгар перестройки авторы горько сетовали на отсутствие такой возможности: «Где они, наши органы гласности, в которых приемлют именно критику, а не её подобие, где она не протухает в ожидании? С критикой, как с овощами и фруктами: или сразу на стол, или в яму. В современных морозильно-очищающих редакционных камерах она теряет и питательные, и вкусовые качества». ²⁹

«Органы гласности», увы, достаточно жёстко контролировались и партийной номенклатурой, и руководством Союза художников вкуче с верхушкой Академии художеств. Наглядный пример тому приводит в одном из писем пронизательный художественный критик Лев Мочалов. В конце 1972 года он активно поддержал творческую группу одиннадцати талантливых ленинградских живописцев, пытающихся выйти за тесные рамки соцреализма. Его программный доклад на обсуждении их групповой выставки был решительно осуждён на страницах областной газеты.

«Инкриминировался – в основном – сугубый профессионализм, – вспоминал Мочалов. – Словом, я попал под колесо проработки. Мои рукописи в других издательствах стали отсылать на «чёрные рецензии». Собеседовали в Смольном – инструктор Обкома и Горкома. И в гостинице «Астория» за бутылочкой сухого – представители Академии и СХ СССР. Каталог, который готовился к выставке 1972 года, вышел лишь к экспозиции 1976-го. Из 11 в ней участвовало уже только 9 человек... Таков был фон».

И далее, размышляя о неустойчивом положении свободного критика, он продолжал: «Должно быть, вот из таких не вполне нормативных суждений и проистекает драма нашего срединного (а если откровеннее – изгойского!) положения в общем раскладе. Но, видимо, и оно предусмотрено в социуме, если он ещё тщится сохранить остатки ума. Поэтому мне столь близка Ваша формула «обречённого противостояния» (сопротивления). Право же, оно вовсе не бессмысленно (...) Наша миссия – не дать затухнуть огоньку, *передать* его. И в ней самой – её оправдание и самовознаграждение». ³⁰

Но и в пору, когда давление властей заметно ослабло, кончилась вызванная им искусственная асфиксия критики, активнее проявились опосредованные способы воздействия на критиков с целью их участия в «раскрутке» произведений и их авторов. На самом излёте перестройки, буквально накануне крушения тоталитарной системы, кинокритик Юрий Гладильщиков в статье «Дурацкая профессия» невесело раздумывал, «так ли уж независимы независимые критики»? И кто из них более независим – получающие зарплату в газетах или жур-

налах или ангажированные дружескими связями и подкармливаемые профессиональной средой, когда кроме газетного гонорара идёт ещё один – от продюсера? «Рецензия, кстати, может быть, вполне честной и более чем разгромной», – пишет он. И при этом добавляет: «Всё равно это косвенная реклама. И всё равно деньги, полученные от заказчика, связывают критика на будущее».³¹

Уважающий себя критик, конечно, волен отказаться от дополнительного гонорара. Но положение нередко усугубляется тем, что и само место его статьи на страницах соответствующего издания предварительно оплачено из тех же источников. Так Мочалов, полемизируя со мной, акцентировал на собственном примере явственно обозначившиеся новые угрозы свободе критического суждения: «Вы, конечно, догадываетесь, что за свою жизнь я немало нахлебался от адептов властей. И непродуктивность «руководства искусством» для меня очевидна. Безусловно, сотрудничество художника с властями, как Вы пишете, «чревато». Но и абсолютный «развод» едва ли возможен (...) Не говоря уже о том, что новая власть – монетаризма, – не лучше той, отошедшей в прошлое, она более всепроникающая и безапелляционна.

В прежние времена мою книжку о натюрморте не печатали по идеологическим соображениям: «Л. В. – как же это получается?! Всем известно, что рубеж XIX–XX веков – кризис и, стало быть, упадок искусства, а у Вас натюрморт расцветает! Расцвет... упадка»?.. Так, после многих рецензий и вернули рукопись (...) В 2000-е со мной заключило договор частное издательство (...) Сейчас всё готово, вплоть до суперобложки (...) Не издают. И ничего невозможно сделать! Апеллировать не к кому! (...) Хозяева, видимо, не уверены, будет ли это издание прибыльным в настоящее время. А почему, собственно, оно должно быть прибыльным в краткосрочной перспективе?! (...) Почему же вопросы «специального» (по Врубелю) дела опять решают неспециалисты?! И решают единообразно близоруко...»³²

Прошло около десяти лет, и превосходная его книга эта была наконец напечатана.

За последнее время в восприятии искусства произошли заметные перемены. Справедливо говорят, как об «усталости от традиционных форм искусства, которые обесценились в общественном сознании, так и о мотыльково-краткой жизни многообразнейших стилистических новаций, размахисто притязующих на всеобщее внимание, но не обладающих силой удерживать его. Существенно меняются основные задачи критики, а также статус и роль каждого конкретного критика.

Своё влияние оказывает и хаотически складывающийся в нашей стране художественный рынок. Претензии управлять прихотями арт-моды чаще всего остаются нереализованными, а обслуживать коммерческие притязания творцов – это далеко не каждому по нутру. Ибо настоящий критик – вовсе не помощник по сбыту художественной продукции, помогающий живописцу или скульптору преуспеть в этом, и не инструктор, нацеливающий его на неустойчивые предпочтения современного рынка.

Сегодняшняя ситуация в искусстве в чём-то пародийно напоминает эпоху раннего русского авангарда. Инновационные процессы, знаме-

нующие тогда противостояние омертвелой традиции, напоминают сейчас разухабистую победную пляску на остатках высокой профессиональной культуры, когда погоня за небывалой ещё новизной зачастую размывает критерий художественного качества. Разнузданный эпатажный стёб, не только не наказуемый, а скорее даже поощряемый, имитирует былую отвагу упорного противостояния. А пропиаренность и раскрученность многих затей нынешних «актуальщиков» не уступит, пожалуй, иным пресловутым «звёздам» шоу-бизнеса.

И, быть может, вполне своевременно звучат сейчас раздумья гениального поэта, сказанные им в пору, когда на излёте авангардного движения стали ощутимы не только его обновительный напор и созидательная энергия, но и заведомо уязвимые стороны: односторонность сугубо формального поиска, слабость настоящего коммуникативного начала при широковещательной рекламе своих принципов и достижений: «Современные течения вообразили, что искусство – как фонтан, тогда как оно – губка. Они решили, что искусство должно бить, тогда как оно должно всасывать и насыщаться. Они сочли, что оно может быть разложено на средства изобразительности, тогда как оно складывается из органов восприятия. Ему следует всегда быть в зрителях и глядеть всех чище, восприимчивей и верней, а в наши дни оно познало пудру, уборную и показывается с эстрады; как будто на свете есть два искусства, и одно из них, при наличии резерва, может позволить себе роскошь извращения, равную самоубийству».³³

Сегодняшнее изобразительное искусство вовсе не сводится к противостоянию традиционного академизма и стремительно утверждающегося актуального искусства (т. н. «акционкунства»). Существует немалое количество промежуточных стилистических явлений. Рухнула иерархия сюжетных мотивов, хлынул поток новых имён, отличающихся заметным индивидуально-стилевым разнообразием и напористо отстаивающих верность своего выбора. Наиболее ожесточённое противостояние (с хоронящими друг друга кличами), идущее между упорными традиционалистами – «рыцарями рутины», как именуют их оппоненты, и трубадурами новейших течений, осложняется заведомой предвзятостью критических суждений.

Появившаяся в последние десятилетия изменчивость самого понятия «изобразительное искусство» породила размытость определений жанровой природы произведений так называемого актуального искусства. А кризис критериев эстетической оценки, невнимание к духовной значимости и уровню художественного мастерства ведут к появлению новых понятийных клише, к росту терминологического снобизма в «дегустационной» критике, когда зачастую авторы статей озабочены не выявлением духовно-эстетической сути произведений и вовсе не будущим искусства, а только возможностью безоглядного самоутверждения. Такой крен к избыточному самовыражению критика симптоматичен: это свидетельство искажения коренных задач художественной критики в границах современного общественного дискурса.

Критик ведёт диалог не столько с художником, сколько с обществом. Он вправе пройти без особого ущерба мимо наисовременнейших творческих исканий, не отражающих глубинной мелодии эпохи.

Но если таковая услышана им, он должен найти способ донести её до общественного сознания: «Критика, направленная от художника к зрителю, имеет целью формирование или преобразование художественных ожиданий публики в связи с вновь возникающими произведениями, для понимания которых нет достаточной опоры в предшествующем опыте». ³⁴ Это было сказано в середине 1970-х и сохраняет свою неувядающую актуальность поныне, ибо лежит в самой природе методологии критики, её прирождённых задач.

Формирование иных художественных критериев для восприятия нового искусства всегда было и, думается, навсегда останется предназначением истинной художественной критики. Но критики обязаны сохранять трезвую ясность перспективных оценок не только поощряемого официозом искусства, но и открыто оппозиционного ему.

Представляется, что так называемый «второй авангард» 1950–1980-х годов не был органическим продолжением поисковой устремлённости подавленного первого. Он имел откровенно протестный характер и этим более всего был интересен публике. В условиях нынешней неестественности любых творческих экспериментов появилось множество имитаторов авангардных исканий, творящих бесчисленные вариации по мотивам исторических своих предшественников. Это и есть тот самый неопсевдоквазиавангард (в одно слово) рубежа 1980–1990-х годов. Эпоха постмодернизма породила необозримое разнообразие художественных направлений, но не выработала преобладающего стиля. На какое-то время атрофировалось чувство Пути.

«Перетаптывание на прошлом стало новацией постмодернизма», – утверждает в программной своей статье «В поисках третьего пути» Лев Мочалов и с горечью добавляет: «Невольно закрадывается крамольная мысль: что если крайности (доведённый до окостенения догматизм и вырвавшееся на простор беспредела своеволие) – близнецы-братья, пусть смертельно враждующие между собой? Но это плоды общей патологии, два рождённых нашей реальностью почти мифологических существа, монстра. Воюя, они нуждаются друг в друге, подпитываются друг другом. Каждый из них – негатив другого». ³⁵

А в одном из писем этот критик страстно обличает проповедь полнотью «отвязанной», беспредельной свободы искусства: «Уточняя свою позицию относительно имманентной логики искусства, замечу: оно (искусство) «несвободно», прежде всего, от самого себя. От своей памяти, собственного опыта. От собственных достижений и открытий, если угодно. Полагаю, едва ли настоящему художнику нужно демонстрировать свои права на свободу отвержения всех цеховых критериев и качественных ориентиров. И даже языковых параметров. Как-никак, любое «Слово», отделяющееся от художника, кому-то адресовано. И предполагает диалог». ³⁶

Мы живём в переходное время. Социально-политические иллюзии недавнего прошлого развеяны. Оглядка же на историческое «позапрошлое» не слишком-то плодотворна и чревата непредсказуемыми последствиями. Ориентация на современные социумы давно утвердившегося «тоталитарного монетаризма» не стала для многих из нас особенно заманчивой. Старый художественный опыт в эпоху постмо-

дернизма кажется изжитым – во всяком случае, нуждается в существенном обновлении и освежении. А иные художественные новации отдают надуманностью и изнашиваются столь стремительно, что их не успевают осмыслить и запомнить. Отсюда (и при напряжённо пульсирующей художественной жизни!) царит неодолимая скука.

Сейчас нередко говорят о ситуации постмодернизма – кто в позитивном, а кто в негативном ключе. Но, как верно заметил талантливый самарский литератор: «Постмодернизм – это не оценка, а самочувствие, адекватное современному миру».³⁷ По ощущению – своего рода исторический перекур, промежуток между эпохой, канувшей в Лету, и новой, пока ещё по-настоящему не выявившей свой облик и характер. В такие времена взыскательному и честному критику особенно трудно быть непреклонно уверенным в правоте собственных аналитических суждений, способных индуцировать переживания и размышления читателя, слушателя, зрителя.

Но уклониться от своей миссии настоящему критику не дано. В трактовке и оценке новых явлений он может опереться не только на своё обострённое чувство подлинности творческого высказывания, но и на знание исторического опыта развития искусства, ощущение художественной правды конкретного произведения вне всякой зависимости от его принадлежности к любому из стилистических направлений, на абсолютную непредвзятость своего эстетического суждения, его полную независимость от сторонней указки или давления привходящих обстоятельств.

«Критика должна быть сознательной борьбой за преобладание подлинного искусства».³⁸ Заключительная фраза из давней программной статьи о музыкальной критике за столетие не утратила своей актуальности. Акцент не случайно сделан на том, что борьба эта должна быть **сознательной**, т. е. свободной от модной вкусовщины, от мимолётных увлечений, от групповых предпочтений и отталкиваний, от изменчивой конъюнктуры. А критик должен ощущать свою огромную ответственность перед настоящим искусством, какое бы направление оно ни представляло, быть взвешенным в оценках и руководствоваться в своих высказываниях исключительно выработанным профессиональным чутьём и совестью.

¹ Рудницкий К. Человек из зрительного зала // Советская культура. 1982. 12 октября.

² Смелянский А. М. Оправдание профессии // К. Рудницкий. Театральные сюжеты. М. 1990.

³ Чекрыгин В. Н. – Пунину Н. Н. 29 декабря 1921 года // Пунин Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. М., 2000. С. 145.

⁴ Турчин С. Из истории западноевропейской художественной критики XVII–XIX веков. М., 1987. С. 3.

⁵ Троцкий Л. Литература и революция. М., 1923. С. 16.

⁶ Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932.

⁷ См. Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 179.

⁸ Авербах Л. Творческие пути пролетарской литературы // На литературном посту. 1927. № 10. С. 8.

⁹ Мацкин А. Портреты и наблюдения. М., 1973. С. 26.

- ¹⁰ Ю. Эрдман Н. 1932. Из коллекции Е.Г. Эткинды. См. Парад эпиграмм // Вопросы литературы. 1990. № 5. С. 27.
- ¹¹ Петров-Водкин К.С. Культурный вклад // Советское искусство. 1933. 20 мая.
- ¹² Куприн А. За форму против формализма // Советское искусство. 1933. 8 июня.
- ¹³ Тышлер А. О любви к картинам // Советское искусство. 1933. 20 мая.
- ¹⁴ И. Бескин. О незаинтересованности эстетического суждения // Искусство. 1933. № 6. С. 65–76.
- ¹⁵ Академия художеств СССР // Искусство. 1947. № 5. С. 4.
- ¹⁶ Костин В.И. Кто там шагает правой? // Панорама искусств-3. М., 1980.
- ¹⁷ Борщаговский А. Записки баловня судьбы. М., 1991.
- ¹⁸ Письмо Костина В.И. – Водоносу Е.И. 1975. 11 марта. См. Водонос Е. Владимир Иванович Костин. Письма // Искусство в современном мире. Вып. 4. М., 2011. С. 198.
- ¹⁹ Каменский А. Из племени рыцарей // Московский художник. 1980. 6 июня.
- ²⁰ Бернштейн Б. Декоративное искусство. 1988. № 3. С. 27
- ²¹ Коржавин Н. Гармония против безвременья (беседу вела Татьяна Бек) // Вопросы литературы. 1989. № 7. С. 175.
- ²² Новиков В. Поэтика рецензии // Литературное обозрение. 1978. № 7.
- ²³ Мейланд В. Обтекаемость // Московский художник. 1978. 11 июля.
- ²⁴ Паперный З. Разделяя свою точку зрения... // Взгляд. М., 1988. С. 454–455.
- ²⁵ Минкин А. Не быть? // Современная драматургия. М., 1987. № 2. С. 249.
- ²⁶ Чегодаева М. Что делать критику? // Московский художник. 1980. 6 июня.
- ²⁷ Гульченко В. Маски и лица // Театр. 1980. № 10. С. 129.
- ²⁸ Ю. Молок. Между словом и изображением. «Декоративное искусство». 1976. С. 31.
- ²⁹ Мейланд В. // См. Декоративное искусство. 1988. № 3. С. 26.
- ³⁰ Мочалов Л.Вс. – Водоносу Е.И. 2004. 12 сентября. (Критик вспоминал, что «Ленинградская правда» превратила его «в главный громоотвод номенклатурного раздражения»).
- ³¹ Гладильщиков.Ю. Дурацкая профессия // Литературная газета. 1991. 20 февраля.
- ³² Мочалов Л.Вс. – Водоносу Е.И. 2012. 14. декабря.
- ³³ Пастернак Б. Несколько положений // Сб. Современник. № 1. М., 1922. С. 5.
- ³⁴ Бернштейн Б. О методологии критики // Декоративное искусство. 1977. № 5. С. 2.
- ³⁵ Мочалов Л. В поисках третьего пути // Северная Аврора. 2010. № 12. С. 182, 183.
- ³⁶ Мочалов Л. Вс. – Водоносу Е.И. 1912. 14 декабря.
- ³⁷ Лейбград С. См. «Цирк Олимпия» (Самара). Вестник современного искусства. 1995. № 2. С. 4.
- ³⁸ Вольфинг. (Метнер Эмилий Карлович, философ, литератор, музыкальный критик) О музыкальной критике // Золотое руно. 1909. № 10. С. 46.

ЕВГЕНИЙ ЛЕВАШЕВ: «МУЗЫКА – САМЫЙ СИЛЬНЫЙ ОРНАМЕНТ»

Наш журнал по сложившейся традиции постоянно освещает ход Собиновских фестивалей. Нынешний фестиваль оправдал своё название – «Золотой век русской музыки». На нём звучали произведения исключительно русских композиторов и только на русском языке.

Являясь для саратовцев настоящими музыкальными праздниками, Собиновские фестивали дают возможность услышать не только редко исполняемые произведения (а иногда и их первое исполнение), не только насладиться встречей с известными столичными солистами, открыть новые таланты на Конкурсе конкурсов вокалистов, но и встретить в Саратове уникальных людей.

На открытии нынешнего фестиваля выступил доктор искусствоведения, профессор, главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Евгений Михайлович Левашев.

Наш корреспондент встретился с Евгением Михайловичем и побеседовал с ним о Собиновском фестивале, культурных проблемах современности, о жизненных ценностях и творческих перспективах.

– Евгений Михайлович! Нет ли у вас возражений против несколько неожиданного заголовка представленного материала?

– Ни в малейшей степени. Напротив, высокое мастерство интервьюирования – оно сродни искусству орнаментики. Очень доволен таким поворотом. Но, вероятно, мы начнём сейчас с главной из нынешних орнаментальных тем...

– **Что при открытии XXVII фестиваля на вас произвело наиболее сильное впечатление?**

– Самым главным для меня стало исполнение хорового сочинения Мусоргского «Поражение Сеннахериба». По-английски это называется «Деструкция Сеннахериба». То есть распад древней цивилизации. Но по-русски Мусоргский назвал это «поражением». Композитор очень хорошо знал исторические факты. Первая редакция имела название «Поражение Сеннахерима». Через букву «м». Так имя этого военачальника написано в Библии. А вторая редакция появилась тогда, когда в России стал известен перевод клинописных ассирийских табличек. В них было написание через «б». Мусоргский всегда чутко откликался даже на такие, казалось бы, специализированные историко-филологические детали.

Кстати, одна из моих регалий – главный научный редактор Полного академического собрания сочинений Мусоргского в 27 томах. И в силу этой моей деятельности знаю практически все рукописи Мусоргского. В этом году музыкальная общественность отмечает двойной юбилей: 175 лет со дня рождения Мусоргского и 170 лет со дня рождения Римского-Корсакова. Произведений Римского-Корсакова первоначально в программе Собиновского фестиваля было много, а Мусоргского – нет. И я предложил исполнить «Поражение Сеннахериба» именно во второй авторской редакции.

Интересно, что партитура второй редакции «Сеннахериба» не была инструментована самим композитором, если говорить точнее, то как бы «в четыре руки» её инструментовали Римский-Корсаков и Мусоргский. И это не очень у них получилось. Потому что каждый «тянул одеяло» на себя. Можно даже считать, что эта вещь не оркестрована и никогда оркестром не исполнялась. И тогда мы перебрали разные кандидатуры и остановились на Владимире Александровиче Кобекине. Я с ним довольно хорошо знаком.

– **В нашем театре имени Чернышевского шла очень удачная опера Кобекина – «Маргарита».**

– Да, это преимущественно оперный композитор. Поэтому он очень хороший драматург. А самое главное – он прекрасно чувствует разные стили оркестровки и умеет их великолепно преподнести в нужном для него стиле. К счастью, он согласился и оркестровал. И у него очень хорошо получилось.

Так как произведение («Поражение Сеннахериба») никогда не исполнялось, для меня очень важно было услышать его в Саратове на Собиновском фестивале.

– **Что бы вам хотелось покритиковать?**

– Я очень боялся, что Кочнев будет дирижировать так, как многие дирижируют первую редакцию. А тогда этот страшный марш превра-

щается в венгерский марш в стиле вербун кош в духе Листа – с приседаниями, с притоптываниями. Он является символом Венгрии. Но, к счастью, Юрий Леонидович не пошёл на поводу этой традиции. И я был этим в высшей степени доволен.

В «Поражении Сеннахериба» главный трагизм не в силе войска и не в быстроте продвижения, а в неотвратимости захвата Иерусалима. И ничего здесь сделать нельзя. Войско такое громадное, что Иерусалим, на который оно нападает, должен пасть. И Юрий Леонидович снизил темп, что абсолютно отвечало моим мечтам. И притом я сам ему об этом не говорил. Мы как два независимых музыканта пришли к одному и тому же решению. Роковая неотвратимость – вот что самое страшное. А не победа или поражение Сеннахериба.

И я это сразу понял, когда дирижировал Кочнев. Понял, что он снижает темп в сравнении с общепринятыми исполнениями в первой редакции. У меня нет здесь никаких замечаний, я всем очень доволен.

А что для меня было неожиданностью, то это «От мрака к свету» Александра Глазунова. Раньше относился к этому произведению как к «проходному», а здесь было так исполнено, что оказалось высокохудожественным. И в наши дни уже на задний план отодвигается приветствие восходящему на трон императору. Здесь ведущим становится лирическое начало и торжественно-лирическое в разных оттенках. Это замечательная инструментовка, прекрасная форма и, кроме того, великолепное исполнение и всех солистов, и хора. Когда что-то меня полностью устраивает, мне не хочется искать недостатки. Зачем?

«Апокалипсис» Анатолия Лядова был исполнен очень хорошо. Но это меня не потрясло, потому что я слышал аналогичные исполнения. А вот «Коронационная кантата» Глазунова, а также кантата «Из Гомера» Римского-Корсакова были исполнены великолепно. Как с точки зрения музыкальной, так и драматургической.

– Евгений Михайлович, какое место, на ваш взгляд, в музыкальной жизни России занимают наши Собиновские фестивали?

– Я скажу без всякого преувеличения, что этот фестиваль занимает выдающееся место не только в русской, но и в мировой музыкальной культуре. И здесь нет ни малейшего преувеличения. Мне пришлось бывать в разных странах: в Соединённых Штатах, пять раз в Италии, два раза (по два месяца) во Франции, два раза и подолгу в Испании – то есть, могу сравнить.

Что было на прошлом фестивале, я не знаю. Но уже такой высочайший уровень, как на этом фестивале, ясно говорит, что он был высок и на предыдущих. Я бывал не так часто, чтобы следить за каждым из 27 фестивалей. Но помню «Военный реквием» Бриттена. Это была не мировая премьера – он неоднократно исполнялся на Западе. Но для России это было, по существу, первое исполнение. Это была русская премьера.

Уровень Собиновских фестивалей безусловно мировой. На них звучат неизвестные для слушателей произведения. А «Коронационная кантата» исполнялась всего второй раз. При первом её исполнении (при коронации Николая II) она не вызвала особых восторгов. А здесь прозвучала очень сильно. Может быть, именно потому, что

на таком расстоянии фигура Николая II отодвигается на второй план. А на переднем плане находится сама музыка, которая замечательна. И совершенно ясно, как это принимала публика. Это сильное впечатление именно потому, что я не ожидал от заказной вещи такой высокой красоты. Моцарт очень часто писал по поводу каких-то торжеств музыке. Торжества забыты, а музыка звучит.

– **Евгений Михайлович, вы не первый раз в нашем городе. Что вам в нём нравится, а что нет?**

– Мне проще было бы сказать, что в Саратове (и не только в нём) испортилось по сравнению с прошлым. Это монополизация книжной торговли. Я люблю, когда приезжаю в другие города, покупать издания, в которых отражается местный колорит. В местных книжных магазинах можно было купить то, чего в Москве не было. А теперь, в какой бы книжный магазин я ни зашёл – в Москве, в Санкт-Петербурге, в Челябинске, в Красноярске, в Саратове – в продаже одни и те же издания.

– **К сожалению, большого Приволжского книжного издательства, которым по праву гордился Саратов, уже нет. А достаточно вспомнить только одно его издание – «Волшебный сундучок», который был в каждом доме. Я его до сих пор храню.**

– Да, у вас было много хороших, интересных книг, которые нельзя было купить в других городах. Понимаете, есть Родина большая, как Россия. И родина малая. Для меня малая родина – это Москва. Но я хочу ощущать как малую родину и те города, в которые я приезжаю. Сейчас всё уравнивается, а это для искусства, в том числе для изданий художественной литературы, очень плохо.

– **Как вы относитесь к старому советскому фильму «Мусоргский»? Я его очень люблю.**

– Отношусь резко отрицательно. В нём композитор показан очень схематично. Он только и делает, что изрекает глубокие истины (причём эти истины сами по себе хороши). Но за ними не показан живой человек с его чувствами, где-то, может быть, даже слабостями. Как только речь идёт о великих композиторах, создатели фильма полагают, что коль они великие, то должны быть великими во всём. Иначе чем цитатами из своих писем или заметок композиторы не говорят. Это вызывает ощущение искусственности.

– **В таком случае, как вы воспринимаете такой замечательный фильм, как «Чайковский» с Иннокентием Смоктуновским в главной роли?**

– И что касается Чайковского, этот фильм не считаю удачным, несмотря на громадный талант Смоктуновского. Как только говорят о каких-то гениях, сразу возникают трудности. Взять героя «Моцарта и Сальери». «Откупори шампанского бутылку иль перечти «Женитьбу» Фигаро». Это справедливо написал Пушкин. Гении иногда изрекали фразы очень неожиданные, а в кинофильмах, причём не только наших, но и зарубежных (о Листе, о Вагнере, о Моцарте), они не показаны живыми людьми. Понимаете, ведь нужно показать, почему человек был велик.

Моцарт был велик в творчестве. Но, несмотря на то, что он – Моцарт, он мог гневаться, мог шутить, а в жизни это был обычный человек, остроумный, разумеется. Но когда в фильме всё время показывают, что он гений, он гений, он гений... А если это не показывать, фильм теряет смысл.

Понимаете, это принципиальный парадокс. Авторы фильма не могут от него уйти.

Единственное исключение – пьеса немецкого писателя Пауля Барца «Возможная встреча». Бах хотел встретиться с Генделем. Но этого не случилось. И вот если бы они встретились, какой бы был у них разговор? Это показано в потрясающей пьесе! В ней – только два человека. Есть две телевизионные версии: спектакль МХАТа имени Чехова, в котором играют Олег Ефремов и Иннокентий Смоктуновский, и художественный фильм «Ужин в четыре руки», где в ролях Михаил Козаков и Евгений Стеблов.

– **В Саратове этот спектакль шёл в таком составе: саратовский актёр Александр Галко и Олег Табаков.**

– Гендель начинает хвастаться, а хвастовство ему было привычно: «Вы только подумайте, кто слушает вашу музыку? Только в церкви. А ко мне в театр практически каждый день приходят полторы-две тысячи зрителей. Вот сколько у меня слушателей!» А Бах ему отвечает: «А у меня только один слушатель – Господь Бог!» И вот когда на таком уровне ведётся разговор, создателям пьесы, актёрам нужен большой талант. А чтобы хорошо написать о гениях, нужно самому быть близким к ним, пускай в другой области. В области драматургической, например.

– **Если бы не композиторы «Могучей кучки» и Чайковский, то сейчас, в XXI веке, мы, живя в России, говоря на русском языке, вообще не слышали бы западных оперных произведений, в которых нам были бы понятны слова без табло синхронного перевода. Лично я разделяю мнение о том, что опера должна звучать на языке той публики, которая находится в зале. И у меня есть единомышленники. Так, подобного мнения придерживался ныне покойный дирижёр Большого театра Фуат Мансуров, мне доводилось с ним беседовать. А ваше мнение на сей счёт?**

– Опера должна звучать на языке той страны, где эта опера ставится. Такой же точки зрения неуклонно придерживался великий оперный режиссёр Борис Александрович Покровский. Если наши артисты ехали в Италию, они всё пели на итальянском. Если пели в России, итальянский переводился на русский. И так было со всеми постановками.

Но это изменилось в конце 90-х годов. Покровский мне говорил с сокрушением: «О чём я должен думать сейчас в первую очередь – это чтобы добыть деньги для нашего театра». Не потому, что он был корыстным человеком, а потому, что театр перестал бы существовать. Поменялась историческая ситуация. И далеко не к лучшему. И в результате камерный музыкальный театр Покровского стал даже в России исполнять итальянские произведения по-итальянски, а французские – по-французски. С синхронным переводом на малень-

ком экране. Но Покровский был этим очень недоволен, вернее, это была для него трагедия. Потому что люди должны понимать, о чём идёт речь. И не только благодаря изложению содержания в книжечках либретто, а в данный момент. Герой сказал что-то героине. Что он сказал? С какой интонацией? Даже если он якобы признаётся в любви – это ложь или это правда? Если это исполняется на ином языке, то становится непонятным, и в результате произведение с точки зрения художественности не воспринимается. Я не только согласен с вами, но и говорю, что Покровский почти всю жизнь (а он прожил очень долго, почти до 100 лет), всегда придерживался той же точки зрения: петь на языке публики. А если едут во Францию или в Италию – ну ладно, тогда переучиваются. Сейчас ситуация попроще, чтобы солистам не нужно было учить два раза. А что касается той точки зрения, что немецкую оперу надо исполнять только по-немецки, французскую – по-французски, – это позиция снобов.

Но если петь на языке публики, то возникает ещё проблема.

– Хорошего перевода?

– Да. Блестящего! Причём это должен быть перевод в русских стихах, но он не может быть адекватен оригиналу: но если он в одном отношении что-то теряет, то в другом должен что-то приобретать.

– Я с удовольствием вспоминаю те оперы, которые во времена моего детства и юности ещё исполнялись по-русски. Сейчас могут выручить только чудом сохранившиеся у меня в доме виниловые пластинки. И «Травиата», и «Кармен», и «Фигаро». Там были очень хорошие переводы.

– Вполне с вами согласен.

– Ещё несколько десятилетий назад западные учёные стали говорить о том, что по ряду признаков можно констатировать деградацию человечества по разным социологическим, физиологическим, психологическим признакам. Нет ли у вас ощущения, что современное искусство носит ярко выраженную печать этих процессов? Я имею в виду и привлечение любыми путями (отнюдь не самыми тонкими и эстетичными) внимания к опере, и тот отчаянный негатив, который сегодня моден в драматическом театре?

– К сожалению, не только русская цивилизация деградирует. Вся мировая цивилизация деградирует тоже. И тому есть несколько причин. Я могу эти причины перечислить.

Первая причина – это процесс формальной демократизации. Почему это плохо в данной ситуации? Потому что *demos* – это одно понимание народа. Как Мусоргский говорил: «Разумею народ как великую личность, одушевлённую великой идеей». Великую не с той точки зрения, что она замечательна, а как личность высшего порядка. Если народ виноват перед историей, то это должно быть отражено, и Мусоргский отражает это в своих операх.

Не всякий народ велик, если брать народ как обобщённое понятие. Почему? Потому что процесс демократизации приводит к весьма негативным последствиям. Я, разумеется, очень не люблю авторитарность, с крайним сомнением отношусь к монархии, к любой диктатуре. Но, во-первых, накануне наступления нового тысячелетия задава-

ли вопрос разным учёным и мыслителям: «Что вы ожидаете от следующего тысячелетия?» И кто как говорил. Кто говорил, что это будет изумительный прорыв в области науки, математики, биологии. Знаете Умберто Эко?

– Да, я помню, какое впечатление произвёл на нас, тогда школьников, выход на экраны фильма «Имя Розы», а позже мне довелось побывать в том самом швейцарском аббатстве, где он собирал материал для этой книги и где разворачиваются события в его повествовании.

– Умберто Эко сказал, что следующее тысячелетие – это время невиданной миграции. В результате турки, например, не хотят жить в Турции и переезжают в Германию – там лучше. Но, переехав в Германию, они пытаются ввести там турецкие обычаи. Алжирцы переезжают во Францию. Я видел там много негров. А к нам приезжают чеченцы, таджики, узбеки. Они едва по-русски говорят. Но проходит какое-то время, и они становятся полноправными гражданами России. При этом они не знают, кто такой Пушкин. Они не понимают слишком многих слов. Глубинных по смыслу. И так почти во всех странах.

– А кроме миграции?

– Есть ещё несколько причин. Вторая причина – фундаментализм в мировых религиях. Вот, например, гениальный церковный композитор Георгий Васильевич Свиридов. Его произведения, что, исполняются в церкви? Нет. Тенденции фундаментализма приводят к тому, что всё искусство становится сугубо прикладным для церковной службы. Она перестаёт передавать духовное. А тех людей, которые выходят за рамки обряда, их или отвергают (мол, у нас так не принято), либо для нас слишком сложно. Поэтому религия, да все религии, теперь не поддерживает искусство.

– Кого из современных композиторов вы бы поставили на первое место?

– Если вы имеете в виду наших современников... Сейчас, к сожалению, музыка разделилась на два резко противостоящих друг другу пласта. Один пласт – так называемые авангардисты. То есть сугубо современными музыкальными средствами они не обращаются к публике. Но их задача тоже достаточно почётна. Как существуют миры Роберта Шекли, так эти композиторы создают вероятностные миры в музыке. Их не интересует, будет ли это воспринято. Более того, не только будет ли это воспринято слушателями, но эта музыка вообще не апеллирует к человеческим эмоциям. Она создаёт именно варианты Космоса. Создаются новые атомы этого Космоса, элементы, и потом они комбинируются по-разному. Проще всего это определить словом «авангардизм», хотя это не совсем точно.

Другой пласт – то, что относится к кинофильмам и к музыке доступной. Это эпигонство, очень часто пошрое. А эпигоны не ищут новые средства для выражения каких-то важных новых идей. Наоборот, даже есть такая поговорка у них: «Чем пошлее, тем башлее». От слова башли – деньги. Чем больше напишу пошлого, тем больше денег заработаю. И практически нет смыкания между этими пластами. Это негативное явление.

Отвечая на вопрос о композиторе, я должен обратиться хотя бы к концу XX века. Это, несомненно, французский композитор Мессиаен. Автор очень большой духовной силы. И техника написания его замечательна, и идеи, которые он выражает. Он – истовый католик. Католицизм он понимает именно как духовную часть христианства. Поэтому это сильно. А вот тех сильных композиторов, которых я могу вспомнить из русских, уже нет – они не наши современники. А про Запад мы слишком мало знаем.

– **Чем можно объяснить упадок творчества в нашей стране?**

– Помните фразу Солженицына: «Жить не по лжи»? А сейчас слишком часто живут «по лжи». И не только отдельные люди, но и громадные группы населения. Если только это не всеохватывающе. У простых людей не хватает сил, чтобы непредвзято посмотреть на происходящее. И они примыкают к тем, кого больше.

Есть ещё одна причина. Я ведь преподаю и в высших учебных заведениях, и в средних. Иногда имею дело с «низшими» – с музыкальными школами. И я вижу вот что. Ученики 5–6–7-х классов не знают таблицы умножения. Посчитать можно на калькуляторе, на телефоне. Но ведь таблица умножения нужна не только для того, чтобы посчитать в уме. А сам процесс счёта в уме тренирует мозги, тогда он смазывает шестерёнки в мозгах, и тогда эти шестерёнки быстрее двигаются. И сразу дают понять, когда песчинка начинает щербить. А когда человек с самого начала не выработал этих мозговых упражнений хотя бы в таблице умножения, он не пойдёт дальше в умственном развитии. Даже в области искусства. Если я делаю музыкальное произведение, то у меня в голове – много разных вариантов. И я их соединяю – по одному, по-другому, по-третьему. Смотрю в партитуру и слышу музыку. Но это только если мозги умеют трудиться и если это перестаёт быть громадной нагрузкой.

– **Евгений Михайлович, сейчас учёные говорят о том, что современные цифровые технологии (компьютер, интернет) с быстрым доступом к информации вызывают изменение в мышлении человека, которое становится более поверхностным, не склонным к анализу, к длительным чтениям больших произведений с погружением в мир автора. Как вы считаете, не таит ли это в себе угрозу, что такой большой жанр, как опера, тоже вскоре станет недоступен молодому поколению, тяготеющему к клиповому мышлению, к клиповому восприятию информации?**

– Клиповое мышление – это мышление ассирийцев. Не древних евреев, а ассирийцев, которым скажешь одно слово – и они на него реагируют, идут в бой. Скажешь «отбой» – они отдыхают. Это тенденция, когда людей отучают самостоятельно думать. Начальникам пойдёт во вред – если люди будут самостоятельно думать. Но, понимаете, в чём дело: нельзя в руку трёхлетнего мальчика вложить заряженный пистолет – это приведёт к беде. Но это не значит, что пистолет надо вообще отменить. Он может быть защитой от грабителей. Это инструмент. Равно как и компьютер. Он может быть самоубийственен для человеческой души. И наоборот, он может помогать душе развиваться, избавляясь от статистических вычислений. Если я рань-

ше писал от руки, должен был 5–6 раз переписывать, перепечатывать на машинке. А сейчас могу всё это изменять в доли секунды. И я, работая с компьютером, успеваю делать вчетверо больше, чем раньше. Но не становлюсь рабом компьютера.

– **Учёные считают, что мышление с появлением компьютера стало более хаотичным. И то, что люди утратили способность к чтению книг, объясняется цифровыми технологиями. Может, и оперу потом не смогут дослушать до конца?**

– Почему опера перестаёт восприниматься современной аудиторией? На то есть много причин. Опера опирается на несколько китов. Один кит – это народная музыка, которой сейчас уже в чистом виде не существует. Другой кит – церковная музыка, которая в операх используется только для характеристических моментов, когда надо показать, что это – храм. А на самом деле система лейтмотивов возникла в восемнадцатом веке в итальянских мессах. Повторение тем. И там это направляло. А теперь это ограничивает. Нет церковной музыки, нет народной, нет – и это тоже большая беда – традиции семейного пения в России. Я был маленький, и мои дядя, тёти, родители собирались за столом и пели самые разные песни. Теперь этого нет. Таким образом, подрываются корни оперы.

– **Есть много людей, которые не воспринимают оперу как таковую. Не любят симфоническую музыку. Не любят поэзию. Не скрывают, что не любят читать книги. И они счастливы. И не чувствуют себя в чём-то ограниченными и обделёнными. Так ли уж необходимо человеку искусство, как это принято считать?**

– Эта точка зрения вполне могла бы быть справедливой, если считать, что главная цель человека – это жить счастливо. А на самом деле и христианство показывает совсем другое. Что, Христос жил счастливо? Он жил счастливо для будущих веков. А в своей жизни он много чего переживал. Претерпел. Поэтому тот, кто хочет заслужить своё счастье и на этом всё строит, он не сможет его получить. Потому что даже если он его и получит, у него изменится система критериев, и он всё равно будет считать, что он несчастлив.

– **А в чём же главное предназначение человека?**

– В самоотречении ради каких-то высоких идей, а не в самоутверждении с помощью каких-либо идей. Любой музыкант, композитор, исполнитель, дирижёр, если будет думать, что должен себя выразить, не сумеет этого сделать. Он должен отречься от себя ради произведения. И тогда его индивидуальные качества выйдут на передний план – в момент самоотречения.

– **Доказано, что рок негативно действует не только на коров, которые перестают доиться, на молекулы воды, в которых происходит деструкция, но и на психику человека. Как объяснить феномен популярности тяжёлой музыки? Среди моих друзей, людей светлых и добрых, чуждых агрессии, есть её поклонники. Для меня это парадокс. Как вы можете его объяснить?**

– Слово «рок» вы употребили не в античном значении... Я был в городе Безье во Франции. Однажды проснулся потому, что мне не давал спать тяжёлый рок. Поскольку заснуть уже никак не мог,

решил: пройдуся-ка я и посмотрю, что это такое. Это оказался фестиваль рок-музыки. И на нём в основном были панки разного возраста. От молодых до глубоких стариков. Я вышел из гостиницы, пошёл на звук. Шёл два километра. Хотя казалось, что гроыхает совсем рядом. Я пришёл к футбольному полю. В конце футбольного поля стояла акустическая установка величиной с трёхэтажный дом. Она занимала половину торца футбольного поля. Грохотало ужасающе. Всё футбольное поле было устлано соломой, и на ней лежали панки. Причём в начале поля не было почти никого. К середине начинались группы. А у самой акустической установки было просто столпотворение: все пытались разместиться как можно ближе к ней. Это деградация искусства в том смысле, что музыка напрямую пронзает человека до мозга костей. Панки в большинстве уже глуховаты, а иногда и совсем глухие. Поэтому им нужно, чтобы музыка передавалась через кости. Это тот крайний случай, когда музыка не действует на подсознание, она пронизывает всё тело человеческое. И нет ни одного органа, включая пальцы ног, рук, который бы музыка не пронзала. И это действует на психику и вызывает художественное ощущение. Но это наркотик. Потому что люди становятся глупее, возникают глухота и прочая деградация. Но, впрочем, панки – люди добродушные. Они не агрессивные.

– **Ваши родители были музыкантами?**

– Бабушка была оперной певицей. Тётушка моя была известным музыковедом. Мама работала в Ленинской библиотеке библиографом в области военного искусства эпохи Петра Первого. Отец хотел быть историком. Но тогда истинным историком стать было невозможно – нужно было писать то, что требуется. Поэтому он стал инженером-медиком. Создавал пульверизаторы, которые защищают шахтёров, добывающих не уголь, а цинк. Пульверизаторы защищали от цинковой пыли, чтобы не каменели лёгкие.

– **Ваши самые любимые песни или мелодии?**

– Я их знаю десятки тысяч, и все они гениальные.

– **Этот вопрос часто задают родителям дети. Над ним ломают головы мудрецы и философы всех времён. А как на этот вопрос ответите вы? Для чего на этой земле живёт человек? В чём смысл его существования?**

– Ответ на этот вопрос в христианстве сводится к «Символу веры». И там достаточно конкретно сказано: «Верую во единого Бога...»

– **«...Отца Вседержителя...»**

– Да, и так далее, далее... Если же я подойду с позиции современных мышлений и знаний, мой «символ веры» будет несколько иной. Я хочу себя так вести в своей жизни, чтобы хоть в чём-то приблизилась надежда, что существование жизни имеет какой-то смысл. Если буду лгать, я буду двигаться в сторону от этого. Тогда жизнь не будет иметь смысла. Разумеется, ничего нельзя говорить категорично. И не могу исключить, что при разговоре с безнадежно больным человеком я буду его поддерживать, хотя это будет идти вразрез с объективной картиной. Но в любом случае это будет правильно,

хотя это будет не вполне правдиво. Потому что я облегчу последние дни его жизни. И, может быть, он сможет их провести более духовно, чем если бы он точно знал, что через неделю умрёт.

Итак, мой «символ веры»: хочу так жить, чтобы кусочек надежды остался, что жизнь (не моя, а вообще – Жизнь!) имеет смысл. Дело в том, что если жизни нет, тогда и смысла нет. И тогда всё существование Вселенной – абсурд. Но пока жизнь существует только на Земле, что нам известно. Но это как знать. Христос ведь родился не в центре мира, а на окраине, в маленьком городке, в Иудее, в Вифлееме. Это потом стало восприниматься как символ, а тогда – маленький городок. Может, Жизнь нужно понимать шире, чем понимаем мы. Я говорю не о своей жизни, не о жизни человечества, а о Жизни вообще.

Со многими уважаемыми профессорами у меня были разногласия. Они полагали, что религия – это только то, что принято считать. Христианство – религия, буддизм – религия. А я считаю, что религия – это восстановление всеобщей связи.

– **Чем вы сейчас живёте и есть ли у Вас некое творческое хобби?**

– Я являюсь главным редактором Полного академического собрания сочинений Мусоргского. Оно уже начинало выходить, но потом директор издательства присвоил себе все деньги и эмигрировал в Западную Германию, где прекрасно живёт в огромной вилле. Сейчас удалось добиться возобновления издания. Но для меня издание собрания сочинений Мусоргского – не чисто издательский процесс. Это и процесс, связанный с исполнением опер, симфонических произведений.

У меня есть любимая тема – философия орнамента. Орнамент как искусство был осмыслен только во второй половине 19 века и считался искусством «украшательства». Но на самом деле это самое древнее из всех искусств и все искусства произошли из орнамента. Кольчуга – это орнамент. Рубашка, ткачество – само по себе орнамент. Музыка – тоже орнамент, самый сильный из всех орнаментов. Музыка, оставаясь орнаментальной, представляет собою ткань: в ней есть движение вертикальных голосов и горизонтальных мелодий. Я читаю лекции на эту тему, они пользуются успехом, а вот написать книгу на этот счёт времени и сил пока нет.

Беседовала Татьяна ЛИСИНА

САРАТОВСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

ТРЕВОЖНЫЕ ОТЗВУКИ БЫЛОГО

Вадим Земной. 1962 г.

Поэт Вадим Павлович Земной вместе с прозаиками В. Ф. Бабушкиным и В. А. Смирновым-Ульяновским стоял у истоков создания Саратовского отделения Союза советских писателей (1933), был делегатом I-го съезда писателей СССР (1934), активным членом редакционной коллегии и автором альманаха «Литературный Саратов». В 1936–1937 гг. занимал должность уполномоченного Союза писателей по Саратовской области.

В довоенные годы были опубликованы книги его стихов «Горячий дым» (1934), «Страна цветов» (1935), «Кумач и звезды» (1940). Не осталась незамеченной и его увлекательная повесть для детей «Орден Ленина» («Литературный Саратов», 1936, № 2).

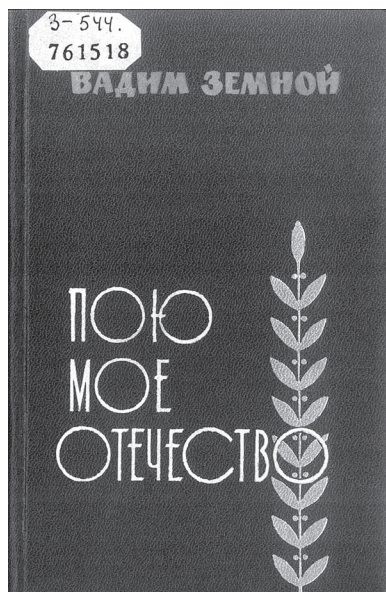
В 1934 году в Саратовском книжном издательстве вышел сборник стихов молодых саратовских поэтов «Товарищи». В. Земной, как старший по поэтическому цеху, объединил в сборнике и представил читателям В. Тимохина, Б. Озёрного, Н. Королькова, П. Слесарева, В. Волкова, А. Малышева, В. Черникова и др.

*Сегодня – не солнце, а туча густая
Клубится над картой военных дорог, –*

писал В. Земной в стихотворении «Цветы», опубликованном в сборнике «Товарищи». И вот уже и он сам, и его товарищи – на «военных дорогах».

На фронтах Великой Отечественной войны он сначала был лектором политотдела кавалерийского корпуса, затем специальным корреспондентом, писателем газеты «Слово бойца» 48-й армии Северо-Западного фронта. На фронте были написаны и опубликованы первые военные стихи. В книге «Дороги на Берлин» (Саратов, 1946) прослежива-

ется весь трудный боевой путь солдата-освободителя: «На марше», «Харьков», «Мы подходим к Днепру», «Минск», «Сон в госпитале», «Березень», «Родина», «День Победы». Под последним стихотворением сборника стоит помета: «*Действующая армия. 1941–1945 гг.*»

Вадим Земной награждён орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, многими медалями. Большая часть его стихов посвящена Советской армии, её доблестным воинам, со славой прошедшим по суровым дорогам войны. В поэтических книгах «Свидетели живые», «Самое заветное», «Пою моё Отечество», «С песней по жизни», которые выходили в Москве, Киеве, Симферополе в 1950–1970-е годы, священной стала тема: «Сердце солдата».

Именно так – «Сердцем солдата» – названа одна из лучших поэтических книг Вадима Земного, изданная в Москве в 1962 году, к 60-летию поэта.

*Пускай гудит живое слово,
В боях вошедшее в тетрадь, –
Тревожным отзвукам былого
Ещё не время замирать.*

*И пусть уходит книга эта
В забои, в роты – всё равно!
Везде найти друзей поэта –
Желанней счастья не дано.*

*Для вас, друзья-однополчане,
С любым попутным ветерком
Должно дойти стиха звучанье
От сердца к сердцу напрямиком.*

Всё творчество Вадима Земного, писал известный украинский поэт Микола Нагнибеда, «проникнуто глубоким патриотизмом. В широкой и отзывчивой душе поэта созрело и зазвучало песней виденное, пережитое им. А отсюда – искренность и простота его поэзии, посвящённой родному Отечеству, родным, хорошим советским людям».

Мог ли предположить В. Земной (после войны он переехал на постоянное место жительства в Симферополь), что землю, которую он освобождал и где он жил долгие годы, вновь всколыхнут тревожные отзвуки былого?

**Светлана Борисовна Дурнова,
член Союза журналистов России**

**Вадим
ЗЕМНОЙ**

ПО ДОРОГАМ СЛАВЫ

НА МАРШЕ

Слепящий дым, и пыль густая,
И зной, нависший тяжело,
Над нами плыли, нарастая,
Бойцам измученным назло.

Горело всё: цветы и клёны,
Былинки не было живой.
Вокруг кустарник запылённый
Шуршал обугленной листвой.

Направо глянешь – догорая,
Пшеница гибнет на корню;
Налево – нет конца и края
Просторам, отданным огню.

Земля, казалось, до предела
Была в огне накалена
И вся, иссохшая, гудела:
«Да будет проклята война!..»

ОРЛЫ ПОД ОРЛОМ

Враги бегут. Огнём рази их,
Орёл, познавший годы мглы!
К тебе спешат орлы России,
Советской гвардии орлы.

Твои просторы пел Тургенев,
На них сегодня, как весной,
Ока бушует, волны вспенив,
Ока поёт: «Живи, родной!»

Призывным гулом нарастая,
Ещё вдали, в тылу врага,
«Живи, Орёл!» – волна крутая
Шумит и бьётся в берега.

«Живи!» – рокочут над рекою
Раскаты с нашей стороны.
И тронуть хочется рукою
Барашки вспененной волны.

У наших ног волна дробится,
Что ночью пленницей была.
И мы спешим – пора пробиться
До ближних подступов Орла!

Со всей разгневанной России
К Орлу слетаются орлы.
Враги бегут... Огнём рази их,
Орёл, познавший годы мглы!

***

Запела гармонь на привале,
Улыбки и звёзды кругом...
Мы так по тебе тосковали,
Смоленск, полонённый врагом!

Штурмуя плацдармы и тропы,
И рощи, и мостик любой,
Мы знали: на карте Европы
Взовьётся флажок над тобой,

И люди, воспрянув душою,
Сойдутся, по чарке нальют
И выпьют за счастье большое –
За новый победный салют.

И вот она вспыхнула, эта
Зарница над сердцем земли...
Как много и песен и света
Смоленску бойцы принесли!

ПОЛЬКА-СМЕХ

*Младшему лейтенанту
Вениамину П-ву*

Речка. Нивы. Деревенька.
Всё не ты, родимый край...
Эх, сыграй, уралец Венька,
Польку-смех ещё сыграй!

Не подступится кручина
К нашей польке огневой,
Люди скажут: «Молодчина!
Прямо Глинка фронтовой!

Он пройдёт огни и кручи –
 Всю походную стезю...»
 Так согни меха покруче,
 Жарь-наяривай всюю!

Не жалея ладам накала,
 Соль-мажор давай на все,
 Чтобы конница скакала
 По Варшавскому шоссе!

Чтобы шла вперёд пехота
 И шутила б на ходу:
 «Ну, станцуй, кому охота,
 Я за барышню сойду!..»

Речка. Нивы. Деревенька.
 Отдохнуть бы, да нельзя.
 Продолжай, товарищ Венька,
 Полька-смех ещё не вся.

Веселей играть изволь-ка,
 До плеча рвани меха!..
 Хорошо смеётся полька,
 Полька-смех – ха-ха-ха-ха!

У ПЕРЕПРАВЫ

Реки в свете все переходимы.

А. В. Суворов

Земляки, солдаты, побратимы –
 На кремне испытанный народ!
 Реки в свете все переходимы,
 Значит, поднимайся и – вперёд!

Не удержит водная преграда
 Приносящих вёсны в октябре,
 Озарённых славой Сталинграда,
 Утвердивших волю на Днепре.

Так сияй на знамени, Победа!
 Наша сила – в зареве твоём.
 Песню, что в походах не допета,
 Скоро у рейхстага допоём.

Допоём – она слова находит,
 Грянет песня, только подтяни.
 Слава тем, кто воды переходит
 По дорогам славы сквозь огни!

ТИШИНА

Открой окно и посмотри
На белый сад, объятый сном,
На небо в отсветах зари,
На эти клёны под окном.

В любом листе почувешь ты
Покой, и отдых, и уют.
В такую пору все цветы
Земные соки жадно пьют.

Газоны с первою травой
Сейчас по-майски хороши,
Деревья влажною листвою
О чём-то шепчутся в тиши.

И, словно бабочки, легки
Во всей предутренней красе –
Иван-да-марьи лепестки
Играют радужно в росе.

Об этой светлой тишине,
Расшитой зорями навек,
Четыре года на войне
Мечтал упрямый человек.

И вот принёс конец войны
Цветов и почек аромат...
Во имя этой тишины
Держи в порядке автомат!

РОДИНЕ

В грохоте, в сиянии, в гуденье,
В голосах баяна, в шуме вод
Родины прекрасное виденье
С нами за кордонами живёт.

Васильков лазоревая горстка,
Косогор с берёзонькой родной,
Гул метро, гудки Магнитогорска –
Вся как есть Отчизна за спиной.

Загрустишь – и явится мгновенно
Русское, в черёмухе, крыльцо...
Будь же ты вовек благословенно,
Родины прекрасное лицо!

Вступительное слово и публикация
С. Б. Дурновой

**Андрей
РОМАНОВ
(1945–2014)**

ЛЮБОВЬ МОЯ, ПОБЕДНЫХ ДНЕЙ ПОДРУГА...

ВОСПОМИНАНИЕ ДЕТСТВА

Ты шла,
уверенно стуча
по гулкому перрону,
и солнце на твоих плечах
лежало как погоны.
Ты шла,
и за твоей спиной
ещё война гудела.
Ты шла –
и вслед тебе одной
полпоезда глядело.
Ты шла...
И в памяти моей
жив снимок тот мгновенный:
клубится след от костылей
в пыли послевоенной.

УТРО В ОЗЕРКАХ

Валентине Рыбаковой

Скорей открой в сентябрь оконце,
по лужам листья мчатся вскачь!
Ты посмотри: какое солнце
над «скукой загородных дач»!

-
- Андрей Владимирович Романов (1945–2014) – поэт, критик, публицист, издатель, основатель Всероссийской премии имени Бориса Корнилова. Творчество Андрея Романова, как и вся его яркая судьба, не укладывается в обычные рамки биографии. Десять лет назад он основал Санкт-Петербургский городской союз писателей. Поэзия Романова, начиная с 60-х годов XX века, прошла разные витки развития, но одной теме поэт хранил верность – образу Вечной Женственности и материнства. Через все книги А. Романова проходит тема Ленинграда-Петербурга, выстоявшего вопреки трагическим перипетиям.

Спустись-ка с улицы Озёрной
на склон, сбегаящий к волнам,
где кварца золотые зёрна
весна предназначала нам.

Присядь у ног сосновой рощи.
Она, скользнув из темноты,
корнями пробует на ощупь
стальное зеркало воды

и вспоминает о поэте,
чью человеческую грусть
она хранит почти столетье
и людям шепчет наизусть.

СВЯТАЯ ПАСХА

Вдоль канала, как чёрная лебедь,
ты скользишь из грядущего дня,
чтобы вновь возлюбить и взлелеять
и на миг образумить меня.

Но вода от мазута ослепла,
от песка задохнулся простор,
и, когда ты воскресла из пепла,
мы шагнули в Никольский собор.

Колокольной апрельскою Пасхой,
в торжество Воскресенья Христа,
ты к губам моим – с прежней опаской, –
не спросясь, приближаешь уста.

Этот завтрашний миг приближенья
ежечасно предвидеть пора,
чтоб черней, чем твоё отраженье,
не казалось нам наше вчера,

чтоб Литейным ознобом по коже
лихорадила светлая даль...
Послезавтра ты станешь моложе,
но счастливее будешь едва ль.

Пусть мы венчаны в вербном салюте,
а Спаситель и вправду воскрес,
мы не птицы, мы всё ещё люди:
нам положено падать с небес.

БЛАЖЕННЫ НИЩИЕ...

Грозовая туча окривела,
опрокинув синевы стакан
в том краю, где плачет каравелла
о любви, отплывшей в океан,

где волны печальная взрывчатка,
полыхнув, как иней на виске,
всё никак не смоем отпечатка
там, где ты стояла на песке.

С кем ты пьёшь
и чьим слезам не веришь,
вороша вчерашнюю вражду?
Спи спокойно! Вечность не измеришь.
Я тебя – один – во Храме жду:

молодую, с поступью нездешней,
с письмами, не ведавшими слёз,
с астрами, со звёздами, с черешней,
с вихрем апельсиновых волос.

Пусть в садах, где яблоки несметны,
наших внуков нянчат соловьи,
ты должна понять, что мы – бессмертны,
даже если сникли от любви!

А пока, Колумбо Кристо муча,
Эрнста Че вниманьем обойдя,
каравелла ходит словно туча,
с парусами, полными дождя.

***

Аистёнок, Дюймовочка, фея,
что ж ты вздумала нянчить внучат?
Ну-ка, в путь!
От восторга немея,
нас потомки сегодня промчат

сквозь века на волшебной машине,
не заботясь о Млечном пути,
по которому к звёздной вершине
никогда ты не сможешь дойти...

Скорость света ли,
снежная вьюга,
шлях чумацкий ли,
слёзы из глаз –
мы с тобой ненавидим друг друга
за любовь, разлучившую нас.

И покуда каурых и рыжих
хлещут пьяным кнутом ямщики,
ты не сможешь скатиться на лыжах
по небритому склону щеки.

***

Пришли мне факс, я, может быть, явлюсь
Июльским днём на встречном звездолёте...
Я столько лет к тебе не тороплюсь,
Вращаясь в галактическом полёте,

Что памятью обласкан, словно встарь,
Воскресну, приземлившись в чистом поле,
И ты меня проводишь на алтарь,
Где я из бронзы встрепелюсь на воле.

И вдоль Невы, где плачет синий лес,
Полночным встречным обнажая душу,
Тебя, имея прежний интерес,
Я отведу, родная, на Волкушу.

Там школьный вальс раскроет окоём,
И в пику историческим наукам
Мы наконец останемся вдвоём,
На зависть нашим правнукам и внукам.

...И поплывём по солнечной траве
В объятьях розовеющей малины,
Забыв про звёзды в проходном дворе,
Справляющие наши именины;

Забудем срок космических надежд
И вновь, бессмертным поклоняясь чувствам,
Слепое счастье свадебных одежд
Овеществим божественным искусством.

***

Рассвет над страной малинов...
И, смертью погибель поправ,
взошла ты на мост, на Калинов,
среди топей, туманов и трав.

Наш полк разгромил иноверца, –
родная, кольчугуними
и всё, что осталось от сердца,
на Вечную Славу смени.

Мы сгинем во прахе и тлене
и, церковь закрыв на засов, –
воскреснем в четвёртом колене
под бой барабанных часов,

на Стелке построим дружину,
чтоб стали пред Богом чисты
и те, кто сжимал дружину,
и те, кто сжигал мосты.

Любовь моя,
победных дней подруга...

**Андрей
МАКОВЕЙЧУК
(1971–2009)**

НА РОДНОМ ПЕРЕКРЁСТКЕ

ДОРОГА ДОМОЙ

Мокрым снегом и туманом плачет тёмное стекло.
Выезжаю на Шиханы непогодам всем назло.
Снег укрыл полей просторы, погрузил деревья в сон,
Только сердце в лад с мотором мирно бьётся в унисон.
Быть в пути в любую пору я давно уже привык.
С тяжким рёвом тянет в гору неуклюжий грузовик.
На борту мелькнёт подкова в свете задних фонарей,
Я от шума городского убегаю поскорей.
Убегаю, забываю, просто выброшу, как хлам,
Гул наполненных трамваев, блеск назойливых реклам.
В ночь, в пургу врываюсь смело, для меня решён вопрос:
Я хочу туда, где белый снег, как в сказке про мороз.
Где заветные поляны, лес кругом и вдаль и вширь,
И заснежены Шиханы, словно малая Сибирь.
Где, улыбкой тронув губы, я бы к дому повернул,
Там, где сосны в снежных шубах заступили в караул.

РОДНЫЕ МЕСТА

Вода чуть плещет. Скрип весла.
Над плёсом чайка пролетела..
Душа навеки здесь вросла.
Настанет день – вырастёт и тело.

Пусть даром я не наделён,
Чтоб знать, насколько день тот близко,
Но я хочу, чтоб русский клён
Шумел над скромным обелиском.

-
- Андрей Маковейчук родился в 1971 году. Окончил Саратовский государственный медицинский институт, военно-медицинский факультет, служил в армии в качестве военного врача, работал врачом-фтизиатром в ГУЗ «Вольский противотуберкулёзный диспансер». 26 октября 2009 года скоропостижно скончался. Сборник стихов А. Маковейчука «Провинциал» издан Литературным центром им. Ф.И. Панфёрова (г. Вольск) под редакцией Веки Панфёровой.

Чтоб грело солнце камень днём
И в кроне птицы щебетали,
Чтоб эпитафию на нём
Не на латинице читали.

А сколько жить, пусть Бог решит,
Собой остаться дал бы силы.
Меня могила не страшит,
Но не заморская могила!

ПРОВОДЫ

А. Самойлову

Всё идёт, вроде, в жизни привычным порядком,
Только ком в горле что-то стоит...
В сотый раз всё в машине проверю украдкой:
Мне особенный рейс предстоит.

Растянулась над трассою сеть дождевая,
Я машиной её разорву.
Двадцать пять километров, а там – узловая,
Друг опять уезжает в Москву.

Уезжают друзья, взяв лишь сумку с вещами,
Пряча думы за шторами век,
Чтоб приехать на время потом москвичами
Или просто исчезнуть навек.

На парковку влечу, хлопнут двери,
По одежде стекает вода.
Говорить не хочу – пусть не верит,
Что уедет сейчас навсегда.

Что же, брат, пусть тебе всё, что хочется, будет.
Постою, помолчу на горе...
И разгрузят «КамАЗ» незнакомые люди
В удивлённо притихшем дворе.

Где-то мчится по рельсам накатанным поезд,
Отражая в окне города.
И глотает, глотает друзей мегаполис,
И уже не вернёт никогда...

ОСЕНЬ

К югу тянутся птиц караваны,
Лёд на лужах как старый металл.
Неизвестный посёлок Шиханы
Так негаданно домом мне стал.

Низко клонятся сосны от ветра,
Опустели просторы полей.
Уезжаю мотать километры
На колёса своих «Жигулей».

Не впервой выезжать спозаранку,
И дорога опять далека.
Крепко стиснет тугую «баранку»
И опять разожмётся рука.

И придётся душе примириться,
Что под музыку ветра и шин
Я лечу, чтоб опять раствориться
В лабиринте домов и машин.

Втянет город меня, словно в бездну,
Ослепит свет его фонарей.
Но не бойтесь, я там не исчезну –
Я вернусь и как можно скорей!

Не шумите печально, берёзки,
Провожая меня от ворот.
Я вернусь! На родном перекрёстке
Вновь привычно войду в поворот...

**Фёдор
САМАРИН**

СТРОФОКАМИЛОВО ЯЙЦО

Выйдя на крыльцо, Павел Анатольевич оттянул подтяжки и выстрелил ими в голую, покрытую редким рыжим волосом грудь. Хорошо! За дальними кустами жасмина и неплодоносной облепихи занимался день. Травы были росисты. Сорока сидела на крыше бани и крутила головой. У соседа за забором храпел хряк.

По-над лесочком, который начинался сразу за сортиром и кустами жасмина, парило. Муравейник у берёзы ожил.

Впереди был завтрак: вчерашние блинцы с капусткою и яичком, краковская колбаска, маслице в фарфоровой маслёнке и помидорчики прямо вот с куста.

Павел Анатольевич вообразил, что на нём шёлковый, с тёплой подкладкою халат. Тронул он воображаемый ус и, обернувшись, громким шёпотом позвал:

– Степа-ан!

Тут откуда-нибудь должен бы выскочить Степан. В белой рубахе и босиком, а на вытянутых руках у него поднос, а на подносе рюмка с охровой «старкою», и в розеточке – грибочки. Маслята, допустим. Нет, лисички. Хорошо!

А потом, уж после завтрака-то, и на пруд. Сквозь рощицу дубовую. В белой льняной паре, панама на голове, в парусиновых туфлях.

Тропа протоптана усердно, подметена даже, белки ручные там и сям, скульптуры. Повернул налево, а за лещиной вдруг женщина с крепкими грудями воду льёт из греческого кувшина. Направо повернул – Геракл с дубиной. И вот эдак-то до самого пруда, и всё скамейки, скамейки...

А на пруду девки молодые невод тянут. И поют. Самито в платочках, а ноги голые, мясистые, молочные. «Здрав-

-
- Фёдор Юрьевич Самарин родился в 1957 г. в Казани. Прозаик, переводчик. Окончил историко-филологический факультет ПГПИ им. В.Г. Белинского. Работал в газетах, в областном краеведческом музее, на областном телевидении, в телерадиокомпании «Наш дом». Был главным редактором журнала «Мир», заведующим отделом в журнале «Северные просторы» (Москва), корреспондентом издательского дома «Коммерсантъ». Автор публикаций в российских и зарубежных СМИ. Член Союза журналистов РФ. Лауреат премии литературного журнала «Сура». Живёт в Пензе.

ствуйте, барин!» – «Бог в помощь, девоньки, чего работаем?» – «Налима тягаем, барин!» – «Налима? Налим – это хорошо...»

Скинет Павел Анатольевич парусиновые туфли и голыми пятками, штанины подвернув, по песочку, по бережочку – до купальни.

А с купальней рядом беседка. Плющом, допустим, увитая, и какими-нибудь радостными цветочками. Шпиль с петушком на крыше. А в беседке стол накрыт к чаю: шанежки всяческие, варенья видов пять – из вишни, черешни, облепихи, айвы, крыжовника. Блюдца тончайшие. Чашки (поднесёшь на свет – небо видно насквозь) цены немалой.

Самовар настоящий, позолоченный, на ножках гнутых, с носиком, с краником, а с краника капля уж свисает и радугой пыхает.

Взойдёт Павел Анатольевич в беседку, скинет верхнее, молодуха кресло из лозы плетённое ему под зад пододвинет. Но не денется никуда, а встанет скромно одесную, руки на понёву положив.

Павел Анатольевич слова не скажет, вида не подаст, пальцем не шевельнёт, а молодуха уж в стопочку на короткой ножке наливку цедит.

- Тебя как кличут-то, девица?
- Настасьей, барин.
- И кой тебе годик, Настасьюшка?
- Осьмнадцатый уж, барин.
- А поди ж ты сюда, дитя!

...В купальне Павел Анатольевич поплавает немножко, любуясь на окрестные берега. Мельница водяная, колесо с лопастями, мшистое, склизкое. Омут с кувшинками и лилиями. А на холмах – мельницы ветряные, избы, тёсом крытые, плетни, овины дымные, а на плетнях – горшки расписные. Скот крупнорогатый, тучный, на выпасе. Индюки да гуся. Да утки, такие жирные, что аж храпят. А петухи да куры – несть им числа. Свины, овцы, козы и прочее без счёту.

Вылезет Павел Анатольевич из купальни, а Настасья, рдея, ещё стопочку ему поднесёт, поклонится и, рдея же, вон пойдёт из беседки-то. Боками покачивая.

Тут Павел Анатольевич пообсохнет несколько, посидит, полотенцем обёрнутый, в креслах, чайку откушает, слушая птах. Девки налима уж словили да запели, гурьбой в гору пошли, подолы подоткнув:

*Там с кувшином за водой
Маша проходила,
Томный взор потупив свой,
Со мной говорила...*

Облачится Павел Анатольевич после чаю – да в село. А там, допустим, ярмарка.

Вот идёт он неспешно, а вокруг чего только нет! Караси златобоккие – возами, капуста – телегами, на лавах, в землю врытых, – перепела да рябчики, да бекасы всякие; на втором ряду – головы свиные, вепри тушами, ляжки кабаньи, копчёные окорока, а дальше – колбасы домашние, творог, масло в кадках, сыры со слезою и капуста хрустящая в бочках – с черносливом, с яблоками, с морковкой и укропчи-

ком. Подойдёт, пальцы в бочку запустит, космы капустные меж пальцев виснут, сок по запястью сочится; голову Павел Анатольевич вот эдак вот запрокинет – и в горло её, заразу...

Из церкви – батюшка навстречу, объятая распахнул, бородища ладаном пахнет, глаз у него праздничный:

– Позвольте вам откусать, отец наш, Павел Анатольевич!

– А что ж, отец Исидор, отчего бы и не откусать?!

Попадая хлопочет, столы в поповском саду в скатертях крахмальных, а по ним – тени голубые, пятнистые от слив и яблонь, которые будто шатёр.

Пчёлы жужжат. Кузнечики стрекочут. В судочках по всем столам – рыжики, и грузди, и волнушки: под смородиновым листом, под сметаной, с гвоздикой и с мятой, холодные, крепенькие, из погребка только что. Огурчики-пузанчики малосольные, крохотные, на один укус. Шука заливная. Сетки копчёные.

В центре стола – бутылки да штофы разноцветные и кувшины с медовухой поповской выделки. Примешь чрезмерно – считай, умом тронулся.

Горячее подают. Ушица тройная, стерляжья. А к ней – расстегаи с начинкою из того самого налима, да ещё со свежим яичком, да с лучком, а налимя печёнка так вот прямо и прёт из нутра-то из расстегайного.

– На липовых почках, отец наш Павел Анатольевич, уж больно свирепа. А мы её, Павел вы мой Анатольевич, со смирением... Вот заливного-то извольте... чтоб душа, как говорится, не истребилась из народа своего!

А после ухи, например, котлеты по-киевски или рябчики в клюквенном соусе, а может, и то, и другое.

И беседа степенная. Про социалистов, про турок, про то, что вот-де государь такому-то селению пять тысяч на больницу пожертвовал; про обезьян, из которых будто бы человек произошёл; про англичан: умные больно; и про Америку: правда ли, что там до сих пор живут дикие индейцы, волосатые и в перьях, язычники, наподобие тунгусов?

– ...И верите ли, батюшка, что наука-то говорит? А говорит она, что вскоре человек на извозчиках да на почтовых ездить перестанет, а всех лошадей магометанам сдадут на колбасу. И станем мы только лишь на дорогах железных перемещаться. Французы уже так-то вот и живут.

– От французов, Павел Анатольевич, ещё наплачется народ православный. Француз – он что? Он и есть, батюшка вы мой, француз. Да вот хоть Наполеона возьмите: ну, воевал бы себе с англичанами. Оно и нам полезно. Так ведь куда, прости меня, Царица Небесная, куда пойдёт-то? В европах-то хоть дороги римляне древние когда ещё камнем умостили, чтобы сообщение между различными частями государства было. А у нас, наоборот, – чтобы враг не прошёл. У нас в разнополье-то и к вам в гости не доберёшься, даром что пешим ходом десяти минут не будет. А почему пойдёт, Наполеон-то?

– Почему, отец Исидор?

– Революцию сделать. Чтобы вот ни князей церкви, ни благородных, ни купцов русских не было, ни храмов Божиих. Дороги, говори-

те, железные? Вот чтоб и были железные только дороги да паровые молоты, а вместо храмов – материализм, и погосты заменить крематориями. И социалистов французы изобрели. Социалист – он даже хуже Бонапарта! Опыты химические покажет и говорит: «Бога нет». А русский человек на соблазн-то ох падок! До сих пор в печку говорящую верит. А коли ему про паровой молот расписать?

– Что ж будет-то, батюшка?

– А то и будет, Павел Анатольевич.

Далее про посевы, про ярмарку, про цены и всё такое прочее. Но тревога осталась. Как же это: вместо погоста, где папенька с маменькой упокоены, и крематорий?..

...Домой, однако ж, шёл уже без всяких мыслей, уха была хороша, наливки – до сих пор в носу дух смородиновый, пироги пышны. О Настасье вспомнил вскользь, когда на Геракле, задумавшись, нарисовал две влажные загогулины..

А дома уж постель в саду постелена, в тенёчке, да, на всякий случай, кой-чего на столике под диким виноградом салфеткою прикрыто. Ополоснётся Павел Анатольевич под струёй из кувшина, бабу по крупу прихлопнет, кваску тыпнет – да и баю-бай.

А там и полдничать.

Ватрушки, допустим. Тёплые ещё. Сладкие. А не то киселю какого-нито, малинового, что ли?.. Так, слегка, потому что дело к вечеру, а там уж и ужин. Кашка гречневая с куриными пупочками либо яичница с домашней колбасою, такой, знаете, которая с чесночком и с травами: перчиком её чёрным, а то горчишкой, да прямо со сковороды..

Хотя нет. Вот нешто грудинки, да буженины, да сыру – и всё под пивко. И Настасью велеть позвать, чтоб песню грустную сыграла.

*Не слышно шуму городского,
За невской башней тишина,
И на штыке у часового
Горит полночная луна!..*

И тут они на два голоса:

*Не жди меня, отец, с невестой,
Снимай венчальное кольцо!..*

...Павел Анатольевич вздохнул, посмотрел на себя в зеркальце, которое висело прямо на двери: щетина, нос коротковат, лысина и похудеть бы. Пощупал грудь: нет подтяжек. Сунул ноги в резиновые бахилы и, рассекая влажные травы, двинулся к одинокой дощатой хатке.

Потом долго мыл руки, размышляя, отчего же в деревне у него так плохо с пищеварением. С одной стороны, свежий воздух. С другой, как зайдёшь в этот чулан – душа замирает. Ничего не охота, только б пошустрее выскочить оттуда.

Завтракали молча. Блинцы вчерашние и всё прочее плюс местный хлеб: с огромными дырами, вкусный, с толстенной коркой. Мух в беседке почему-то совсем не было.

Потом Люся молча же надела куртку с капюшоном, фланелевые штаны, кеды, взяла корзину, бросила в неё два ножа:

– Значит, не пойдёшь, Горшков? Ну-ну-коль. Картошки почисть. Зелени нарви. В обед шулёмку сделаем.

Это у неё теперь новое слово: «шулёмка». Местные так картошку с грибами и с луком называют. Шулёмка. И ещё – «ну-ну-коль». Люся, вообще, как в деревню на выходные – будто звереет. Будто не загсом заведует, а всю жизнь в дебрях: брови насупонит, в огороде задом кверху, платок как-то по-здешнему научилась заматывать: только нос видно да губы, а губы не красит. И штаны фланелевые. А сверху ещё чего-то цветастое – то ли в розах, то ли в помидорах – ситцевое. Страшно смотреть...

Хлопнула калитка.

И не обернулась. Тут так принято. Ни «здрасьте», ни «как дела», ни «до свидания».

Павел Анатольевич взошёл в сенцы.

По пути ещё раз глянул в зеркальце: нет, не то!

Сто лет назад тому они бы с Люсей сейчас по утрам друг другу говорили бы «вы».

«Добро ли почивали, Павел Анатольевич?» – «А вы добро ли, Людмила Борисовна? Не беспокоил ли я вас, приблизительно, каким-нибудь эдаким образом?» – «Ах, сударь вы мой, Павел Анатольевич! Мне ваши беспокойства весьма даже куртуазны. Однако ж нынче-то вот, при луне-то полной, глаз не сомкнувши, я уж на себя грешу: зря вчера к ужину молока кислого вам подать велела – оно после свинины-то нехорошо». – «А что ж, Людмила Борисовна, не благоволите ли уделить мне полчаса?» – «Ах, какой вы, право, Павел Анатольевич! И день-то, чай, постный. Ну, да уж Бог не выдаст: эй, Настасья! Вели сказать: барин с барыней с утра в городе!..»

Люся бы на плечах носила тонкую кружевную шаль, и причёска бы у неё была похожа на гриб шампиньон, а в ушах бы – серёжки изумрудные...

В сенцах возле большого окна стоял себе одноногий стол, старинный, который Павел Анатольевич как-то нашёл на помойке. Гулял по рощице дубовой, тут вот, сразу за последними домами (а у Павла Анатольевича дом самый крайний). Шёл себе, высматривая, не мелькнёт ли случайно мраморный бок какой-нибудь наяды или хотя бы подосиновик, а тут куча вдоль забора, за которым последний огород. А на куче – стол. Нога разлапистая. С тигриными когтями. Диск сверху, сразу видно, благородного происхождения: мерцает янтарно. И ящичек выдвигной, с бронзовой ручкой в виде еловой шишечки.

Вот в этом-то ящичке, куда Люся иногда салфетки деликатные прятала, была у Павла Анатольевича тетрадь.

Люся однажды раскрыла:

– «Чёрная курица»... Это тебе зачем?

– Ну, видишь ли, Люсенька, раньше на всякого гостя был свой стол, свои, понимаешь ли, рецепты. Интересно же, что, понимаешь, ели, что пили...

– «Пасхальные яйца»... «Белый квас»... «Велуте»...

Ничего больше не сказала, не посмотрела на него даже, как обыкновенно смотрит: как доктор на убогого, – а шлёпнула тетрадкой об стол – да и к плите.

Когда стол вот этот в избу внёс, тоже не сказала ничего, но – посмотрела.

Последние лет пять взгляд этот у неё образовался. Нет, оно, конечно, понятно: городской загс не шутка. Государственное дело, губернатор письмо благодарственное вручил в драматическом театре – по телевизору показывали. Как гости в доме, так непременно члены законодательного собрания, ректор, начальник ТЭЦ, все с жёнами, а жёны тоже будь здоров – кандидаты наук. Любит она их на дачу приглашать. Как домишко тут прикупили, так и начались приёмы. То большие, то малые. Потому – перед людьми не стыдно.

Ни гвоздя сущего не было у Павла Анатольевича в загородной недвижимости. Как и на что получился у них этот дом, Павел Анатольевич не то чтобы не знал, а и знать не хотел. Привезли его сюда, будто кота, пять лет назад. В комнаты впустили. Походил он, поинтересовался комнатами, мебелью и баней, прижился и с тех пор так вот и передвигается: бесшумно. Не любила Люся, когда Павел Анатольевич под руку подворачивался.

Дома, в городе, – другое дело. Там от Люси пахло духами «Дольче Габбана», на зеркальном журнальном столике всегда лежали горкою золотые и серебряные вещицы, перстни, браслеты да цепочки с серьгами. Там она подолгу беседовала с товарками по телефону; по субботам пекла пирожки с мясом, читала под торшером книжки в мягких переплётках и ходила по комнатам (по трём) в мягком домашнем брючном костюме. А ещё раз в неделю посещала курсы английского языка...

...Ну-с, что там, однако? Чего накапало-то? Павел Анатольевич потёр ладони, насадил очки на переносицу, аккуратно поставил перед собой пепельницу, чашку с чаем, справа положил ручку, слева – зажигалку. Чашка должна стоять всегда чуть дальше пепельницы.

Не то чтобы Павел Анатольевич вёл какой-нибудь дневник или что. Сочинять – да упаси Господь. Павел Анатольевич человек серьёзный, потому что в промвентиляции. На нём – склады. Коллектив. Над ним – начальство. Не теперешнее – из сынков да дочек чиновных, и не из рэкетиоров, а то ещё, настоящее. Генеральный директор – почётный гражданин, и орден имеет: не балуй – бывший первый секретарь!..

Интерес был в составлении всяческих рецептов.

Иногда какой-нибудь салат даже снился: бывает так, что приснится чего-то из курицы, до мельчайших подробностей, и вкус чувствуешь, и запах обоняешь, и цвет его, и смысл – вот прямо перед тобой. А проснёшься – и будто смыло. В общих чертах помнишь: было во сне что-то гениальное, а восстановить нет возможности.

Однажды рецепт даже в стихах привиделся, и даже нотами записанный. Так обидно...

Но собственные вещи выходили как-то коряво. Перечитаешь – тьфу, так и лезут всякие: «данный соус» и «функционирует»; на вкус-то ещё ничего, а на бумаге тихий ужас – устав гарнизонной службы. Курица лапой. Поэтому до полёта собственной фантазии Павел Анатольевич любил напиться высоким стилем, искусством выражаться гастрономически изящно и как бы не только о еде, но и о жизни. И даже как бы и не только о жизни, но и о чём-то ещё очень важном, что даже важнее жизни, по крайней мере, той, которую хорошо знал Павел Анатольевич. И которую почти уж и прожил.

– «Ощипать добрую горсть эстрагону, две горсти кервелю, бедренцу и полгорсти зелёных цибулек...»

Павел Анатольевич поёрзал на стуле и продолжил. Вслух. До этого обойдя все комнаты и выйдя на крыльцо: закрыта ли калитка в воротах на щеколду.

– «...Тогда приготовить большой котелок красной меди, не лужёный, какие обыкновенно употребляются кондитерами...» Вот ведь, не столько-то этого самого эстрагону, а «добрую горсть»...

Павел Анатольевич поднёс к лицу кулак, разжал, пошевелил пальцами: пожалуй, на добрую горсть потянет:

– ...Из красной меди... У нас, господа, из красной меди вообще никто ничего не видел, а вы: «...какие обыкновенно употребляются...»! В краеведческом музее разве... «То есть делайте то, что на поварском жаргоне называется бланшированием, способствуя зелени сохранить тот ярко-зелёный цвет, который так пленяет глаз и возбуждает аппетит, вовсе не будучи результатом медного пятака!» Вот ведь как он это, сволочь: «...который пленяет глаз...»!

Павел Анатольевич откинулся на спинку старого, гэдээровского ещё стула, обдумывая «вовсе не будучи», и представил себе себя в огромной кухне с камином и печью, среди длинных столов и всевозможных запасов. Над головой, например, гирлянды красного перца и чеснока, по стенам – всяческие травы душистыми венками. На крюках, в полумраке, – копчённые разным способом туши и дичь; на полках – медная посуда мерцает, половники, ковши, плоски, склянки с маслами и укусами, специям несть числа.

Сам он, допустим, всё в халате же, но уже в сорочке со стоячим воротником и при галстук; ноги обуты в дорогие штиблеты, тёплые, с загнутыми носами. Вокруг него – челядь. Опрятно одетая, обученная, подстриженная, с внимательным видом.

А Павел Анатольевич, держа в перстах лорнет, поигрывает им и излагает, прохаживаясь:

– Вовсе не будучи результатом медного пятака, то есть ужасного яду, как хотят рассказывать об этой ярко-зелёной окраске иные знатоки, ничего о предмете сем не разумеющие!

Особенный восторг у Павла Анатольевича вызывал переписанный им и тщательно законспектированный рецепт «Энергического соуса».

Дома, редкими ночами, чтобы не возбуждать подозрений, и только когда Люся отходила ко сну, пожелав «доброй ночи» (спали раздельно), пробирался Павел Анатольевич в прихожую. Там, в реликтовом буфете с мутными стёклами, доверху набитом пустыми трёх-

литровыми банками, пакетиками с какими-то порошками, ёмкостями с крупами, сушёным горохом, лавровым листом, среди заплесневелых сухарей и банок из-под кофе, заполненных чёрт-те знает чем, хранился у Павла Анатольевича древний документ. Без обложки, без начала и без конца. Остов потерпевшего крушение судна. Шрифт крупный, благородный, буквы упрямые, и ход мысли несоразмерный: «...И ещё весьма порядочный напиток для прислуги, лучший, конечно, вкусом и более здоровый, чем та грязно-кислая водица, которую лавочники имеют наглость называть...» – далее утрачено.

А нашёл, когда в новый деревенский дом привезли его в самый первый раз: в бане и нашёл. В растопку, должно, хозяева прежние пустить хотели.

Там же и икону обнаружил – на бочке. Вместо крышки. Женщина в золотом, с младенцем, только младенец у неё не на руках, а на груди в круг вписан, ликом грозен. Икону Люся в загс к себе унесла: теперь, говорит, благословлять молодых модно, потому что это духовно.

А документ Павел Анатольевич ей даже не показал. Утаил. Зачем – и сам сказать себе не мог. Он и Люсе врал иногда, непонятно для чего: соврёт по пустячному делу – и вроде как полегчало...

В пижаме, громко зевнув в коридоре для отвода глаз, Люся после «доброй ночи» как раз свою книжку уже в постелях читала (ночник горел румяно), бесшумно вытащил Павел Анатольевич дурно пахнувший документ из баула дачного, да с первых же строк как будто Родиной повеяло.

– «Пять фунтов свежего, протёртого сквозь сито творогу, десять сырых яиц, один фунт самого свежего несолёного масла, два фунта свежайшей же сметаны. Сложить всё в кастрюльку, поставить на плиту, мешая постоянно деревянной лопаточкой, чтобы отнюдь не пригорело. А как только творог дойдёт до кипения, то есть покажется хоть бы один пузырёк, то тотчас же снять с огня, да поставить на лёд, да и мешать, пока не остынет совершенно. Тогда же положить от одного до двух фунтов сахару, толчённого с одной палочкой ванили; толчёного, очищенного, сладкого миндаля половину стакану да полстакана же в придачу ещё корянки и размешать всё хорошенько. А по прошествии несколько праздного времени сложить в пасочницу, выложенную салфеткою, и уместить под пресс» («Пасха Царская»).

Только белых пятен чересчур: фунт, к примеру, – это сколько? А золотник? А гарнец – это что: предмет или обстоятельство?..

И до сих пор многого не понимал Павел Анатольевич. Выяснил окольными путями только, что фунт – это 400 граммов. Но ведь дело не в том, чтобы понимать, а... как бы это сказать-то...

Тут Павел Анатольевич вообразил себе раду: смотришь – и красиво. И всё тут. И не надо ничего понимать. Или, например, любовь: непонятно, из чего она берётся, любовь? Это на работе надо много чего понимать. А любовь, как говорится, нечаянно нагрянет...

Почему, например, когда перечитывал он рецепт «Энергического соуса», то на душе восторг невыразимый, будто бы Люся снова в десятом классе, глазищи во всё лицо, карие, с невероятными ресницами, сарафан школьный под горлышко и ноги как дубочки? Взгля-

нет – в паху от страха сводит, и так хорошо, будто наши чехам гол забили за три секунды до конца матча.

– «Изрубите мелко-мелко десять шарлоток...» – Павел Анатольевич оглядел строгим взором сенцы, откашлялся, возвысил голос: – Вам говорю, слышишь, Степан! Настасья! Тёмный вы народ, неотёсанный. Вот вольную дам – и в Петербург. Тебе, Настасья, флигель отпишу. А потом, может, вообще разведусь... «...Вымойте их и выложите в салфетку. После же...» Вот оно, пошло дело!.. «После же сего положите их в кастрюлю, вливши туда стакан уксусу и положив пучок чеснока, листок лавровый, присовокупив стакана два самого накрепчайшего говяжьего бульону...» Да. Присовокупив!.. «...Всю консистенцию распустите вместе да поставьте вариться, не отлучаясь, однако ж, ни на минуту...» Не отлучаясь, однако ж!.. «А когда же вся эта смесь дойдёт до степени и выражения густого сиропа...» Дойдёт до степени выражения!.. «...положите немедленно с орешек величиною масла сливочного с примесью на кончике острого ножа...» А ещё, может быть, корицу хорошо... «...на кончике острого ножа маленького количества самого крепкого аглицкого красного перцу в ложке доброго прованского масла...» Прованс – это на юге, Тартарен оттуда, а если несколько вбок – там и д'Артаньян.. И вот, вот оно самое: «Соус сей подаётся к холодной живности, оставшейся к завтраку или к ужину от обеда»!

Павел Анатольевич живо представил себе холодную живность, и получилось у него глубокое пространное блюдо, плотно исполненное всевозможными копчёностями, ломтями и шматами холодного мяса. Дичина, птица всякая, то да сё, да ещё вот это...

Впрочем, к дичине-то не столько «Энергический соус» подойдёт, а «Велуте». Хотя «Энергический» прописан несравненно. Такой слог!

«Велуте» ж был, как бы это выразиться-то, явно после «Энергического» написан, как бы в подражание. Это чувствовалось. Новизны, понимаете ли, не было уж той. Свежести, что ли. Читать – читается, хорошо читается, но – не то. Однако Павел Анатольевич взялся и за «Велуте», а именно потому, что этим соусом в тот самый раз Люся об стол-то и шлёпнула.

Невежество. Дикость. Разницу человек не чувствует между шедевром и крышкой от унитаза. Нарисуй ей на этой крышке вазу с сиренью...

А между тем, по мнению главного бывшего придворного метрдотеля господина Эдмона Эмбера, «в деле поваренном только два главных соуса, составляющих основу всего».

Павел Анатольевич поправил очки так, как будто это было пенсне, привстал над столом, облокотившись на него одной рукою. Он в Государственной Думе. В президиуме – Пётр Аркадьевич Столыпин, «левые» хамят, на дворе – смутно.

– «При помощи же оных соусов, в количестве единственно лишь двух...» – двух, господа! – «...приготавливаются все остальные, прочие малые соусы». Малые, господа! И каким же образом? Извольте: посредством различнейших в них прибавок и всего лишь некоторых – я подчёркиваю, господа: некоторых! – весьма, впрочем, незначитель-

ных и осторожных изменений. Да-с. Именно незначительных и весьма осторожных. И специально для господ социалистов я приведу эти соусы, чтобы не было повода упрекать нас в стремлении задушить гражданские права и известные свободы. Итак, в переводе на великоросский язык эти соусы суть «Велуте», то есть бархатный, и «Эспаньоль», сиречь испанский. Не более того, господа, но и не менее!

Павел Анатольевич обвёл взглядом сенцы:

– Прошу внимания, господа, прошу внимания... Итак. С чего ж начинать, как говорится, что делать? Что делать, господа? Хороший вопрос! Отвечу на него пространной цитатой, надеюсь, вы меня за это извините.

Павел Анатольевич ещё раз обвёл взглядом сенцы, откашлялся, вновь поправил воображаемое пенсне и заложил большой палец под мышку:

– «Для белого соуса «Велуте» надобно взять четыре фунту телятины без костей, непременно от задней части, да курицу и ещё полфунту тамбовского окорока без жира...» Да, тамбовского, иди свищи. А раньше с синими нумерами на боку, со слезой, полоснёт тебе морда граммов эдак триста да в бумажку – шмяк!.. Гм!.. «Всё это изрезать жеребейками...» Жеребейками!.. «Затем взять полфунта свежего, только что изготовленного сливочного масла и изрубить мелко-намелко две луковицы, две моркови, да ещё две корзиночки шампиньонов...» Корзиночки... «И всё это сложить в кастрюлю, которую поставить на огонь. И лопаткою взбалтывать и размешивать эту смесь, дабы всё это приняло на себя некоторый светло-жёлтый цвет...» Некоторый, господа, всего лишь некоторый!.. «Тогда же прибавить ко всему этому четверть фунта наилучшей пшеничной муки, которая, уж конечно, имеется у всякой русской хозяйки...» Да уж, имеется она... «И после этих действий поставить на несколько минут на плиту, помешивая и взбалтывая беспрестанно...» Надо как-нибудь вернуть при случае вот это вот «беспрестанно». «...и влить туда немного чистого белого телячьего бульону».

Тут Павел Анатольевич как бы сошёл с кафедры вниз и принялся расхаживать по сенцам, избегая задеть сидевших депутатов, многие из которых посматривали на него неодобрительно:

– «Как только закипит...» – вы слышите, господа, как только закипит! – «...как только закипит, но отнюдь не ранее, снять с огня!» Снять, господа, не ранее, но немедленно. «И поставить кастрюлю на самый край плиты. И только тут соус ваш должен тихонечко кипеть. Наблюдать, чтобы соус ваш не был бы чересчур густ...» Вот в чём зерно истинности, господа: наблюдать, чтобы не был бы чересчур густ, только-то и всего! Где ж вы заметили тут стремление упразднить? «...ибо тогда он не будет излишне жирен». Ну, и затем уж, господа, только потом следуют технические решения: «Положить крошечку свежей петрушки с одним лавровым листком». И, наконец, финал, господа, внимание! «Когда же телятина окажется вполне и достаточно сварена, пропустить этот соус через сито...» И правильно, господа, потому что зерна от, так сказать, плевел... «...и сложить в особую посудину для употребления по мере надобности».

По мере надобности, господа! Не вдруг, не абы как, не шапками закидать, а вот именно: по мере надобности!

Павел Анатольевич окинул горящим взором сенцы. Справа овации, крики: «Да здравствует Учредительное собрание!»; слева – возгласы: «Долой!»; Пётр Аркадьевич привстал, аплодирует...

Павел Анатольевич зашагал возбуждённо по сенцам, то есть по пространству перед кафедрой, опустив вниз голову и как бы примериваясь продолжить речь. Остановился. Хотел, было, сунуть руку в карман тщательно отглаженных брюк, с тем, чтобы обнажилась золотая цепочка на серебристом жилете, но вспомнил, что без брюк. Заложил тогда руку за спину. А в другую – документ и потряс им в воздухе, озирая при этом вдруг притихшие ряды. Оглянулся на портрет государя – репродукция какого-то Мурильо из журнала «Огонёк»: баба в платке и с корзиной, а в корзине плоды – и, указывая на него, дрогнул голосом:

– Квасные патриоты, говорите вы нам? Да что вы знаете про квас петербургский, по методе метрдротеля господина Радецкого? Годы упорнейшего труда, столетия опыта, истоки истоков. Впрочем, вам это не знакомо. Вам нужны великие потрясения. Но квас этот, господа депутаты, был некогда приготавливаем здесь, господа, в Санкт-Петербурге, в Английском клубе, и доставляем к Высочайшему Двору. Это по всей справедливости великолепный, усовершенствованный русский квас. Квас квасов. Альфа, так сказать, и омега. Покойный император Николай Павлович, как всем известно, постоянно имел этот квас за собственным столом! И вот, господа: «Мне отмщение, и аз воздам!..»

Тут Павел Анатольевич помолчал, сделал несколько шагов туда-сюда, как бы собираясь с мыслями. В зале – гробовая тишина.

– Обратимся, так сказать, к первоисточнику, господа. При этом обращаю внимание ваше, что наши пращурь, господа, всегда имели в виду не только вкус и крепость, но и, в первую голову, – пропорции. Пропорции, господа! Ибо всего должно быть в меру. Поэтому не надо мне тут про китайский опыт. Итак, пропорция на дюжину бутылок... «Взять две трети фунта ржаного солоду, два фунта муки обдирной ржаной...» Обдирной – это как?.. Н-да... «...полтора фунту солода ячного...» Ячменного, что ли? «...да полстакану сахарного песка...» Ну, тут понятно... А! «Стакан муки гречневой!» Так... «Полстакана изюма, полстакана муки-крупчатки...» Крупчатки?.. «...рюмку дрожжей...» Хм, рюмку... «...двенадцать бутылок с пробками и немного мяты. Сложить солод в квасную кадку, размешать веслом...» Веслом в кадushке, ёшкин же ты кот! «...и, вливши тёплой воды, снова размешать и заварить кипящей водой...» В кадushке, что ли?.. «...И заварить кипящей водой так, чтобы тесто было умеренной густоты...» Густоты, но умеренной... «Покрыть сие холстом и оставить так более часу». Холст – это в художественном фонде... «...более часу. Потом размешать веслом... веслом, чтобы не было комков. Ежели же густо, то развести немного водою и выложить в небольшие чугунные горшки, налить не очень полно сверх теста холодной воды и поставить в горячую печку на десять часов, а потом вынуть чугуны...»

Павел Анатольевич подумал, что теперь-то, пожалуй, никаких чугунных горшков уж и в природе-то не существует. И печку где взять? И эти, как их... ухватить?..

– Между тем приготовить!.. Что приготовить-то? «Заквас из пол-стакана муки наилучшей пшеничной и одной столовой ложки гречневой, добавить несколько дрожжей, развести суслон, поставить в тёплое место на шесть часов». Долгое дело, господа. Долгое и требующее тщания. А вы, господа, желаете сразу в будущее!.. «Взять особо...» Особо взять! «...в обширную кастрюлю полбутылки сусла». Да. Иногда, господа, приходится-таки брать и особо. А как вы думали, если ракеты в Польше? «Поставить на огонь, когда вскипит, опустить изюм и, прокипятивши, снять тотчас с огня, всыпать сахару, положить мяты...» На глаз, видимо... «...положить мяты и покрыть крышечкой; когда ж сахар распустится, процедить разведённый в кадке квас, размешать и, когда вполне остынет до теплоты парного молока...»

Дойдя до этого места, Павел Анатольевич почувствовал, как к горлу подкатил плотный колючий шарик, защипало в носу. Сено, самый настоящий целый стог, увидел он вблизи совсем недавно, а каково оно на ощупь? Печки не видел никогда: была в доме, но совсем не такая, как в детских книжках – с трубой и чёрной пастью, на которой Емеля, – а просто тумба до потолка; ручку повернул – вот тебе и газ. И про парное молоко только слышал, хотя коровы какие-то по деревне бродили, но Люся даже пастеризованное молоко из обихода истребила: «В нашем возрасте это яд!..»

Показалось, будто жизнь украли, а вместо настоящей подсунули поддельную.

– Да, господа, я плачу! И несколько не стыжусь этого, господа, потому что... Минуточку!..

Павел Анатольевич выбежал на крыльцо и шумно высморкался. Вернувшись, продолжил, непокорно вскинув голову:

– Нет, не яд, господа! Не яд, судя по всему. И даже, если суждено мне погибнуть... Хотя, нет, это уж как бы, того... Гм! Ну, что там у нас? «...до теплоты парного молока». Ну, допустим. «Размешать поднявшийся заквас из теста, разбить венчиком». Вот что такое венчик? «И развести. Процедить также в кадку, наблюдая внимательно, чтобы на сите не осталось теста». Мы и должны наблюдать, господа... Сито – это я знаю... «Тогда же покрыть и оставить в некоем тёплом месте...» В некоем! «...до тех пор, пока квас не почнёт закисать. А когда же квас в кадке покроется белою пеною, цедить его сквозь сито в посудину, а уж из посуды разливать в бутылки, но не очень полно, и закупоривать пробками». Ну и правильно, не дай Бог, взорвутся... Неполно! «Когда все исключительно бутылки будут вполне налиты, оставить их в тёплом месте до восьми часов, дать квасу закиснуть как должно...» А! Вот ведь они-то там знали, как оно должно-то. Мол, чего тут и объяснять. «Как должно» – и всё тут. «Но не заквасить, однако ж, излишне, избегая того случая, что разорвёт бутылки...» Вот, вот о чём надо думать, господа! А вы мне игрушку придумали: общественное мнение. «...И, понаблюдавши, потом вынести их на ледник, а употреблять уж на другой день».

Павел Анатольевич увидел перед собой огромный ледник, каким его показывали в передаче про Анды в Южной Америке. По нему брели грустные навьюченные ламы и индейцы в пончо и длинных вязаных шапочках. А следом за ними, утопая в снегу, пробирались обмороженные испанцы в кирасах и шлемах, чтобы найти Эльдорадо...

Где-нибудь, после снегов, холода и лишений, после смерти обязательно должно находиться Эльдорадо. А если и не доберётся до него никто и все погибнут, всё равно останется большая, как небо, и красивая, как мама, легенда. Потому что зачем человеку быть, если отобрать у него Эльдорадо?

– Да, – вскинул голову Павел Анатольевич, – это бесчеловечно, господа. Вы вот говорите, что этого нет в природе вообще. То есть и быть не может. А дело в том, что просто... Просто мы пока не знаем, что не может. Не знаем, господа. Если вы, к примеру, не знаете, что на свете есть я, это же не означает, господа, что меня нет? А я – вот он, я есть. Так же точно и с Богом. Или, к примеру, вот обжаренное мороженое. С точки зрения фактической такого не бывает: мороженое – и жареное! Но ведь и вас всех, господа, тоже для кого-нибудь не существует, а скоро уже и не будет на самом деле. Но, господа, вы только послушайте. Умоляю! Почему для вас всегда мнение такого человека, как я, например, есть всегда заведомая чушь и глупость? Почему всё, за что бы я ни взялся, вы осмеиваете, и даже говорить со мной не можете иначе, как с глупым маленьким мальчиком? Потому что я не вырос и не стал таким, как вы? Потому что у Арзамасцевых и Сухоруковых есть машины, и недвижимое, и гаражи, а на меня ничего не записано? Отчего я смешон вам? Мне много лет... За что вы не уважаете меня? За то, что я читаю книжки, которые не положено читать в моём возрасте? Не умею носить костюмы? И поэтому меня не берут туда, где вы бываете, вот, к примеру, давеча на концерт Ларисы Долиной? И вообще, от меня как от козла молока? Ну ладно. Ну пусть. Пусть! Да, я то самое и есть. Ничтожный человек, муж жены, ни на что никогда не способный, только пылесосить и мыть посуду. Знаете, как в садике меня дразнили? Жиртрест. А в школе – Горшок. Думаете, я совсем не понимаю, что Люся красивая и молодая ещё женщина, и... пусть! Но я не мешаю ей жить, я вам не мешаю, господа. Почему же я должен прятаться?.. У меня нет таланта, господа, это тоже правда... Но у меня есть увлечение, господа. Кому оно может повредить? Кому? Ей? Вам? И разве есть хоть что-нибудь предосудительное, глупое или противоправное в том, что когда-то на свете на самом деле было жареное мороженое? Вы его пробовали? Нет? Так чем же оно вам претит? И, господа, почему вы его так ненавидите? Ведь вы же хозяева жизни, почему же вы его боитесь и не желаете о нём ничего слышать, а только истребить? Я знаю, почему: потому что оно жареное, а жареного мороженого не может быть никогда...

Павел Анатольевич окинул притихшие ряды невидящим взглядом: по щекам струились слёзы, предметы были мутны, подбородок не слушался:

– Но истина дороже, господа! Нас когда-нибудь встретят радостно у входа, и тогда мы посмотрим, господа. Молчите, господа? Даже

в молчании вашем я слышу презрение невежд. Вот такие, как вы, поднесли Сократу чашу с цикутой. Нет, милостивые государи, не в силе Бог, но в правде. Пушкин – наше всё. Поэтому я договарю, господа, я выдержу, я вынесу презрение молчаливого большинства. Вот вам: «Приготовить мороженое сливочное, выложить на блюдо и поставить блюдо на лёд с солью...» С солью... «Покрыть мороженое мерингою...» Мерингою?.. Так... «...мерингою в не более как два пальца толщиной...» А, мерингою, значит, а она, в свою-то очередь, «мерингою... приготовленной из шести взбитых желтков наисвежайших яиц, четверти фунта сахару и немного ванили». Смешать, что ли, а потом растереть?.. «Сгладить ножом, провести кругом горячим, даже и раскалённым утюгом. Разумеется, весьма осторожно и отнюдь не дотрагиваясь до собственно меринги... Когда ж эта последняя обжарится сверху, что будет вам заметно, подавать к столу». Только-то и всего, господа! В чём же вы усмотрели угрозы вашим устоям, общественному мнению, социальным институциям и идеологии, господа? В слове «меринга» или в том, что надо гладить раскалённым утюгом? Или всё дело в том, что это именно я, я, невнятный и злокачественный, поднял мерингу из небытия?..

Павел Анатольевич отёр глаза, ещё выше вскинул голову – показалось даже, что встряхнулись непокорные власы, – тронул кадык, где должен был бы быть узел галстука:

– И наконец, господа, я заканчиваю, хотя есть, в общем, были в мире том, который до основания, пирожки Розенгарда с фаршем, кулебяка купеческая из говядины с фазаном и с грибами, расстегаи во фритюре с мозгами, блины по-голландски с печёнкою, суп-пюре из шампиньонов и ершей, булки Радецкого, пирожные с кофейным бешамелем и пуаврадный соус! Масло наисвежайшее! Руины, господа, руины и мерзость запустения. Но и в руинах, господа, подобно развалинам греческих храмов и статуй, есть своя особенная прелесть, господа. Есть чувство сладкого сожаления, горькой, но вместе доброй улыбки, как при встрече с бывшей любовью... Верите ли, господа, Люся теперь совсем не похожа на ту, которой она была тридцать лет тому назад... Я заканчиваю, господа. Итак, «Строфокамилово яйцо»!

Павел Анатольевич поднял вверх обе руки, пережидая возмущённый шум и даже свист слева:

– Это не я, господа, не я желаю убедить вас в философии и пользе строфокамилова яйца, в сравнении его с народной шулёмкою! Об этой методе ещё в 1844 году читал лекцию доктор Пуф, курс которого так и назывался: «О кухне»... И яйцо, и шулёмка – и то, и другое имеют право на существование, более того, на сосуществование. Пусть же только одно не уничтожает другого, а то, другое, не презирает первого, и наоборот. Всем, как говорится, найдётся место под солнцем. Это же так просто. Ей-Богу, господа... «Возьмите два пузыря от животных...» Каких животных?.. Ну, скажем, баранов, что ли... «...Один большой, другой поменьше...» Значит, бараний и, например, телячий... а можно, видимо, и от козы. Так «...чтобы они были совершенно чисты и не имели бы смрадного запаха...» Гм, смрадного... «Разбейте дюжину свежих утиных яиц, выпустивши желток от белка отдельно; желть же положите в маленький пузырь да завя-

жите его и деньте в кипяток. Когда же желток окрепнет, то и снимите с него этот пузырь!» Представляю, однако... «Потом вылейте белок в большой пузырь и опустите туда прежде сваренный желток. Большой из пузырей завяжите и в таком-то виде варите его в воде, прежде настоящей на серебряных ложках...» А если «Аква-минерале»? «...пока он не сварится вкрутую. Во время этой последней варки полезно будет оборачивать пузырь то завязкою вверх, а то завязкою вниз, чтоб желток пришёлся как раз в самой середине...» Золотое сечение, Витрувианский человек... был такой геометр: Витрувий... «Когда окончательно сварится, снимите большой пузырь, и вы получите огромное яйцо, подобное яйцу птицы Рух, которое положить на плоское блюдо да разрезать на четыре части, а кругом ещё обложить всяческой зеленью». Шедевр, господа... И вот это место, в самом конце: «Такое блюдо весьма пышно и ярко выглядит на столе, в особенности ежели нечаянно сказать гостям, что куры ваши несутся яйцами подобного размеру!»

Депутаты зашелестели, зашуршали чем-то, прыснул смешок. Да что уж депутаты... Даже дети, подумал Павел Анатольевич, даже собственные дети – по взгляду заметно – давно с ним как с постаревшим карапузом. Перекатывается лысина в шортах по участку, по комнатам, существует. Вроде морской свинки. Скажешь что-нибудь, а Ирка на тебя уставится: глянь-ка, оно ещё и разговаривает! Ирка замужем уже второй год, ни единого дня в жизни не проработала, ну, палец о палец; кое-как из музыкального училища выпустили, бездарь (коньяку с кофе перетаскал туда Павел Анатольевич немерено) – и замуж. А муж аудитор. При каких-то важных делах. Павел Анатольевич его теперь называет Игорем Сергеевичем. А как же ещё: коттедж о два этажа, квартира в центре, «форд-фокус», часы «Пьер Карден»...

С Люсей здороваются – руку ей целует. А ему издалека: «Здравствуйте, Паланатольич!»

Ирка лет с пятнадцати папой не называет. Так как-то обходится. Вводными словами. А в «горке», за хрустальным штофом с коньяком, в старинной позолоченной чашке, – прошлое: первый молочный зубочек и прядь рыженьких волос...

Павел Анатольевич вдруг почувствовал, будто бы тело стало мягким и непослушным. Присел. Потрогал лоб: потный. В сенцах потемнело, буквы пошли в одну линию; глянул за шторку – на клумбе с флоксами золота нет: это сколько ж времени-то?

Босиком – бахилы с ног слетели – на крыльцо: над концом вытянутого под откос участка, в оконцах между шапкою дикого леса высачивался апельсиновый сок. Тени от сосен – омуты, а в омутах – кикиморы и красна девица в платке и фланелевых штанах...

«Джингл беллз, джингл беллз!» Павел Анатольевич метнулся в комнаты. Мобильный валялся на подушке.

Споткнулся, чуть было не влетел в торшер:

– А? Люсенька, ты?

– Спал?

– Нет! Я тут, видишь ли...

– Зелени нарвал, лук-картошку почистил?
– Да, – храбро соврал Павел Анатольевич.
– Буду часа через два-три, может, позже. Меня не жди, ешь сам.
– А что случилось?
– К Парамоновым вот заехали, а это сам знаешь...
– Да, да, конечно...
– Что «конечно»?
– Да, собственно, и ничего. А грибы?
– Что «грибы»? Я у кого, тебе объяснять? В общем, ешь сам. И за молоком к бабе Тане сходи. Деньги у меня в сумке, в кармашке там. Ну всё.

О происхождении и роли Парамоновых Павел Анатольевич был много наслышан. Но ни разу в жизни не видел.

Парамоновы представлялись ему чем-то вроде огромного живого мозга, который придумывает миры и судьбы. Сидит себе в дремучей чаще, за высоким тыном, во храмине каменной, в стеклянной ванне плавает – и мыслит. Как чайный гриб на подоконнике. И ничего в этом мире произойти не может, как не от Парамоновых. А кто ими не создан, того как бы и не существует вовсе. Передумает чайный гриб – и реки потекут вспять, и небо свернётся, как лист папируса, и семь худых коров пожрут семь тучных.

Поначалу Павел Анатольевич обрадовался. Не ходить строго проложенными курсами, не пересекать курсы встречные, не спрашивать: «Люсенька, а можно мне бутербродик?»

С другой стороны, там, у Парамоновых, лампы, поди, фонари китайские по-над бассейном. Пальмы в таких кадушках, в которых квас квасят. Один стол в закусках, другой – в заморских коньяках да винах, в оранжерее, допустим, где орхидеи и попугаи говорящие. Музыка живая: мужик во фраке с контрабасом, а другой на саксофоне, а третий за роялем. Люди с бокалами. Стоят кучками, прохаживаются, мило беседуют...

Ну и что, что во фланелевых штанах? Может, там все такие. Может, и не в вечерних платьях. А так, фольклор, запросто. Пикник с попугаями. Вон тот, допустим, в бушлате, и кепка с пластмассовым козырьком. Шашлык руками ест, а на самом деле – деятель не приведи Господь!

На то они и Парамоновы, чтобы на всякие мелочи не обращать внимания. Надо будет, в Венеции хоть завтра устрицами отужинают. Да хоть сейчас. И руками. Это насекомые, вроде муравьёв, пускай изо всех сил друг перед другом ножами да вилками, а им и руками можно. От них не убудет...

А то ещё, Павел Анатольевич сам видел, когда гости к ним массово, после чаю и ликёров, кулёк с семечками – и давай лузгать, кожура на губах, и разговоры про болезни и кто чего решил насчёт отпуска: Испания или Египет, например?..

...Стемнело.

Павел Анатольевич встал с дивана, не зажигая света, ощупью нашёл фонарь. Луч выцепил дыры в полу, угол плиты, в шкафу

с посудой всплеснуло серебром, ведро глянуло чёрной пастью, большая белая бабочка трепыхнулась навстречу.

Прокрался, соизмеряя шаги, в кладовку. Грабли. Мотыга. Лыжные палки, садовые ножницы, рубанок, какое-то деревянное колесо, штормовка: капюшон – будто голова отрубленная; ларь с картошкой, бутылки с брагой...

Осторожно спустился с крыльца. Берёза была корява, похожа на Бабу Ягу в платке; за ней – пустота, а в пустоте сверчок.

Резко пахло бензином. Павел Анатольевич присел на корточки; громыхнул громом спичечный коробок. За забором кто-то кого-то послал. Леший лес взъерошил...

Муравейник бабахнул шаровой молнией, кометой, рыжий глаз, с мясом вырванный...

Павел Анатольевич полез за очками. Дужка зацепилась за «молнию». Дёрнул – сломалась. Мокрыми пальцами насадил стёкла на нос и сделался похож на земского врача.

Вот он, Судный-то день... Была вселенная, а вот и лопнула! Рим объят. Лупанары и ристалища завалены обугленными трупами. Истуканы безносые на порогах храмов. Всадник медный коня вздыбил. Круглое стало плоским, и великое – ничтожным, и реки – огненные. И не Павел Анатольевич, но Бог, который тихо мыслит, любуясь собственным отражением в огне...

Муравьи поджимали под себя лапки. Скручивались в обручи. Отблески на гляцевых латах.

Вот сидели себе за праздничными столами, под китайскими фонарями и орхидеями, в смокингах и страусовых перьях, хулили Его, насмехались над Ним, ели сотовый мёд и молоком запивали, в тимпаны били, думали, что так оно всегда и будет, чтобы праздновать да хулить. Мне отмщение и аз воздам. Вот все труды ваши. И плоды трудов ваших, и потомство ваше, и потомство вашего потомства, и тук ваш, и клады, и имущество, и суета сует.

Горело долго...

Когда на руинах, на пепелище запрыгали последние искры, Павел Анатольевич поднял вверх лицо: раздвинув чернильное море, на небо выскользнула луна. Изжелта-жёлтая, как половина стрфокамилова яйца, из которого, должно быть, и был приготовлен весь этот мир.

И ещё Павел Анатольевич подумал, что когда придётся умирать ему самому, то, наверное, его поместят в глубокую кадущку, положат в рот серебряный обол, дадут в руки весло, и он поплывёт по этому морю. С вёсел будут свисать капли густого пахучего сусла, а на стрфокамиловом яйце ему скажут: живи!

И тогда он сядет с самого края и будет болтать ногами, в сандалии обутыми. И, сложив ладони в подзорную трубу, увидит, как там, внизу, на грядке топорщится задом, обтянутым фланелевыми штанами, крохотная Люся.

А на крыльце, возложив толстый нос на мохнатые лапы, развалится, наконец, гладкая, с большими ушами, упитанная ну-ну-коль в модном ошейнике...

Михаил
МУЛЛИН

«Слово о полку Игореве», обращённое к нам

Александра Баженова. «Дажбожьи внуки». Саратов, 2014.

На вопрос, мучивший и волновавший нас со школьных лет, что такое или кто такие упоминавшиеся в «Слове о полку Игореве» Карна и Жля, кажется, дан ответ. А ведь для ценителей русской литературы и любящих русский язык это всё равно что, скажем, для математиков обрести доказательство теоремы Ферма, которого они жаждали сотни лет. Известной стала теперь «родословная» Мальчика-с-пальчик, значительно яснее стало, что значит «начать от яйца» (ab ovo), а также отчего появилось слово «дивный», почему мы до сих пор говорим «после дождичка в четверг».

Что касается последнего выражения, то мы, сами о том не догадываясь, ссылаемся на то, что четверг у наших далёких предков считался Перуновым днём, а Перун, в частности, считался громовержцем, то есть прямо связывался с дождём.

Как известно, «В начале было Слово». В начале русской словесности тоже было «Слово» – «Слово о полку Игореве». Такое утверждение, разумеется, не кощунственное умаление или тем более отрицание Бога-Логоса и определяющей роли церковно-славянской литературы. Дело лишь в признании того факта, что самым первым письменным произведением отечественной словесности, дошедшим до нас, является как раз гениальное «Слово о полку Игореве», созданное неизвестным автором.

Однако тут приходится остановиться для вопроса: так ли уж неизвестным? Конечно, выдающиеся учёные, споря об этом (после безуспешной попытки объявить «Слово» подделкой), помалю копию едва ли не больше, чем дружина князя Игоря. Да и рядовые ценители древнего шедевра также высказывали немало интересных и оригинальных предположений об авторстве «Слова...». Я, например, в юности самоуверенно (одна-

ко не без логических обоснований) предполагал, что «Слово» написал... сам князь Игорь. Но теперь, думаю, больше стоит доверять мнению специалистов. А Баженова – специалист. И потому, что много работала с архивами, и потому, что тщательно «проработала» соответствующую литературу, и (может быть, это главное) потому, что несколько лет жила в доме академика Б. А. Рыбакова – наиболее из всех современников погружённого в тему. Так вот, ссылаясь прежде всего на труды академика, Александра Ивановна довольно убедительно сообщает нам, что автор «Слова о полку Игореве» – единственный в то время светский летописец Пётр Бориславич и что само произведение «даёт много материала для обрисовки личности Автора, по обычаю тех времён, умолчавшего об имени». Стоит в связи с этим напомнить, что большинство произведений русской средневековой литературы безымянно. Да ведь и «привычные для нас имена: Никон, Нестор, игумен Иоанн, Моисей – в значительной мере являются догадками учёных».

«Слово» Александра Ивановна рассматривает, прежде всего, с точки зрения язычества. И для такого подхода есть важные основания. Никто же, скажем, не станет спорить с тем, что всем хорошо известные мифы Древней Эллады возникли в языческой среде и, стало быть, для их понимания (и даже в какой-то степени для художественной и этической оценки) изучать эти тексты следует с точки зрения дохристианских представлений или уж, по крайней мере, нужно хорошо знать эти представления. Но ведь и «Слово о полку Игореве» (особенно в начале) изобилует образами и понятиями языческими. Тут вам и Див, и уподобление князя волку или соколу, и вера в приметы, и лексика.

Ведь ещё и Рыбаков отмечал у Автора «Слова» «почти полное отсутствие церковной (христианской. — М.М.) фразеологии, сентенций, церковных и календарных дат, провиденциализма».

И это не удивительно. В начале XII века (Игорев поход произошёл в 1185 году — с Крещения Руси прошло менее двухсот лет) русские люди ещё не успели забыть свою мифологию, древние (по отношению к тому времени) обычаи, не утратили свою связь с природой (это, последнее, и ныне по недоразумению иногда называют пережитком язычества!). Нам же с пониманием следует относиться к тому исторически достоверному факту, что Пётр Бориславич и его семья, как и многие киевские бояре той поры, были поборниками отеческих дохристианских обычаев. По летописным источникам известно, что сестрич (племянник по сестре) Петра Бориславича, епископ (!) Ростовский Феодор, возражал Киевскому митрополиту Константину, греку, запрещавшему от имени Церкви едение мяса во время зимних святок (климат у нас не греческий!), хороводы, катание на санях, а летом — купание и хождение по росе, заламывание веточек берёзы. Для православного епископа (племянника автора «Слова») эти русские обычаи, не соответствовавшие греческим, вовсе не являлись антихристианскими, так как никак не затрагивали определяющих (догматических) положений христианства. К тому же Автор «Слова», будучи наделённым великим поэтическим даром, видимо, считал недопустимым отказ от национальной поэтики, проявлявшейся не только в литературе того времени (несомненно, существовавшей и развитой, так как шедевр «Слова» не мог возникнуть на пустом месте) да фольклоре, но и пронизывавшей весь быт наших предков. Безусловное принятие истинной веры для него (и многих других современников) не означало не критического отказа от национальной (как видим по «Слову» — высокой) культуры, многое уже сформировавшей в характере, этике и эстетических представлениях русских.

Книга «Дажбожьи внуки» (так — то есть внуками бога — называет Автор «Слова» русских) содержит оригинал — текст на древнерусском, и его перевод, выполненный Баженовой. Может возникнуть сомнение: зачем он нужен после многих, в том числе и блистательных переводов (Н. Заболоцкого, С. Лихачёва, И. Шкляревского)?

Цель баженовского перевода — не удивить совершенством формы, а максимально точно передать смысл как произведения в целом, так и (прежде всего) каждо-

го предложения, строки, слова. И всё-таки это не создание подстрочника, при котором неизбежно возникают неуклюжести, неудобочитаемость, косноязычность. Переложение Александры Ивановны, безусловно, можно считать литературным и читать как эстетически ценное. И сюжетно интересное. С другой стороны, её перевод как раз и позволяет современному читателю открыть в «Слове» то, что до сих пор было скрыто.

Ведь академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв, внёсший неоценимый вклад в изучение этого живого памятника литературы, которому наиболее «прогрессивно мыслящие» публицисты присвоили звание «совести нации» (то ли видя резкий контраст между ним и собой, то ли опрометчиво и радостно отказывая в наличии этой совести самой нации!), по щедрости душевной милости во отпустил русской истории... тысячу лет. Пусть же будем считать моментом возникновения русских и русской государственности заодно святое Крещение киевлян! Смущает, правда, что при таком понимании у нас как бы и не было не только вещего Олега, князя Святослава, не знавшего поражений во многочисленных битвах, Буривая, Гостомысла, Словена (все известны по летописям), но и получается, что святая равноапостольная княгиня Ольга никогда не родилась, а сразу появилась на свет прямо бабушкой святого Владимира — Крестителя Руси, который, выходит, и сам-то родился в доисторические времена! Впрочем, если Русь появилась с момента Крещения, то непонятно, что же за страну он крестил... Несуществующую? Странно...

Помимо смыслового казуса есть в допущении Дмитрия Сергеевича ещё один «очень нехороший минус»: современные исследователи, «зная», что нам как этносу не более тысячи лет, не считают нужным (да и возможным) «соваться» во времена более древние, стало быть, от них бессмысленно ждать серьёзных открытий в отечественной истории. Ограничительные рамки заранее запрограммировали современных историков на «неглубокое погружение». Поэтому куда привлекательнее смотрится утверждение «последнего подданного Российской истории» А. Д. Шемана (живя во Франции, он не принял французского гражданства и отказался от гражданства немецкого, которое ему, носящему немецкую фамилию и знающему немецкий язык, предложили фашисты-оккупанты. Лишь за несколько лет до своей смерти этот русский дворянин принял российский паспорт — из рук президента В. Путина.), что Российской государственности «больше двух тысяч лет».

А Баженова (с подачи Рыбакова) не боится копнуть поглубже. Её интересовало не стяжание учёной степени, а истина. Поэтому она так щедро ссылается на общие для всех индоевропейцев источники, всемирно известные памятники, созданные на санскрите. Цитирует Ригведу, Махабхарату и т.д. Именно эта смелость как раз и позволяет ей уверенно расшифровать знаменитые загадочные слова «Карна» и «Жля». «Желянь» – река русской богини смертной печали Жели и сама богиня. «Карна» – река богини надвременья и смертного перехода в вечность Карны (так она тоже персонифицируется). Существовали в мифологии наших предков и перевозчики душ в мир мёртвых (подобно греческому Харону). Это сама Калка, Каяла (узнаёте реки русской скорби?!), и Хорс – заодно и бог времени.

Между прочим, от этой Калки, Каялы (Кали «Ригведы»! Ведической богини вечности, чья специализация позднейшими индуистами, похоже, сильно искажена и принижена – до богини человеческих жертвоприношений и мести) происходят наши символы (не всем уже понятные, но всё ещё смущающие ум при чтении сказок и былин): Калин-царь, Калинов мост (к деревцу калине не имеющий никакого отношения – не из калины построен и не растёт калина возле него), калики переходящие.

Уже только ради усвоения таких открытий стоило бы прочитать книгу А.И. Баженовой «Дажбожьи внуки».

Но Александра Ивановна объясняет нам, что те же *калики переходящие* – изначально вовсе *не калики*, не немощные старцы, а движущиеся не только в пространстве, но и во времени странники и богатыри, схожие заодно и с волхвами, прорицателями. По представлениям предков наших, они – носители уникальных духовных знаний своих (и, стало быть, наших) предков. И в силу да удали они не уступали богатырям. С могучим *каликою* Иваницо, согласно былинке, не решился вступить в единоборство даже сам Илья Муромец. А в другой былинке от крика калик... богатыри с коней попадали! Вспомним, что ведь и Илью Муромца с одра болезни калики подняли, ему силу для защиты земли русской чудесным способом дали.

И сочувствие «своему родному язычеству», «любование» им, думается, не делает Баженову противницей христианства в его православной форме. Точно знаю, что Александра Ивановна при жизни посещала храмы, заказывала молебны. Именно она была у истоков саратовской газеты «Православная вера». В беседе со мной она выражала опасения по поводу про-

воцирования новых расколов в русском обществе сектами, включая неоязычников. Её «защита язычества» в значительной степени сродни той, что исповедовал в XII веке православный епископ Феодор – истинный сын Русской Православной Церкви. Не более того. И, может быть, поживи Александра Ивановна ещё немного, она бы пересмотрела свои выводы и уточнила их.

Взглянем ещё раз внимательно на «Слово».

«...Боян бо вещей <...> растекашется мыслию по древу, серым вълкомъ по земли, шизым орломъ под облакы...» (Сплошь языческие представления у Бояна – Велесова внука – и Автор их подчеркнута не одобряет! Отказывается его приёмами пользоваться.) «...Игорь възре на светлое сынце и виде отъ него тьмою все своя воя прикрыты...» (Игорь верит дохристианским приметам, предрассудкам.) А дальше ему (Игорю) «збися дивъ», предлагающий князю послушать тьмотораканского болвана. (Опять, похоже, князь не мыслит христианскими категориями.) И далее полный набор языческих дохристианских чувствований. И создаётся впечатление, что именно от этого и «Карна и Жля поскочи по Русской земле». Но... смотрите-ка: князя, как и Автора, будто подменили! Когда он в землю Русскую вернулся, «Игорь едет по Боричеву къ святей Богородици Пирогощей!» «Да здравы будут князья и дружина, поборовавшиеся за христиан против поганых полков!» А уж заканчивается повествование «Слова» и вообще подчеркнута смиренно, по-христиански: «Аминь»!

Стало быть, выходит: в поле половецкое отщепенец выезжает за славой и вразрез с интересами Руси, пользуясь языческими представлениями, а возвращается... христианином!

Может быть, увлечённость «полемикой» иногда и приводила А. Баженову к неубедительным, весьма спорным заключениям (что отнюдь не умаляет её архивных и исследовательских трудов), явившим нам, её читателям, столь много открытий – чудных и важных для понимания истории, литературы и даже политических и экономических загадок нашего времени. Она, по сути, говорит: «Кто виноват? Мы – когда забываем свои истоки и подменяем насущные интересы этноса и страны своими мелочными и преходящими выгодами, предавая тем самым не только тысячелетиями создававшую нашу страну, культуру, цивилизацию предков, но и своих потомков. Что делать? Быть самими собой, чтобы быть!»

Служение литературе, исторической правде у Александры Баженовой и прежде всегда сочеталось с горячим патриотизмом, служением Родине. Помимо значительного расширения временных рамок Русской истории, убедительного установления родственных связей нашей культуры со всей арийской иафетической культурой, это проявляется ещё и в здоровой оценке давних событий, в частности, самого Игоря похода на половцев. Вслед за Автором «Слова» она осуждает отщепенчество храброго князя, но (так же, как Автор) сочувствует Игорю.

И объясняет истоки его неудач. По прочтении книги понятной становится причина средневековой междоусобицы русских князей и почему так легко некоторые из них приводили на Русь враждебные иноземные орды, с удовольствием грабившие и убивавшие наших предков. Разгадка проста: ряд русских князей из дипломатических соображений охотно вступал в династические браки, жениась на дочерях или сёстрах половецких ханов. А их дети уже наполовину являлись половцами. Таким образом, для усиления своих позиций на Руси они приглашали в союзники как бы не врагов, а... близких родственников! Так, например, сын князя Игоря, Владимир, был обручен с дочерью хана Кончака, а позднее и женат на ней. То есть Кончак приходился князю Игорю Новгород-северскому сватом. Посему не удивительно, что кузен Игоря Святославича и родной брат великого князя киевского Святослава – Ярослав Черниговский прямо и честно отказался от похода на Кончака вместе с другими русскими князьями, заключив с Кончаком мир.

Между тем Святослав Всеволодович киевский и его соратник Рюрик Ростиславич в начале 1185 года оповестили всех русских князей о том, что хотят положить конец половецким набегам и собираются идти на половцев. Но братья Ольговичи – Игорь и Буй-Тур Всеволод – «на словах обещали присоединиться, а на деле тайно подготовили СВОЙ (здесь и далее прописными выделено А. Баженовой) отдельный поход, решили пойти на ближних степняков (но не на Кончака) самостоятельно.

Пока основные русские силы собирались, Игорь и Всеволод (с 10–15-тысячной ратью) в степь вышли первыми. Но... повернули на юго-запад, к пограничным с Кончаком кочевьям ханов Бурчевичей, «...то есть Игоревое войско шло на ДРУГИХ половцев! И скрывало свой истинный маршрут не от Кончака (с которым существовало тайное соглашение о мире и взаимопомощи), а от русских князей».

Однако, тайно передвигаясь по ночам, Игоревое войско тем самым распугало «зверей и птиц, что выдало врагу присутствие русских в половецкой степи. Половцы заманили русских в ловушку». Притомились Игоревы воины и их кони – и «лёгкая», обманная битва прошла в водоразделе между Днепром и Доном... Воины Игоря до самого вечера гонялись за (обманным!) кочевьем, тряся трофеями», а потом вынуждены были заночевать в окружении врага. «В это время половцы со всех земель, даже от Чёрного моря и предкавказских долин и нагорий, мчались к месту боя. 11–12 мая шла ожесточённая конная битва в окружении на безводном плато с превосходящими силами половцев. Зная о том, что русские готовятся на них идти войной, ПОЛОВЦЫ ПРИНЯЛИ НЕБОЛЬШОЙ ПОЛК ИГОРЯ ЗА АВАНГАРД ОБЩЕРУССКИХ ВОЙСК И СОБРАЛИ ЗА ПЯТЬ ДНЕЙ НА НЕГО ВСЮ СТЕПЬ». К концу битвы подошёл даже «союзник» Игоря – Кончак, заставший войско русских уже окружённым, и непосредственно в разгроме русских не участвовал.

Таким образом, вместо того, чтобы «повоевать конец (с краю) поля половецкого» и быстро ретироваться восвояси, как перед этим воевал в 1184 году, Игорь «СЛУЧАЙНО ПРИНЯЛ НА СЕБЯ УДАР ПОЧТИ ВСЕХ СТЕПНЯКОВ, от которого невозможно оправиться. РУССКИЕ ВОИНЫ КНЯЗЯ ИГОРЯ, ХОТЯ И НЕ ПЛАНИРОВАЛИ ЭТОГО, СОВЕРШИЛИ БЕСПРИМЕРНЫЙ ПОДВИГ, взяв ВЕСЬ «ОГОНЬ», ВСЮ МОЩЬ ВОИНЫ НА СЕБЯ».

Когда Автор «Слова» (сторонник киевских князей-объединителей) сожалеет об участии «отщепенцев» «Ольгова храброго гнезда», здесь никакого злорадства, иронии нет. Александра Баженова подчёркивает, что «Автор искренне считает, что «гнездо это судьбой не было предназначено к гибели. Буй-Тур Всеволод выступает в «Слове» фигурой героического, былинного масштаба. Автор гордится и любит себя им – одним из славнейших «даждобных внуков».

Русские, отказавшиеся от общерусских планов и решившие снискать себе славы самостоятельно, причём не во вред Кончаку и не на пользу русскому делу, были разгромлены – все князья и пять тысяч оставшихся в живых воинов были взяты в плен. Таков итог Игоря похода. Сам Игорь и его сын Владимир (жених дочери Кончака) были последними обласканы в почётном плену-гостях. Игорь совершил побег с помощью верного слуги-половца.

Воодушевлённые победой, степняки начали громить приграничные русские поселения. Хань Кончак и Гза двинулись

на Русь. С большим трудом объединённые русские войска смогли остановить их.

Если во время похода, описанного в «Слове», Игорь и Всеволод самостоятельно скорректировали задуманный великими князьями большой поход на Дон, за что и потерпели поражение, то во второй половине 1185 года Игорь отошёл от Кончака и вернулся в союз с русскими князьями. «Не пропал даром трагический «урок» сепаратизма и для всех дру-

гих русских князей, понявших, что лишь вместе они несокрушимая сила. Пафос единства русских людей оказался актуальным на все века. И сейчас голос Автора «Слова» призывает русских к единению, звучит как никогда современно. Забудем распри (политические, социальные, религиозные, амбициозно-эгоистические и прочие), друзья, все вместе не дадим «поганым приходиться на землю Русскую!» – призывает Александра Баженова.

Александра БАЖЕНОВА (1947–2013)

Прошёл год со дня трагической гибели замечательного писателя А.И. Баженовой. Велик вклад её в русскую литературу и культуру. Книги Александры Ивановны открыли нам скрытое веками замалчивания: факты истории, мифы предков, «звездные взлёты русской культуры», помогают понять значения наших имён и фамилий. Её блистательные материалы много раз публиковались в журналах «Наш современник», «Волга», «Волга–XXI век» и др.

Наш журнал неоднократно публиковал и рецензии на книги Баженовой.

А недавно обнаружена небольшая неопубликованная рукопись Александры Ивановны, посвящённая творчеству замечательного поэта Игоря Ляпина, актуальность которой сейчас, в свете последних событий на Украине, даже возросла.

Пусть наша публикация станет знаком памяти и уважения к писательнице, нашей землячке.

«Гром небесный» О стихах Игоря Ляпина

В книгу Игоря Ляпина «Гром небесный» вошли стихи, написанные в разные годы.

Игорь Ляпин – лирически ёмкий поэт, он музыкален и чуток. Только такой поэт может развал страны и трагедию народа – это море разливанное зла – выразить в одной (из этого моря) капле – зажатой человеческой индивидуальности, как в стихотворении «Пианистка», которое люди слушают со слезами на глазах. Только русский народ свой бунт против несправедливости, свою трагедию терпения может

выразить «застенно», уединённо-отчаянно, обнажив самый нерв явления:

*Я слышу звуки пианино,
Свиридова бессмертный вальс...
Там, за стеной, соседка Нина
Опять, наверно, напилась.
Опять не выдержали нервы
И разрывает жизни мглу
Посудомойка из «Таверны»,
Из кабака, что на углу.
Дороги жизненные кривы,*

И вот опять передо мной
 Души прекрасные порывы
 О стену бьются головой.
 И вижу я, как не картины
 И взгляд, и локон у виска,
 И клавиши, и пальцы Нины,
 Распухшие от кипятка.
 Её сегодня б не узнали
 Те, кто из этих дивных рук
 В сверкающем концертном зале
 Ловил с восторгом каждый звук...
 Но средь разбоя и разврата
 В родной истерзанной стране —
 Бетховен. «Лунная соната»
 Слезой стекает по стене.
 И держит жизнь свой звук неверный,
 И этой фальши тяжкий гнёт
 Посудомойка из «Таверны»
 На сердце трепетном несёт.
 А звук кричит, играет, тает...
 Какая боль, какой восторг!
 Ведь как играет. Как играет!
 Другой бы трезвый так не смог.
 Вам нужен Моцарт — нате, нате.
 Опять Бетховен, снова Бах.
 Ах, Нина Павловна, играйте,
 Вся ваша публика в слезах.

Стихи Игоря Ляпина горят истинным поэтическим огнём и чужды романтической туманности привычных лирических штампов.

А как актуальны нынче горько-иронические строки Игоря Ляпина из стихотворения «Очарованные мои»:

И под Харьковом, и под Жмеринкой,
 И в херсонской степи седой
 Очарованные Америкой
 Вы стоите ко мне спиной.
 Вы стоите с обманом под руку,
 За добро принимая зло.
 Дружба — побоку, братство —
 побоку...

Заклдобило. Занесло.
 Всё вам видится даль просторная,
 Всё мерещится, что сейчас
 Та страна, за бугром которая,
 В омут бросится ради вас.
 Я в обиде стою и в горечи:
 Соблазнились... И на тебе —
 Отвернулись! Уже не родичи —
 Ни по крови, ни по судьбе...
 Вы из этого мрака выйдете,
 Будет ясным, как в Храме, свет,
 И побачитэ, и увидите,
 Кто навеял вам этот бред...

Стихи разных лет — а всё о нас, сегодняшних, и даже, прозорливо, — о будущих наших прозрениях. Цитировать и цитировать хочется мудрые стихи Игоря Ляпина. А не есть ли это лучшее признание поэта?

Елена СТЕПАНОВА

Мгновения прошлого

Елена Владимировна Степанова — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Массовые коммуникации и лингвистика» Института развития бизнеса и стратегий Саратовского государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина

Фотографии
Михаила Николаевича Чернышевского.
Авторы-составители: Е.Н. Манова, Е.Н. Ризаева, —
Саратов: ООО «Издательский центр «Наука»,
2013. — 72 с.

Издание продолжает заложенные в музее-усадьбе И.Г. Чернышевского традиции каталогизации фотографической коллекции. Ценность работы состоит в презентации основателя музея — Михаила Николаевича Чернышевского как многогранной творческой личности. Авторы-составители — Е.Н. Манова и Е.Н. Ризаева — уходят от одностороннего сложившегося стереотипа в восприятии Михаила Николае-

вича как человека, посвятившего свою жизнь сохранению и увековечиванию памяти своего отца, Николая Гавриловича Чернышевского. Их герой – человек творческий, прошедший путь от простого фотографа-любителя до фотографа-профессионала, теоретика и практика фотографического дела, чьи снимки были отмечены многочисленными наградами отечественных и международных выставок.

Проведённая авторами архивная работа позволила выстроить своеобразную хронологию фотографической деятельности М. Н. Чернышевского, а вместе с тем отразила некоторые этапы развития фотографии в России: 1880-е годы – начало увлечения Михаила Николаевича фотографией; 1891 год – Первая награда за участие в конкурсе журнала *Photo-Gazette* в Париже; 1892-й – Вторая премия в том же конкурсе; 24 апреля 1893 года – избрание в члены Императорского русского технического общества и отделение «Фотография и её применение»; 1897 год – вступление в члены Русского фотографического общества в Петербурге; 1896-й – за участие в XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке М. Н. Чернышевский удостоен Высочайшей благодарности; 1898 год – присуждена бронзовая медаль Министерства финансов; 1918-й – занимает должность секретаря Комитета фотографии и фототехники Комиссариата народного просвещения РСФСР. Чрезвычайно важно, что эти и другие этапные события подкреплены содержательным зрительным рядом – фотографиями М. Н. Чернышевского разных лет, в том числе ставшими призёрами выставок. Следует отметить, что высокое полиграфическое исполнение альбома передаёт все художественные достоинства фотографий Михаила Николаевича.

К сожалению, объём издания не позволил представить всю коллекцию. Во введении авторы-составители говорят о многочисленности снимков М. Н. Чернышевского (более пятисот), широте их тематического содержания. Однако отбор фотографий для издания осуществлён профессионально, снимки представлены разнообразно: портретные и групповые, выпол-

ненные в закрытом пространстве и на пленэре, постановочные и моментальные, пейзажные, архитектурные, комбинированного типа, выполненные с применением различных техник – коллажа, панорамы, авто-снимка, «электрической фотографии», фототипии. Всё это придаёт объёмность работе, позволяет рассматривать творчество М. Н. Чернышевского не как изолированный творческий акт, а в контексте технических и художественных поисков фотографического искусства рубежа XIX–XX веков. Как справедливо отмечают авторы-составители, снимки Михаила Николаевича «отвечали техническим требованиям своего времени».

Фотоматериалы альбома представлены несколькими разделами: «Семья и окружение», «Автоснимок», «Саратов–Санкт-Петербург–Астрахань». Каждая фотография снабжена чёткой и грамотной атрибуцией, рассказывающей о запечатлённых лицах, архитектурных памятниках, видах той или иной местности, времени и месте создания, технических характеристиках и материалах её изготовления, размере фотографий, что придаёт дополнительную информативность всему изданию.

В целом фотографии М. Н. Чернышевского – это те свидетельства, в которых удивительным образом переплелись частная жизнь семьи Чернышевских–Пыпиных с культурной, научной, социально-экономической, столичной и провинциальной сторонами жизни России 1880–1920-х годов.

Важно отметить значимость фототворчества Михаила Николаевича по мемориализации образа Н. Г. Чернышевского, лиц из его близкого окружения, уклада их жизни. Представленные в коллекции фотографии А. Н. Пыпина – это единственные из известных фотосвидетельств жизни академика на рубеже 1880–1890-х годов, запечатлевшие его не в публичной профессиональной среде, а в будничной домашней обстановке, в кругу родных и друзей. Вместе с тем фотографии М. Н. Чернышевского – ценный документальный материал, рассказывающий об основных этапах становления Саратовского музея Н. Г. Чернышевского в первые послереволюционные годы.

ЮБИЛЕЙ

200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА ЛЕРМОНТОВА

Герман
КИРИЛЛОВ

ЛЕРМОНТОВ И ВРЕМЯ

*Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал...*

М. Ю. Лермонтов
(«1831-го июня 11 дня»)

Июль 2012 года. Тарханы. Зелёный театр. Тысячи почитателей поэта. Звучат стихи «Валерик», «Бородино», «Парус». Всё как обычно. И, как обычно, над Зелёным театром собираются тучи, начинается дождь, чтобы впечатление о незримом присутствии Лермонтова было ещё более убедительным. И все собравшиеся на празднике это ощущают. На фоне жизни поэта, краткой и яркой, каждый по-новому смотрит на свою жизнь, оказываясь перед лицом совести... А над Зелёным театром шумит дождь, напоминающий о том роковом июле 1841 года, о «красивой смерти» в грозу, пронёсшуюся над горой Машук. И присутствие поэта здесь кажется очевидным. Время не властно над его мятежным духом.

Неслучайно, что одной из характерных черт творчества М. Ю. Лермонтова является многомерность в восприятии и изображении им времени. При чтении произведений поэта читателя не покидает ощущение, что он, повинуясь какой-то неодолимой силе, вторгается в действие, становится современником Лермонтова, сопричастным проис-

-
- Герман Михайлович Кириллов родился в 1972 году в городе Заречном Пензенской области. Окончил факультет иностранных языков ПГПУ им. В.Г. Белинского. Несколько лет работал в школе учителем английского языка и заочно учился в аспирантуре. В 2006 году защитил диссертацию. Кандидат философских наук. Доцент кафедры философии ПГУ. Написал цикл статей о творчестве М. Ю. Лермонтова.

ходящим с ним событиям. Лермонтоведами отмечается, что сам поэт «на любое событие глядел с точки зрения вечности и рассматривал эту вечность как в русле антично-ренессансной, так и средневековой философии» (4, С. 307).

Именно такое понимание времени – как «дурной бесконечности» – мы находим в лермонтовской поэме «Демон». Время в произведении предстаёт как «веков бесплодных ряд унылый», их «однообразная череда». Поэт хотел показать, каков внешний план окружающей действительности. Его деятельную натуру томит «бесплодное» и «безрадостное» существование. Оно угнетает его. И он не боится бросить вызов самому времени. Сначала в творчестве, а потом в жизни. Именно «Демон» становится воплощением понимания Лермонтовым времени.

Произведение отражает непокорный дух поэта, полный сомнения и страдания. Здесь появляется романтический герой, который проходит через всё творчество Лермонтова. Это герой, с одной стороны, стремящийся к свободе, с другой – наказанный бессмысленной бесконечностью и пытающийся вырваться из неё. Этот герой – дитя своего времени. Эпоха 30-х годов XIX века породила «лишнего человека», обречённого на бездействие и страдающего от своей бездеятельности. В образе Демона нашла своё воплощение жизненная программа самого поэта. Ему порой дороже Вечности прекрасный Миг, сулящий свободу и счастье. О вечном и о миге рассуждает Евгений Арбенин в «Маскараде»: «Удобный миг настал!.. Теперь иль никогда». Ища отклик своим размышлениям, поэт часто обращается к явлениям и силам природы: к тучам, горам, светилам, облакам:

*Час разлуки, час свиданья –
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль... (3, т. I. С. 56)*

Демон соблазняет Тамару властью и вечной жизнью:

*Что люди? Что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут... (3, т. I. С. 67)*

Дух изгнания хочет сделать Тамару «царицей мира». Однако в объятиях Демона гибнет всё живое:

*Мысль её он возмутил
Мечтой пророческой и странной... (3, т. I. С. 57)*

Парадокс состоит в том, что лермонтовские герои, с одной стороны, страдают от бессмысленной вечности, с другой – страстно желают, чтобы миг блаженства стал для них вечным. Они рвутся из монашеских келий на свободу (Мцыри, Тамара), но обретают лишь вечный покой. Так что, помимо восхищения титанической мощью Демона, у Лермонтова обнаруживается и другая тема – тема

защиты краткой, минутной, мгновенной человеческой жизни с её постоянными трудностями и усилиями, жизни, которую поэт защищает от нападок Демона...

Критики отмечают, что тема вечности и мига полифонична и диалектична. Её отличает колеблющийся смысловой баланс. Так что, несмотря на богоборческий пафос, отрицающий дух средневековья, финал поэмы может быть рассмотрен в христианском ключе как торжество истинного бытия над преходящим, сиюминутным. Поэт утверждает незыблемость законов бытия. Демон вопрошает: *«Что без тебя теперь мне вечность, / Моих владений бесконечность?»* (3, т. I. С. 64).

Ещё одной особенностью изображения времени является то, что Лермонтов часто использует в своём творчестве разные планы. Место и время действия в произведениях стремительно меняется: с бала в Благородном Собрании лирический герой в стихотворении *«Как часто, пёстрою толпою окружён...»* переносится в Тарханы, где для него открываются *«кругом родные все места»*. И он уже не молодой офицер, а ребёнок, испытывающий первое светлое чувство любви. Это желание возвратиться в прошлое у Лермонтова возникло довольно часто. Встретившись с А. А. Лопухиным в Царском Селе, поэт забывает о волнениях и неприятностях, терзавших его последнее время: *«Вмиг возвратился я к моим былым радостям; двух страшных лет как не бывало...»* (Из письма М. А. Лопухиной, 1834 год) (3, т. I. С. 244).

Смелые перемещения во времени касаются и прозаических произведений Лермонтова. *«Герой нашего времени»* начинается с повести *«Бэла»*, в которой говорится о бесцельной трагической смерти героя, после чего события разворачиваются от начала к середине. Сначала идут главы *«Бэла»*, *«Максим Максимыч»*, *«Предисловие к журналу Печорина»*, где читатель ощущает углубляющийся трагический финал, затем даются события более раннего этапа в жизни героя, описанные в ином, мажорном тоне: *«Тамань»*, *«Княжна Мери»*, *«Фаталист»*. Автор использует такой композиционный приём, как закольцованность: и начинается, и заканчивается роман пребыванием героя в крепости. Видимо, закольцованность касается не только места, но и времени. Печорин уезжает в Персию, на самом деле погибает по дороге, уезжает в никуда, чтобы умереть.

В поэме *«Мцыри»* герой тоже пытается вырваться из душной обители, обретает мгновения свободы и погибает. Герои стараются выйти из того замкнутого круга, на который обрекла их судьба. Им это не удаётся при жизни, и они становятся свободными лишь после смерти. Печорин убегает от себя, от мучивших его собственных поступков; Мцыри – из мрачных стен обители, куда он попал помимо воли.

К свободе стремился и сам Лермонтов. Его лирический герой – это чаще всего он сам. Когда видишь огромные, такие печальные глаза поэта, думаешь о его одиночестве, ранимости, бурной тоске, о страстном желании счастья, о ранней гибели. При этом не покидает ощущение, что он сквозь время смотрит на тебя...

Мы приехали в Пятигорск в июле того же 2012 года.. И здесь ощущение сопричастности к жизни Лермонтова продолжалось. 27 июля в Пятигорске, в Домике Лермонтова, состоялась панихида по усопшему рабу Божьему Михаилу и одновременно проходил праздник, посвящённый 100-летию со дня создания Музея Лермонтова. Звучали стихи, романсы на слова поэта, речи...

Музей – маленький уголок Пятигорска XIX века. Вот домик под камышовой крышей, где поэт жил последние два месяца своей жизни; в находящемся поблизости доме Верзилиных произошла роковая ссора с Мартыновым. Вот ворота, из которых выезжал поэт в последний раз на место дуэли. В домик под камышовой крышей привезли бездыханное тело... Время словно остановилось здесь. На овальном столике автографы последних стихотворений: «Молитва», «Листок», «Выхожу один я на дорогу...»

По выходе из музея видишь выложенный камнями тротуар. Ночью от светлых камней идёт свечение – «кремнистый путь», уходящий к небесам, к звёздам. Со стороны видишь и Монго, и Васильчикову, и Глебова, и Мартынова... Представляешь и ссору, произошедшую между молодыми людьми. Вроде бы, банальную. Кажется, что ещё не поздно остановить роковой выстрел Мартынова, предотвратить скорую гибель поэта... Но, к сожалению, это невозможно. Вспоминаются горькие строки: *«И жизнь, как помотришь с холодным вниманьем вокруг, – / такая пустая и глупая шутка»*. Стихотворение «И скучно и грустно...» – одно из наиболее глубоких произведений, носящее программный характер. Оно отражает мировоззренческие представления поэта, в том числе его взгляд на проблему времени и вечности. Произведение основано на контрасте, оно носит антитетический характер.

Антитеза – излюбленный приём Лермонтова. Она интенсивно используется поэтом на протяжении всего творческого пути; из обычного изобразительного средства антитеза перерастает в мировоззренческий феномен и обретает новую жизнь, полную художественных неожиданностей. В стихотворении «И скучно и грустно...» ни один из полюсов противопоставления не превалирует над другими, а сливается со своей противоположностью, не представляя при этом конкретного разрешения. Лермонтов взвешивает на весах времени такие понятия, как «желанья», «любовь», «страсти», «жизнь». Все эти эмоционально-нравственные категории по сравнению с вечностью теряют свою ценность, они преходящи и ничтожны. Поэт по силе обобщения и трагичности достигает здесь шекспировских высот. Стихотворение представляет собой внутренний монолог-исповедь, в котором поэт не просто раскрывает внутренний мир героя, а передаёт мгновенные изменения настроения и переживания. Это поистине художественное открытие. Произведение не даёт окончательного ответа на вопросы: *«Жду ль чего? жалею ли о ком?»*. Диалог с самим собой ничем не заканчивается. Более того, в стихотворении 1841 года «Выхожу один я на дорогу...» Лермонтов вновь возвращается к этой теме и горестно признаётся: *«Уж не жду от жизни ничего я, / И не жаль мне прошлого ничуть...»* Он хочет забыться и заснуть. Здесь

опять вспоминается В. Шекспир. Гамлет готов умереть, желая вечного сна – смерти, Лермонтов хочет уснуть вечным сном, оставаясь при этом живым, «*чтоб в душе дремали жизни силы...*» Чем безнадежнее, безрадостнее жизнь на Земле, тем притягательнее Небо, откуда видно спящую в голубом сияньи Землю. Разочарование в жизни – это не смерть, в душе лирического героя так много невысказанного. Он продолжает желать невозможного. Впрочем, невозможно ли? Может, теперь он, подобно Демону, стремится к жизни вечной? Характерно, что использование Лермонтовым глаголов настоящего времени («выхожу», «блестит», «внемлет», «говорит», «спит», «жду», «жалею», «ищу») в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» расширяет пространство между прошлым и будущим, а время становится беспредельным. В творениях поэта действительно дремлют «силы необъятные». Они будят от летаргического сна обыденности, пошлости тех, кто сумеет к ним прикоснуться. Лермонтовские вопросы обращены не только к самому себе, но и к потомкам.

Читая произведения Лермонтова, постоянно проводишь параллели между автором и его героями. М. М. Бахтин, подчёркивая важность границы между изображающим и изображённым, считает, что ошибкой является понимание этой границы как абсолютной. У Лермонтова, как ни у кого другого, стирается эта грань. Если она и есть, то очень прозрачна. Произведения поэта входят в жизнь, а жизнь – в произведения. Дуэль Грушницкого и Печорина, изображённая в романе «Герой нашего времени», словно «повторилась» в дуэли Лермонтова и Мартынова; в поэме «Мцыри» герой обнимается с тучами, сам поэт часто в своих стихах сливается с небом. Изгнанник Мцыри находит успокоение в смерти, то же самое ждёт Лермонтова.

Хронотоп – закономерная связь пространственно-временных координат. Говоря об авторе – творце произведения – и его активности, М. М. Бахтин подчёркивает, что автора мы находим не только «вне произведения как живущего своей автобиографической жизнью человека, но мы встречаемся с ним как с творцом и в самом произведении, однако вне изображённых хронотопов, а как бы по касательной к ним» (1, С. 189). Другими словами, Лермонтов, не являясь героем романа, тем не менее ни на минуту не покидает его.

Известно, что многие вопросы, связанные с судьбой Лермонтова, до сих пор остаются нерешёнными. Порой ответы на них приходится искать в произведениях поэта. Дневник Печорина отражает глубину переживаний самого Лермонтова: «*...зачем я жил? для какой цели родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные...*» (3, т. IV. С. 116). Почему произошла дуэль Лермонтова с Мартыновым? Почему произошла дуэль Печорина с Грушницким? Когда, в самом деле, «погиб» Печорин? Может быть, ещё на дуэли с Грушницким?.. Много в характере Лермонтова сближает его с Печориным, в то же время такие черты, как самолюбование, желание казаться лучше, чем есть на самом деле, позёрство, определяющие суть характера Грушницкого, отличают и существо Мартынова. Эти

параллели отмечают многие исследователи, и их невозможно объяснить простым совпадением.

В романе «Герой нашего времени» очевиден необычный динамизм событий. Всё стремительно меняется: место действия, рассказчик, окружение Печорина. Герой постоянно перемещается: высланный за что-то из Петербурга, он едет на Кавказ, задерживается на несколько дней в Тамани. Потом, прибыв к месту службы, принимает участие в военных действиях, получает разрешение поехать на Кавказские воды. Вскоре за дуэль с Грушницким его отправляют в крепость... Наполнена событиями и жизнь Лермонтова. Можно с уверенностью сказать, что жизнь Лермонтова – зеркальное отражение жизни Печорина. В 1841 году он получает краткосрочный отпуск и едет из Ставрополя сначала в Москву, затем в Петербург, пытается уйти в отставку и заняться литературной деятельностью – ему отказывают. Зато он получает предписание покинуть столицу и отправиться в Тенгинский полк. В крайнем возбуждении едет из Петербурга в Москву, пишет письмо бабушке. Затем отправляется на Кавказ. В Ставрополе его прикрепляют к отряду для участия в экспедиции «на левом фланге». Он приезжает вместе со Столыпиным в Пятигорск, где оба подают рапорт о болезни и ходатайствуют о разрешении лечения минеральными водами. Получают разрешение. Дальнейшее описано в многочисленных источниках и тем не менее до сих пор до конца не разгадано.

Для понимания мастерства Лермонтова важна ещё одна сторона его творчества, о которой уже упоминалось выше: противоборство героя со временем. В этом смысле очень показательна сцена дуэли между Печориным и Грушницким, где герой находится в пограничной ситуации между жизнью и смертью. Изменение времени суток в этой исполненной драматизма сцене передаётся через изменения в движении солнца. Автор виртуозно структурирует время и пространство. Мы помним, что дуэль Печорина с Грушницким состоялась в окрестностях Кисловодска. Перед дуэлью Печорин ощущает особую гармонию с природой: *«Солнце едва выказалось из-за зелёных вершин, и слияние первой теплоты его лучей с умирающей прохладой ночи наводило на все чувства какое-то сладкое томление...»* (3, т. IV. С. 119). После убийства Грушницкого герой испытывает душевное опустошение, на сердце у него лежит камень: *«Солнце казалось мне тускло, лучи его меня не грели»* (3, т. IV. С. 126). Обессилевший, на измученной лошади Печорин подъезжает к Кисловодску, где получает две записки, одна из которых от Веры. Вера пишет, что она уезжает в Пятигорск и что им никогда уже не придётся увидеться. Как безумный Печорин выскочил на крыльцо, прыгнул на своего Черкеса и помчался в Пятигорск. Вся жизнь пронеслась перед ним. Ему страстно захотелось остановить время, но оно неумолимо движется вперёд: *«Солнце уже спряталось в чёрной туче, отдыхающей на гребне западных гор; в ущелье стало темно и сыро»* (3, т. IV, С. 128). Поразительно точно в изображённых событиях передаются и движение времени, и пространственное перемещение, и изменение душевного состояния героя. По выражению М. Бахти-

на, каждое из событий имеет здесь своё начало и свой конец, «но эти начала и концы лежат в разных мирах, в разных хронотопах, которые никогда не могут слиться... и которые в то же время соотнесены и связаны друг с другом...» (4, С. 189).

Писателям XX века удалось продолжить напряжённый диалог со временем, начатый Лермонтовым. Правда, это им досталось дорогой ценой; судьбы их оборвались не менее трагично, они ощутили крутой нрав беспокойной эпохи. Борис Пильняк (настоящая фамилия Вогау) был немцем по отцовской линии, уже это в чём-то сближает его с Лермонтовым, трепетно относившимся к своим шотландским корням. Он, подобно Лермонтову, искал новые формы изображения действительности, являясь новатором, стремящимся по-своему разрушать грань между писателем и читателем. Его наиболее известный роман о годах революции «Голый год» стал образцом такого подхода. Уже само название произведения заставляет вспомнить лермонтовские строки:

*Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И нища многих будет смерть и кровь...* (3, т. I. С. 244)

В романе Пильняка нет единства построения, фабулы. Но именно таким разорванным стал изображённый в произведении 1918 год, когда был перевёрнут весь уклад жизни, произошёл небывалый временной сдвиг. Достаточно вспомнить полифонию блоковской поэмы «Двенадцать», написанной в 1918 году, построенной на контрасте чёрного и белого цветов, где слышатся различные «голоса» той трагической эпохи: лозунги, выкрики, стрельба, частушки, марш, песня, плач... Этот временной сдвиг привёл к изменениям в сознании людей и восприятии ими действительности. Изменился даже календарь. Сквозь полифонию романов Пильняка, сбивчивый ритм и прерывистую интонацию их речей слышится «железный стих» Лермонтова, предвидевшего драматическую историю своей Родины, которой было суждено пережить страшные испытания:

*...Когда детей, когда невинных жён
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мёртвых тел
Начнёт бродить среди печальных сёл...* (3, т. I. С.244)

Повесть Пильняка «Штосс в жизнь» – интересная попытка продолжить произведение М. Ю. Лермонтова «У графа В. был музыкальный вечер». Произведение написано в характерной для Пильняка экспериментальной манере на стыке разных жанров: первая часть носит биографический характер (в ней изложены факты из биографии Лермонтова 1840–1841 гг.); вторая часть написана в очерковом жанре (в ней читатель знакомится с выразительной картиной советских курортов 20-х годов XX века и лирико-публицистическим днев-

ником автора (Пильняка). Завершается «Штосс в жизнь» небольшой третьей частью – эпилогом, в котором повествуется о последних днях Н. С. Мартынова, убийцы Лермонтова.

Как видим, автор и его герои свободно перемещаются во времени и пространстве, и разнообразие жанров в одном произведении напоминает лермонтовскую манеру письма. Здесь звучат разные мотивы: мотив мистического штосса, мотив смерти, мотив идеала, несбывшейся мечты. В повести писатель обращается к трагической судьбе Лермонтова и причудливо переплетает два временных плана: картины «полосатовёрстой» николаевской России, какой её знал Лермонтов, и изображение лермонтовских мест на Кавказе в 20-е годы минувшего столетия, то есть советскую действительность. Произведение имеет несколько сюжетных линий, одна из них – линия автора. Его пригласили читать лекции для отдыхающих на Кавказе: «показывать себя и составлять общество». И вот он, как когда-то Печорин, погружается в пошлость. Ему так же скучно, как лермонтовскому герою. О лекциях ему не хочется говорить, может быть, потому, что их составлял некто Дюкло с целью «эпатировать курортное население». Лишь один тезис предложил сам Пильняк: «Разговор с М. Ю. Лермонтовым», но этот тезис замалчивался автором, «потому что лежал вне слов». Курорты именуются в произведении «фабриками здоровья», где лечат «под музыку» сифилитов и ожиревших женщин... И хотя жив грот, где Печорин встречался с Верой, многое на Водах осквернено, разрушено. Автор, ожидавший увидеть Кавказ, его «первобытность», почувствовать ту духовную атмосферу, которая вдохновляла Лермонтова, увидел обычные холмы, обмелевший Подкумок, пёстрые толпы отдыхающих, стремящихся срочно оздоровиться, ощутил пошлость, монотонность и однообразие курортной жизни. Пильняк с горечью пишет об отсутствии духовности в местах, которые предприимчивые потомки лишь формально связывают с именем великого поэта: «лермонтовский грот, лермонтовская галерея, лермонтовские ванны, лермонтовская долина, лермонтовский водопад», место лермонтовской смерти, «где фотографируются в засаленных черкесках, с громадными кинжалами» (6, т. IV. С. 82). Правда, автор пытается каким-то образом оправдать курортное население, замечая, что *«человек всегда пошловат, когда отдыхает и когда доволен»* (6, т. IV. С. 79). Самым близким автору человеком в этой удушающей среде был Лермонтов, которому он страстно хотел написать письмо, рассуждая так: писатели существуют для того, что они могут «бороть время». Пильняк так и не написал задуманного письма поэту, в его памяти остались лишь слова: *«М. Ю., я был в ваших местах... Нет, вы не автобиографичны. Век рассказал мне об этом...»* (6, т. IV. С. 79).

Б. А. Пильняк побывал на Кавказе через 84 года после последнего пребывания там Лермонтова.

Мы же спустя примерно такой же промежуток времени посетили сначала Кисловодск, затем Пятигорск, а в 2013 году – Железноводск. На дворе XXI век – его можно сравнить с «постоянной войной или катастрофой». Время мчится вперёд, и мы не успеваем оглянуться, сделать что-то главное... Но в Пятигорске оно будто бы остано-

лось. В нём растворился дух Лермонтова... Что же касается курортного населения, оно, конечно, со времени пребывания Пильняка заметно изменилось. Публика, приезжающая на Воды, довольно разнородная, но доминируют уже не люди советской эпохи, «одетые в больничные халаты санаториев», а представители так называемого среднего класса, которые ещё посещают отечественные здравницы, в отличие от более респектабельных россиян, имеющих возможность провести свой отпуск в Карловых Варах, на Мальдивах, в Италии и прочих престижных курортах. Ну, а те самые «представители» заметно отличаются от прочего курортного населения и одеждой, приобретённой в дорогих бутиках, и «навороченными» сотовыми телефонами, и сверхсовременными видеокамерами, и манерой держаться независимо-высокомерно. Это уже не «ожиревшие женщины», пытающиеся избавиться от многочисленных недугов, а холёные дамы с покушением на аристократизм манер или гламур, что, впрочем, для них одно и то же. Многие испытывают на себе всевозможные новомодные диеты и потому удивляют друг друга стройностью. Их мужья или любовники тоже поддерживают себя в тонусе.

Мы отдыхали в санатории «Тарханы» — здравнице российского значения. В своё время он был построен для пензенских колхозников, сейчас же здесь пребывает самая разнообразная публика. В «Тарханы» можно попасть, оплатив день пребывания суммой от 2000 до 2700 рублей. На сайте о санатории сообщается, что в нём лечат от разных заболеваний: болезни суставов, органов пищеварения, нервной системы и др. Есть спортивно-оздоровительный комплекс, где отдыхающих ждут бассейн, залы для игры в волейбол и баскетбол. В «широкой гамме представлены» парикмахерская, мини-магазины, аптека, газетный и сувенирный киоски. «Содержательный» досуг состоит из танцев в танцевальном зале, просмотра телепередач, посещения баров... И лишь в конце информации о санатории на его сайте есть скромное добавление: «Неизгладимое, волнующее впечатление у отдыхающих оставят экскурсии и прогулки по лермонтовским местам». Действительно, отдыхая в санатории, мы смогли заказать экскурсии по местам, связанным с пребыванием Лермонтова в Пятигорске. Побывали у памятника поэту, несколько раз поднимались к беседке с поэтичным названием «Эолова Арфа», видели грот Дианы, где Лермонтов был на балу с друзьями за неделю до своей гибели, и грот Лермонтова, который упоминается в романе «Герой нашего времени», были на месте дуэли поэта с Мартыновым.

Пребывая в Пятигорске, мы не могли не вспомнить ещё одного писателя-экспериментатора XX века — Велимира Хлебникова. Мотивы времени были близки Хлебникову не только потому, что он принадлежал к литературному течению футуристов, гордо именуя себя «будетлянином», но и потому, что он всю свою жизнь был одержим идеей постижения законов Времени. В зрелый период жизни в его произведениях звучит тема пророчества. Поэт создаёт поэму «Зангези», где появляется герой — выразитель мировоззренческих установок автора, который ощущал дыхание времени, приносящего «вещие звуки мирового языка». Это язык звёзд. Хлебников сочинил азбуку этого языка

и предложил человечеству «законы времени». Смысл этих законов заключается в том, что все исторические события с определённой периодичностью повторяются. Кроме того, Хлебников предстаёт перед читателями смелым экспериментатором в области языка, вводя в ткань художественного текста элементы научного стиля, фрагменты религиозных и фольклорных текстов. На страницах его творений («сверхповестей») вступают в диалог современные ему общественные деятели и исторические персонажи, реальные и вымышленные фигуры, звери и птицы, его произведения «складываются из самостоятельных отрывков, каждый со своим особым богом, особой верой и особым уставом». В своих «Досках судьбы» Хлебников исчислил точное время жизни цивилизации ещё до Тойнби и Ясперса $10^3 + 10^4 + 11^5 = 742$ года 34 дня». Он пророчествует: «*Читайте, глаза, закон гибели царств*» (7, С. 164). И вновь вспоминается лермонтовское «Предсказание». Хлебников утверждает, что пророк думает о будущем как о прошлом. Он уже побывал в странах будущего и оттуда идёт к настоящему. Поэт пишет, что пророк говорит: «Я сделал» вместо «сделаю», направление его времени отрицательно к нашему». Хлебников ищет законы времени, законы судьбы, законы фатальных совпадений. Поэт предвосхитил то, что впоследствии у Л. Витгенштейна в его философии получило наименование «языковая игра» и что теперь уже стало общим местом и в литературе. Только поэт способен «вчувствоваться» в эпоху, адекватно воспринимать феномен социальной и природной реальности, интерпретировать категории, понятия и универсалии культуры, нагружая их соответствующим им смыслом, и создавать новые. По Хлебникову, поэзия как самостоятельное образование по отношению к литературе и живописи имеет в современной культуре прогностическую функцию. Поэт делает вывод: «*Язык будущего – язык видения самоточки, освещающей вещи... Это язык алгебры, так как за каждым звуком скрыт некоторый пространственный срез*» (7, С. 176). Тогда как Л. Витгенштейн считал, что главная цель труда художников и мыслителей – создать общий письменный язык – «язык науки». Через обращение к «языку богов», «звёздному языку», «языку птиц» Хлебников приходит к собственной концепции понимания языка будущего. Будучи новатором в области языка и литературы, исследуя время и его глубины, Хлебников многому учился у Лермонтова и восхищался его творчеством.

В стихотворении поэта «На родине красивой смерти Машуке», название которого построено на оксюмороне, появляется портрет Лермонтова, незримо присутствующего в Пятигорске. Сквозь дым от выстрелов и нагромождение туч появляются «*пророческие очи*», «*большие и прекрасные глаза*» и «*белый лоб широкой кости*». Намеренный повтор, использование контекстных синонимов вновь и вновь воскрешают знакомый портрет. В произведении узнаваемы многие образы из таких произведений Лермонтова, как «Кинжал», «Смерть поэта», «Завещание», «Кавказ», «Спор», что позволяет Хлебникову вести постоянный диалог с Лермонтовым. Хлебников почти не обращает внимания на синтаксис, создавая некую полифонию, показывая спрессованность времени, способность явлений и событий воскресать

и повторяются. Выразительные образы – «орлы и ныне помнят сражение двух желез», как небо «рокотало и вспыхивал огонь...», смелая антитеза – «сын земли с глазами неба» создают поистине акварельный портрет Лермонтова. И читатель явственно ощущает, что «глаза убитого певца и до сих пор живут, не умирая» и «до сих пор им молятся олени». Слово «глаза» в произведении употребляется Хлебниковым десять раз. «Вспышки гроз» воспринимаются как отблеск прекрасных глаз Лермонтова: «И были вспышки гроз / Прекрасны, как убитого глаза» (7, С. 19).

Клара Штайн в статье «Поэт железа» подчёркивает, что Хлебникову удалось показать «вневременное обитание Лермонтова на Кавказе». О магической силе взгляда Лермонтова, о незримом присутствии поэта среди нас упоминает и Д. С. Мережковский в статье «Лермонтов – поэт сверхчеловечества», замечая, будто бы у Лермонтова был такой «тяжёлый взгляд, что, на кого он смотрел пристально, тот невольно оборачивался. Не так ли мы сейчас к нему обернулись – невольно?»

Хлебникова, в отличие от Лермонтова, власть не преследовала и не ссылала, но он сам ехал то на юг, то на север, бывал в Персии, куда направлялся, но не доехал Печорин. Хлебников доехал и чудом возвратился из этой восточной страны. А погиб он на севере...

Летом 2013 года нам довелось побывать в Железноводске. Железноводск – одно из последних мест пребывания поэта. Железноводск раскинулся у подножия и на склонах Железной горы. В лермонтовские времена город только начинал расстраиваться. Лермонтов неоднократно приезжал в Железноводск из Пятигорска. Здесь он начал принимать ванны в июле 1841 года, закончив лечение в Пятигорске. Здесь побывал в день дуэли с Мартыновым. 15 июля поэт провёл здесь, в домике Рошке, последние часы перед дуэлью в обществе Екатерины Быховец и Льва Пушкина. Быховец вспоминает, что они вместе гуляли, обедали, но она ничего не знала о дуэли. «Уезжавши, он целует несколько раз мою руку и говорит: «Cousine, душенька, счастливее этого часа не будет больше в моей жизни...» Это было в пять часов, а <в> восемь пришли сказать, что он убит» (2, С. 316). И всё же поэт, вероятно, в глубине души надеялся, что ссора может закончиться примирением, ведь были даже приготовлены шампанское и угощение...

Память о Лермонтове хранится в Железноводске. На терренкуре, проходящем по горе Железной, установлены «вёрсты», отмечающие путь следования отдыхающих. На каждом из столбиков – «вёрст» – названия известных произведений поэта, строки из них, иллюстрации к ним. Так оригинально увековечены «Герой нашего времени», «Бородино», «Маскарад», «Три пальмы», «Мцыри».

...Обидно, что люди, далёкие от искусства, культуры, попытались оставить свой «след» на этих замечательных памятниках в виде царапин, «автографов»... Невольно вспоминается досада Пильняка, который отмечает в своём «Штоссе», что хоть и жив грот, «где Печорин встречался с Верой (...) но туда ходят писать на стенах похабные

слова и собственные имена похабников...» (6, т. IV. С. 79). К сожалению, память о себе можно оставлять и таким уродливым способом.

Заканчивается второе столетие без Лермонтова. Давно нет в живых Б. Пильняка и В. Хлебникова. Но их незримое присутствие ощущается, влияет на нашу жизнь. Оглядываясь в прошлое, мы видим, как над мраком безвременья 30-х годов николаевской России открывается звёздное небо лермонтовской лирики; разруху гражданской войны XX века, бесприютность и запустение чевенгурского «рая на земле» освещает нам звезда Хлебникова, а над бараками ГУЛАГа и свежерырытыми могилами политических заключённых встаёт «непогашенная луна» Б. Пильняка. Не в одно прошлое направлен льющийся свет, свет в конце тоннеля. Хочется надеяться, что он поможет России найти выход из череды несчастий и бедствий века XX и обрести своё предназначение. И прекрасно, что Лермонтов продолжает вести небесный диалог душ, светил (возможно, обращаюсь к Пушкину как к союзнику и другу – «и звезда с звездою говорит...»); Хлебников становится, подобно горьковскому Данко, путеводной звездой («ещё раз, ещё раз я для вас звезда»); Пильняк вновь зажигает «непогашенную луну», чтобы предупредить преступления против человечности. Выхватывая из мрака прошлого Мгновения, эти писатели делают их достоянием Вечности.

Миг и Вечность... Наука и философия давно пытаются примирить эти противоборствующие начала в рамках единой концепции или метода, но пока не преуспели в этом, а вот Лермонтову это удалось. Даже миг его смерти утвердился в грядущем. Его творчество остаётся разомкнутым в прошлое и будущее, а значит, время Лермонтова продолжается, в том числе в творчестве его последователей. Его роман и его жизнь, подобная роману, обнаруживают новую перспективу в судьбах русской литературы и культуры в целом. С точки зрения современной науки, объективно времени нет, а есть лишь «однообразная череда» веков, а вот человек вносит время в мир как нечто субъективное, становясь его героем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб: Азбука, 2000. С. 189.
2. Гусляров Е. Н. Лермонтов в жизни. М.: «Олма-Пресс», 2003. С. 316.
3. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 4 томах. М.: «Худож. лит.», 1976, т. 1. С. 244; т. 2. С. 56, 67, 57, 64; т. 4. С. 116, 119, 126.
4. Лермонтовская энциклопедия, под ред. В. А. Мануйлова. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 307.
5. Можейко М., Гришанов А. Постмодернизм. Энциклопедия. М.: Книжный Дом, Интернет-прессервис, 2001. С. 164.
6. Пильняк Б. А. Собрание сочинений в 6 томах, «Терра». – Книжный клуб, М.: 2003, т. 4. С. 79, 82.
7. Хлебников В. Творения. М.: Сов. Писатель, 1987. С. 153, 476.

**Адриано
дель'АСТА**

РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Когда заходит речь о религиозности Лермонтова (или любого другого поэта), нужно в первую очередь уточнить, что понятие «религиозность» не означает для нас утверждение абстрактной истины, философской или теологической – ведь поэт не теолог и не философ; не означает также и то, что поэт ведёт идеальный образ жизни и свидетельствует об этом – ведь поэт не является святым.

Под религиозностью мы понимаем набор ценностей (возможно, даже очень важных), а восприятие существования конечного, сущностного значения, определяемого не нами и даже не навязываемого нам; дающего нам, однако, возможность реализации нашей свободы, то есть той нашей способности, которая ставит нас выше любых других созданий на этой земле. Это тем не менее не означает, что религиозность, в своём строгом значении, исключает наличие ценностей или может обходиться без них. Но, если эти ценности не воспринимаются как отголосок самого главного смысла, не отсылают к этому последнему значению, тогда они «оставляют людей равнодушными и годятся только для какого-то частичного политического проекта», но ни в коем случае не для религиозного.

Это тем более верно после пришествия Христа: до Него, как говорил Владимир Соловьёв и как подтверждает история религий, божество было загадкой, навевающей страх тайной, которую искали и часто придумывали люди. После же пришествия Христа Господь оказался кон-

---

● Адриано дель'Аста – директор Итальянского института культуры в Москве, профессор Католического университета Милана, переводчик Н. Бердяева, В. Соловьёва, П. Флоренского, специалист в области русской литературы и философии.

кретным, присутствующим, с ним нужно считаться – он не придуман нами. Но это и не хозяин, превращающий нас в рабов, он, скорее, Человек, открывающий нам глубинный, высший смысл существования и дарующий нам спасение.

Если перейти из религиозной сферы в литературную, то следует заметить, что и в литературе можно найти такие же отношения между произвольностью воображения и рабством, накладываемым тяжестью событий – там, где взаимоотношения поэта с реальностью могут стать или романтическим бегством от реальности, или романтической выдумкой реальности, или реалистическим сведением реальности к чистому событию. Как и в случае с религиозностью, когда можно было вырваться из диалектики произвольности и рабства с помощью образа Спасителя, так и здесь можно обойти данную диалектику посредством идеи искусства, которое не ограничивается тем, что изобретает другой мир или страдает от жестокости событий, а заново открывает значение реальности, показывает её вечную или скрытую красоту. Задачей художника, как говорил Андрей Тарковский в своём последнем интервью, является свидетельствование истины посредством красоты.

Обладает ли чем-нибудь подобным Лермонтов?

Мы могли бы ответить, развивая бесконечную тему отношений романтизма и реализма, но сейчас у нас нет для этого времени. Ограничимся лишь некоторыми размышлениями о стихотворениях.

Что представляет собой «Дума» – романтический приговор реальности? А потом этот приговор с помощью неизвестно какой загадочной силы превращается в реальный призыв к мятежу? В этом смысле мы читаем «Прощай, немытая Россия»:

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.*

Но как совместить эти строки с другими стихами, в которых Лермонтов, кажется, принимает и любит ту же самую Россию? Ту же самую Россию, о которой он говорит:

*С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.*

Из этой диалектики можно выйти самым естественным образом, как только мы поймём, что всё творчество Лермонтова отмечено осознанием некоего присутствия, чего-то преобразующего реальность (в сущности своей абсолютно бедную и предназначенную на смерть) в нечто чарующее и бесконечное.

В сердце человека и тем более в сердце поэта присутствует чувство бесконечности, ощущение величественности природы: *«Синие горы Кавказа, приветствую вас! Вы взлелеяли детство моё; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтаю об вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!..»*

Это чувство бесконечности и величественности является как чувство правды:

*Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, течение века
Объемлет в краткий миг оно.*

*И Всемогущим мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,
И осуждён страдать я долго в нём,
И в нём лишь буду я спокоен.*

И так эта правда существует, мы ищем её, тоскуем по ней:

*Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала.*

И эта тоска, это искание является вполне разумным, иначе Бог «в нашу душу б не вложил» эти «желанья»:

*Когда б в покорности незнания
Нас жить Создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.*

И вот почему является возможным и счастье:

*И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога!..*

Конечно, смерть нас ожидает, одной реальности мало, она не самодостаточна, но и нет причины избегать и отрицать её, потому что внутри её есть то, что отсылает к её вечной и глубокой сущности, и благодаря этому мы можем найти в Лермонтове ту настоящую религиозность, о которой мы говорили в начале.

В произведениях Лермонтова есть жажда лучшего мира, как есть в них и протест против мира, давящего на поэта, но эта жажда не романтическая мечта, а этот протест не только восстание раба.

Давайте прочтём одну из последних страниц «Героя нашего времени»: *«Но зато какую силу воли придавала им уверенность, что целое небо с своими бесчисленными жителями на них смотрит с участием, хотя немым, но неизменным!.. А мы, их жалкие потомки, скитающиеся по земле без убеждений и гордости, без наслаждения и страха, кроме той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастья, потому что знаем его невозможность и равнодушно переходим от сомнения к сомнению, как наши предки бросались от одного заблуждения к другому, не имея, как они, ни надежды, ни даже того неопределённого, хотя и истинного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или с судьбою...»*

Это почти те же самые слова, что мы читаем и в «Думе», но добавляется и новая фигура, открывающая пространство и возможность жизни, — это фигура веры, присутствие её в человеке, в истории человека, это нечто, что позволяет жить дальше.

Конец возвращается к началу, к истокам поэтических шагов Лермонтова с помощью образа ангела:

*По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел,
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.*

*Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.*

*Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.*

*И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

Но это религиозное значение начала вновь отсылает нас к концу, и в последние годы наполняется серьёзными теологическими характеристиками:

*Когда одни воспоминанья
О заблуждениях страстей,
Наместо славного названья,
Твой друг оставит меж людей, —*

*И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролася любовь, —*

*Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя, —*

*Того, кто страстью и пороком
Затмил твои молодые дни,
Молю: язвительным упрёком
Ты в оный час не помяни.*

*Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас Иной
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.*

То, что в «Герое» могло ещё считаться неэффективным (без действительности), суеверием, на этот раз становится эффективным и историческим образом Того, Кто может простить, потому что Он и Сам страдал: это образ, в котором обычная, естественная набожность дополняется благодаря образу самого страдающего, который нам передаёт религиозное, позитивное, чисто христианское откровение.

**Николай
Серафимов**

ПОЕДИНОК ЛЕРМОНТОВА У ПЕРКАЛЬСКОЙ СКАЛЫ

Дуэль как уникальный феномен занимает значительное место в русской дворянской культуре восемнадцатого-девятнадцатого веков. Почти все русские писатели отразили в своих произведениях это общественное явление, ставшее символом благородства и чести. Исключением не были и художники, проявлявшие интерес к дуэльной теме. Илья Ефимович Репин написал несколько картин, воссоздающих поединки на пистолетах, и мастерски показал драматизм переживаний всех участников: ненависть противников, ужас от случившейся трагедии, раскаяние и примирение.

В советское время представления о дуэли были приблизительны и в значительной степени неверны. Поэтому описание дуэли Лермонтова в Пятигорске преподносилось в литературе с грубыми ошибками и фантазиями.

Чтобы с высокой степенью достоверности реконструировать картину всего произошедшего на дуэли Лермонтова с Мартыновым в Пятигорске, необходимо опираться на материалы следственного дела о поединке, биографическую книгу П. А. Висковатова «Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество», а также – на знание русских дуэльных традиций середины девятнадцатого века. И тогда течение трагического события в тот роковой для Лермонтова вечер 15/27 июля 1841 года будет выглядеть так.

Между шестью и семью часами пополудни (местного астрономического времени) все участники дуэли собрались на дороге у юго-восточного склона горы, сейчас именуемой

-
- Николай Михайлович Серафимов родился в 1941 году в Пятигорске. Окончил Ленинградский институт точной механики и оптики. По специальности – морской артиллерист. Изучал баллистику. Автор статьи «О траектории пули, смертельно ранившей М. Ю. Лермонтова» и книги «О месте дуэли М. Ю. Лермонтова» (2009). Автор статей по краеведению, опубликованных в журналах «Сура», «ЖУК», «Филокартия» и пятигорских газетах. В журнале «Волга–XXI век» публикуется впервые.

Перкальской скалой, при подножии Машука. В пересчёте на нынешнее летнее поясное время следует прибавить один час. Место сбора у Перкальской скалы расположено верстах в четырёх от Пятигорска (в границах середины девятнадцатого века).

В качестве секундантов дуэлянты выбирали людей наиболее для себя близких, на помощь которых в трудную минуту можно было рассчитывать, способных защитить их интересы, не давая преимущества по условиям поединка противнику. Мартынов предложил секундантскую миссию проживавшим с ним по соседству корнету Глебову и титулярному советнику князю Васильчикову. Лермонтов выбрал секундантами капитана Столыпина и корнета князя Трубецкого. Выбор его понятен и закономерен. В Пятигорске он со Столыпиным жил в одном домике. Столыпин был родственником и другом Лермонтова, к тому же был опытным секундантом, так как ранее выполнял эту почётную роль в первой дуэли Лермонтова с Барантом. Трубецкой был приятелем Лермонтова по общей молодёжной компании.

Оба секунданты находились в опале у властей за дисциплинарные нарушения, и, по договорённости с секундантами Мартынова, в случае результативной дуэли участие их на ней должно быть скрыто. Использование одного общего секунданта в дуэльной практике почти никогда не случалось из-за большого количества недостатков поединка такого рода. Они следующие. Беспристрастность секунданта может подлежать сомнению. В разрешении трудных спорных вопросов объективность могла быть им не обеспечена. Бесконтрольная зарядка оружия чревата ошибкой или фальсификацией. Свершение секундантом акта возмездия по отношению к дуэлянту, убившему соперника не по правилам поединка, становится невозможным, так как тот является его подзащитным. Как представить двух убитых дуэлянтов при одном живом секунданте и в отсутствие свидетелей? Нонсенс! Поэтому наличие секундантов с обеих сторон давно закрепились в дуэльной традиции.

Сословное и возрастное равенство всех участников дуэли соответствовало дуэльным правилам. Все четверо секундантов находились между собой в дружеских отношениях, и границы отчуждения из-за разного представительства интересов конфликтующих сторон у них не было. Врач на поединок приглашён не был, так как участие врача на поединках было необязательным. В случае тяжёлого ранения врач был бессилён. При лёгком ранении секунданты оказывали помощь сами.

Теперь оставалось выбрать территорию, на которой боевые позиции дуэлянтов были бы равными. Она должна была быть открытой и с твёрдой почвой, без рытвин и травы, чтобы нельзя было споткнуться. Секунданты выбрали поляну, лежащую после прохождения дороги между горой Машук и небольшой горой (Перкальской скалой). Через поляну шла дорога на север, в немецкую Николаевскую колонию. При такой направленности дороги опускающееся на западе солнце не мешало прицеливанию. Прочие факторы: погодные условия, освещённость в вечернее время суток – были для дуэлянтов равными.

Секундант Глебов отмерил на дороге расстояние в десять шагов. По мнению некоторых лермонтоведов, эта короткая дистанция была выбрана с целью оказания психического воздействия на якобы трусливого Мартынова, чтобы добиться мирного окончания поединка. Предположение это надуманное. Трудно представить себе трусом представителя дворянской воинской касты, дослужившегося до майора, награждённого орденом Анны третьей степени с бантом за отличие в бою, участника кровопролитных сражений на Кавказе, человека, поставившего на карту свою жизнь вызовом на поединок опытного дуэлянта и воина, который никаких векселей о стрельбе мимо цели не подписывал.

Дуэльный барьер в 8–12 шагов считался нормальным для русской дуэли. При большей дистанции дуэль теряла серьёзный смысл. Меньшие расстояния тоже не были редкостью. Дистанция в 8–12 шагов уравнивала шансы плохо стреляющего участника с метким противником и делала дуэль результативной. Стрелковое мастерство тут уже не играло роли.

Русские литературные классики хорошо знали дуэльные правила и своих литературных героев-дуэлянтов ставили на это расстояние. У Пушкина Онегин и Ленский стрелялись на двенадцати шагах. (Сам Пушкин на дуэли с Дантесом стрелялся на десяти шагах.) Толстой Безухова и Долохова поставил в десяти шагах. Тургенев Базарова и Кирсанова – тоже в десяти. Достоевский Ставрогина и Гаганова – в двенадцати шагах. Только Лермонтов в необычной дуэли Печорина и Грушницкого расставил на шести шагах, что при вытянутой руке с пистолетом сокращало полёт пули до четырёх шагов. И такое в русской дуэльной истории частенько случалось.

Инициативный секундант Столыпин с отмеренным Глебовым отрезком дороги в десять шагов не согласился и, делая большие шаги, увеличил барьерную дистанцию до пятнадцати шагов. Увеличивать её до двадцати-двадцати пяти шагов он не рискнул, чтобы не превращать дуэль в смешную пародию и этим не бросить тень обвинения в трусости на своего подопечного Лермонтова. Глебов и прочие секунданты против увеличенной, значит, и более безопасной дистанции возражений не имели, так как, по сути, выступали одной общей командой, признавая главенствующую в ней роль капитана Столыпина. Кровавый исход поединка между близкими для них товарищами им был совсем не нужен, и они надеялись на его бескровное окончание с заключительной пирушкой в ресторации или духане. Пятнадцатипятишаговый барьер был отмечен фуражками, от которых ещё в каждую сторону было отмерено по 10 шагов для обозначения начальных боевых позиций. Какую позицию кому занять, разумеется, было определено жребием. Документы об этом не сообщают как о саморазумеющемся факте. Лермонтову досталась позиция от юга к северу, а Мартынову – от севера к югу.

По правилам дуэли всевозможные предметы, находящиеся в одежде дуэлянта и способные задержать или изменить ход пули, должны были быть удалены. Мартынов, известно, сбросил с себя черкеску, в которую был одет, чтобы газыри не смогли защитить его

от пули. (Позднее Мартынов послал за ней своего слугу.) Возможно, снял с себя сюртук и Лермонтов, оставшись в шёлковой (канаусовой) рубашке. Долг чести требовал равноценного поступка, хотя при пистолетной дуэли допускалось оставаться в обыкновенной одежде.

Для дуэли были взяты гладкоствольные капсюльные пистолеты работы, по всей вероятности, оружейного мастера Андреаса Кухенройтера. Зарядку пистолетов на дуэли сделали секунданты Глебов и Васильчиков, которые под наблюдением остальных секундантов выполнили эту очень ответственную работу. Производилась она следующим образом. Из пороховницы в мерный стаканчик засыпался порох, из которого уже в дуло пистолета он пересыпался. Похоже, что, по общей договорённости секундантов, в пистолеты был засыпан повышенный заряд пороха. Какую цель могли преследовать секунданты при этом? Сугубо практическую.

Крови близких товарищей они не жаждали, наказания себе и карьерного краха тоже. Усиленный заряд пороха увеличивал силу отдачи при выстреле, тем самым, понижая его точность. Кроме того, в случае попадания пули ранение становилось сквозным, а не слепым (то есть без выхода пули из тела). Слепое ранение считалось более опасным. (Слепое ранение было у Пушкина. Пуля, повредив кишечник, застряла у него в костях таза. Извлечь пулю было невозможно из-за низкого уровня развития медицины в то время, и Александр Сергеевич скончался от перитонита.) Далее на дуло заряжаемого пистолета, направленного вверх, накладывался просаленный квадрат суконного или шерстяного пластыря с размером стороны в 30–40 мм. Бумага в качестве пластыря не использовалась не из-за своей высокой стоимости в то время, а по причине низкой прочности, а главное – гигроскопичности. После этого шариковая свинцовая пуля помещалась на пластырь в дульную лунку. Если не удавалось вдавить пальцем пулю в дуло из-за толщины пластыря, то ударом деревянного молоточка, прилагаемого к оружию для зарядки, пуля вгонялась заподлицо с дульным срезом. В глубь ствола пуля погружалась уже с помощью шомпола. Ударами молоточка по шомполу пуля с натягом доходила до порохового заряда, упираясь в него.

Всё. Пистолеты заряжены и к бою готовы. Была сделана задача пистолетов, которые следовало держать вначале дулом вниз, но ни в коем случае не в направлении своего противника.

Посоветовавшись, секунданты уточнили условия поединка. Дуэлянты, ознакомленные с условиями, обязаны были действовать по командам секунданта – руководителя дуэли. Право первого выстрела никому не было предоставлено. И это было разумное решение, свидетельствующее о беспристрастности секундантов. Предпочсть одного своего товарища другому для них было невозможно. К тому же им было затруднительно определить инициатора дуэли, так как формальный вызов сделал Мартынов, а Лермонтов – неформальный из-за уязвленного самолюбия, которое не позволило выслушивать нотацию от Мартынова, обиженного им насмешкой на вечеринке в доме Верзилиных в присутствии дам. (Насмешка послужила серьёзным поводом для разгорающегося между друзьями конфликта. В ходе конфликта

Лермонтовым в состоянии нервного возбуждения было неосторожно брошено Мартынову предложение вызвать его на дуэль. В запальчивости прозвучавшие слова Лермонтова и стали катализатором той реакции Мартынова, приведшей к обоюдоопасной акции. Это предложение поставило Мартынова в очень сложное и трудное положение. Он был загнан в угол. Отказаться ему, обиженной стороне, от предложения дуэли означало расписаться в трусости и тем самым обречь себя на вечное презрение в глазах Лермонтова и офицерского дворянского общества. Потерять лицо Мартынов никак не мог, и поэтому ему ничего не оставалось делать, как прислать к Лермонтову своего секунданта с просьбой дуэльного удовлетворения.

Секунданты пытались примирить друзей, но Мартынов считал, что не он первый произнёс слово «дуэль», а Лермонтов – что не он посылал секунданта. Самолюбие не позволило никому из них сделать первому навстречу друг к другу шаг, чтобы потушить ссору. Разрешить эту тупиковую ситуацию, к сожалению, секундантам не удалось.

Осечка должна была считаться за выстрел. По команде руководителя поединка дуэлянты могли сходить к барьера или оставаться на месте и далее открывать стрельбу между командами: «Два» и «Три». Между этими двумя командами был установлен какой-то промежуток времени в несколько секунд. По традиционному правилу он не мог составлять более одной минуты. Но секунданты не останавливали поединки, если дуэлянты не укладывались в оговорённый норматив времени, определяемый по субъективному ощущению, и, как правило, не торопили их с выстрелами в разумных пределах, чтобы не выглядеть мелочными.

Секунданты расположились между восточной стороной Перкальской скалы и отрезком дороги с дуэлянтами, на параллельной ему линии, удалённой на 5–7 шагов для безопасности. Расположение секундантов диктовалось рельефом местности и удобной освещённостью дуэльной обстановки.

Столыпин предупредил Лермонтова, что Мартынов относится к дуэли очень серьёзно и решительно. На это сообщение Лермонтов только презрительно усмехнулся. Он был сдержан.

По правилам дуэли у каждого из противников поблизости должен находиться секундант противной стороны. Васильчиков, выдав пистолет Лермонтову, стал вблизи него на секундантской линии. Это позволило ему хорошо видеть и запомнить все те чувства, которые отражались на лице Лермонтова в тот момент. Глебов и Столыпин, как наиболее инициативные секунданты, расположились напротив барьерного отрезка дороги, а Трубецкой вблизи Мартынова.

Все участники поединка заняли свои места. Можно было начинать. Руководил дуэлью более опытный и, согласно субординации, самый старший по званию среди секундантов – капитан Столыпин. (Позднее на следствии миссию руководителя дуэли вынужден был взять на себя корнет Глебов, так как участие Столыпина и Трубецкого необходимо было скрыть.) Столыпин скомандовал: «Сходись!» Мартынов быстро выдвинулся к барьеру и навёл пистолет на Лермонтова. Это был приём опытных дуэлянтов, оказывающий психоло-

гическое воздействие на противника. Он давал и тактическое преимущество, так как позволял, стоя на месте, прицеливаться и стрелять в приближающегося противника, для поражения удобно развёрнутого грудью, а не боком, и к тому же вынужденного для опережения уже стрелять на ходу. Такой тактический приём часто применял в своих поединках Александр Сергеевич Пушкин.

С моральной точки зрения Лермонтов находился в более невыгодном для дуэлянта положении, так как считал Мартынова оскорблённой стороной, а значит, и никакой причины для стрельбы в него не было.

Убить Мартынова и в течение жизни мучиться вопросом: «За что его убил?» – и не находить на него ответа Лермонтов никак не мог. Поэтому Лермонтов предпочёл подвергнуть смертельной опасности свою жизнь, но не жизнь товарища. Современному человеку трудно представить такую нравственную позицию. Она ему может показаться нелепой и безрассудной. Но за этой позицией стояли мужская доблесть, личное достоинство и честь, ценность которой была для Лермонтова дороже жизни. Лермонтов, как и Пушкин, был невольником чести. Точка зрения Мартынова была совершенно иной. Убить обидчика за нанесённое оскорбление для него означало исполнить свой долг чести. В этом заключалась суть любой дуэли. Ни один из них как дворянин не мог допустить, чтобы его честь подверглась бы малейшему сомнению.

Лермонтов разгадал тактический приём Мартынова и, чтобы не быть удобной мишенью, остался на месте. Он принял позу опытного дуэлянта, повернувшись правым боком к Мартынову и прикрываясь согнутой в локте рукой с пистолетом, направленным вверх. Желания убить и быть убитым у Лермонтова не было. В жизненных планах у него была отставка. Военной службой поэт тяготился. Дисциплинированностью на ней он порой не отличался. Из-за этого недостатка Лермонтов был лишён награждения орденом Святого Станислава 3-й степени за отличие в сражении при реке Валерик в отряде Галафеева, куда он выхлопотал себе командировку, вместо выполнения приказа, предписывающего ему прибытие на Черноморье, в Тенгинский полк. После отставки Лермонтов мечтал заняться любимым литературным творчеством. В близкую смерть ему не верилось.

Появившееся в настоящее время великое множество разного рода колдунов, магов, экстрасенсов и телепатов с помощью средств массовой информации культивирует дремучие суеверия, в сетях которых оказались и некоторые лермонтоведы. По их мнению, Лермонтов обладал даром ясновидения, существование которого наукой не подтверждается, и свою скорую смерть предвидел. В качестве доказательств эти лермонтоведы опираются на некоторые произведения поэта, которые они толкуют в пользу своих суеверных представлений о наличии ясновидения, предвосхищения. Произведения Лермонтова могут лишь свидетельствовать о проявляемом им интересе к фатализму, телепатии, и только. Как всякий воин, находящийся в зоне военных действий на Кавказе, или дуэлянт, вступающий на боевую позицию, Лермонтов хорошо осознавал высокую вероятность гибели. И

это имеет отношение, скорее, к математической теории вероятности, чем к ясновидению.

Ближе всех стоявший к Лермонтову князь Васильчиков вспоминал: «...никогда не забуду того спокойного, почти весёлого выражения, которое играло на лице поэта перед дулом пистолета, уже направленного на него».

Между тем Столыпин скомандовал: «Раз! Два! Три!» Но в разрешённый для стрельбы отрезок времени – «два» и «три» – никто не выстрелил. Решиться на выстрел из наведённого уже в противника пистолета Мартынов не смог. Он испытывал сложные чувства и медлил. Нервное напряжение нарастало. Время шло. Гроза приближалась. Темнело. С минуты на минуту мог хлынуть ливень. Непогода торопила секундантов как можно скорее закончить поединок. Ждать выстрелов уже было нельзя. В этой сложной обстановке Столыпин, пользуясь прерогативой руководителя, скомандовал: «Стреляйте! Или я разведу вас!» Этого импульса было достаточно, чтобы Мартынов нажал на спусковой крючок пистолета. Стрелял он прицельно. Стрелять первому мимо цели означало быть обвинённым в трусости и в попытке сорвать дуэль. Кроме того, Мартынов хорошо понимал, что, в случае своего промаха, Лермонтов по праву дуэлянта мог подойти к барьеру и с близкого расстояния расстрелять его. Отступать Мартынову было некуда. Прогредел выстрел. Пуля попала Лермонтову в подреберье правого бока и в результате своего поступательно-вращательного движения, поднимаясь по закону баллистики, вышла через левый бок в районе пятого-шестого ребра и далее повредила левое плечо. Лермонтов упал как подкошенный. Пуля травмировала жизненно важные внутренние органы и кровеносные сосуды.

Подобного исхода никто из присутствовавших не ожидал. Испуганные и растерянные, все бросились к истекающему кровью Лермонтову, который быстро скончался. Васильчиков вспоминал: «В правом боку дымилась рана, в левом – сочилась кровь, пуля пробилась сердце и лёгкие». И для самого Мартынова такой исход был потрясающим. Поражённый трагическим финалом, он бросился к Лермонтову, поцеловал его и с чувством искреннего сожаления попросил: «Миша! Прости мне!» Поединок по правилам чести состоялся.

Пистолет, оставшийся в руке у Лермонтова, следовало разрядить для безопасности. Разрядка пистолетов обычно осуществлялась с помощью приспособления, именуемого крейцером, входящим в набор инструментов и приспособлений, прилагаемых к оружию. Крейцер представлял собой металлическую цилиндрическую головку с рукояткой как у шомпола. В центре головки был миниатюрный штопор, а по краям головки имелись диаметрально расположенные два острых коротких шипа, напоминающих штопорное жало. Крейцер погружался в ствол пистолета до упора, делался поворот с нажимом, чтобы штопор и шипы впились в шариковую свинцовую пулю, после чего пуля извлекалась.

Уже начиналась гроза. Времени на подобную процедуру не было, и Васильчиков, пока хлынувший дождь не замочил пороховой заряд, разрядил пистолет в воздух. Об этом он сообщил следствию. Это

свидетельствует, что у Лермонтова никакой осечки не было, что он не нажимал вообще на спусковой крючок. О том, что у Лермонтова не было осечки, подтвердил на следствии и сам Мартынов.

Было семь часов послеполуденного времени, когда Лермонтов скончался. Убитый горем, Глебов взял свою шинель, лежащую на жёстком сиденье дрожек, на которых приехал, и накрыл ею тело друга, защищая от хлынувшего ливня. Голову его положил себе на колени.

Мартынов, вскочив на коня, помчался в Пятигорск, чтобы заявить военным властям о случившейся трагедии и сдать под арест. Васильчиков отправился в город за доктором и экипажем, но возвратился ни с чем. Тогда за дело взялись Столыпин с Глебовым. Им удалось организовать перевозку тела Лермонтова на телеге его кучером Иваном Вертюковым и слугой Мартынова Ильёй Козловым после окончания грозы. В условиях непогоды, темноты (в Пятигорске 15/27 июля заход солнца в 19 часов 38 минут или в 20 часов 38 минут летнего времени), раскисшей от дождя дороги сделать это было непросто. На следствии Глебов участие Столыпина в этой акции скрыл.

В 10 часов вечера тело Лермонтова привезли к дому. Висковатов писал: «...смоченный кровью и омытый дождём труп был привезён на квартиру и положен на диван в столовую, где ещё недавно у открытого окна по утрам работал поэт, слагая или исправляя свои чудные песни (...) Бледный, истекший кровью, с улыбкой презрения на устах, в «исторической» канаусовой рубашке, смоченной кровью, лежал Михаил Юрьевич».

Хоронили Лермонтова через день, 17/29 июля, на кладбище. На похоронах были представители всех полков, в которых служил Лермонтов. Почти весь Пятигорск провожал его в последний путь. Гроб друзья несли на руках. Лермонтова любили. Васильчиков, вспоминая о поэте, сказал: «Для всех нас он был офицер – товарищ, умный и добрый, писавший прекрасные стихи и рисовавший удачные карикатуры».

Составленная словесная картина реконструкции поединка у Перкальской скалы не претендует на всеохватывающее, подробное описание. При малом количестве существующей информации, к тому же содержащей противоречивые сведения, невозможно точно до мелочей описать течение трагического события. Воспоминания только одного участника дуэли, Васильчикова, представляют собой несколько вариантов версий, разнящихся между собой. На дуэли, потрясённый случившимся, он видел одно, на следствии, скрывая участие Столыпина и Трубецкого, ему пришлось корректировать виденную картину, а спустя 30 лет его память различия между первым, виденным, и вторым, рассказанным, уже плохо ощущала. Кроме того, в ретроспективе Васильчиков стал понимать громадную вину и ответственность секундантов за смерть не просто своего приятеля, а великого поэта. В том двадцатилетнем возрасте ощущения смертельной опасности, нависшей над товарищами, у них не было. Секунданты легкомысленно отнеслись к случившемуся конфликту, не проявили большого усердия, не предприняли активных мер, не исчерпали всех возможностей для примире-

ния сторон. Поэтому Васильчиков для облегчения своих переживаний и ослабления угрызений совести выстраивал картину воспоминаний так, чтобы чаша вины качнулась в сторону Мартынова. Васильчикову была далеко не безразлична оценка той роли, которую вынесет история секундантской команде.

Принимая во внимание вышесказанное, для реконструкции дуэли были использованы факты, имеющие документальное подкрепление или логическое обоснование. Сообщения, достоверность которых сомнительна или не поддаётся разумному и обоснованному подтверждению, были из реконструкции исключены.

В 1939 году в парижской эмигрантской газете «Возрождение» № 4153 были напечатаны воспоминания княгини С. Н. Васильчиковой о рассказе своего покойного мужа Б. А. Васильчикова (младшего), услышанном им от отца-секунданта, о якобы кокетливо сделанной Лермонтовым громогласной грубости на дуэли: «Я в этого дурака стрелять не буду!» Поверить в этот неоднократный пересказ события почти столетней давности невозможно. Лермонтов был боевым офицером, а не жеманной барышней. Воспоминания княгини с лёгкостью, без критического анализа были восприняты уверовавшей в них общественностью, настроенной предвзято против Мартынова. Но выглядит это воспоминание недостоверным по нескольким причинам. С какой силой надо сотрясать воздух, чтобы эту трусливую декларацию услышал Мартынов, стоящий в тридцати пяти шагах от Лермонтова? Разве мог честолюбивый Лермонтов позволить свидетелям дуэли усомниться в личном бесстрашии, ведь его реплика могла быть расценена как призыв Мартынова к аналогичной ответной реакции? Как Лермонтов, слагавший утончённо-изящные, насмешливые эпиграммы, мог опуститься до такого вульгарного и низкого интеллектуального уровня? Ритуал требовал, чтобы дуэлянт держал себя в руках, был спокоен и не показывал своих эмоций. Лермонтов безупречно следовал ритуалу.

В следственных показаниях Мартынов рассказал об остротах, колкостях и насмешках, отпускаемых Лермонтовым в его адрес ранее, до дуэли, но о грубом оскорблении Лермонтовым на дуэли в присутствии секундантов он ничего не говорил. Хотя в интересах Мартынова имело бы смысл сообщить об этом следствию, которое это тяжкое оскорбление могло дополнительно учесть как обстоятельство, смягчающее вину Мартынова. На следствии именно этого и добивался Мартынов.

Суды на дуэли смотрели неоднозначно. С одной стороны, они наказывали за убийство на поединке, а с другой стороны – признавали, что оскорблённое чувство чести обязательно следует принимать во внимание для вынесения справедливого приговора. Ещё можно добавить, что вряд ли Мартынов после такого грубого оскорбления его достоинства, ранее никогда не слышанного от Лермонтова, бросился бы с поцелуем и просьбой прощения к нему.

Нельзя поверить и воспоминанию самого Васильчикова о выткнутой вверх руке Лермонтова с пистолетом. Воспоминание может толковаться не в пользу Мартынова. Вспомнил он это только после смер-

ти Мартынова, когда возразить последний уже не мог. Такой выразительный жест расценивался бы как намёк Лермонтова на пощадку.

К тому же этот жест капитуляции был бы оскорбителен для Столыпина и Трубецкого, согласившихся представлять интересы благородного и смелого дуэлянта, а не трусливого уклониста. Компрометировать своих друзей Лермонтову не позволило бы его обострённое чувство чести. Бесстрашно выдерживать выстрел противника – Лермонтову было не привыкать. Это он доказал на дуэли с Барантом.

Место с юго-восточной стороны Перкальской скалы, где пятигорская земля приняла пролитую кровь Лермонтова, к сожалению, по сей день не освящено памятным знаком. Наличие памятного знака заключало бы в себе не только дань уважения великому поэту, но и принесло бы практическую пользу всему лермонтоведению, очистив его частично от мифотворчества, ставшего сейчас в этой области почти модой. Любой человек, находящийся у памятного знака, мог бы убедиться, что попасть в левый бок Лермонтова, стреляя с вершины Перкальской скалы, наёмному убийце невозможно. Поэтому все версии детективных заговоров во главе с царём и жандармами, или придворной знатью, или пятигорских недоброжелателей лопнули бы. Правильный текст на памятном знаке, с перечислением имён секундантов заглушил бы нелепые фантазии сторонников версий присутствия на дуэли одного секунданта или двух (со стороны Мартынова), или четырёх, да ещё и со зрителями. Дуэль не гладиаторское сражение, не рыцарский турнир, а глубоко личная и сокровенная акция. Само расположение памятного знака, удалённого почти на тысячу метров от существующего обелиска Лермонтову на Машуке, всё ещё ложно именуемого средствами массовой информации указателем места дуэли, могло бы остановить продолжающиеся и уже бессмысленные поиски места поединка.

Реконструкция случившейся трагедии в кратком, но вполне ёмком изложении могла быть представлена на памятном знаке так: «Место дуэли М. Ю. Лермонтова.

Здесь, на дороге в Николаевскую колонию у Перкальской скалы, 15/27 июля 1841 года великий русский писатель и поэт, поручик Тенгинского пехотного полка Михаил Юрьевич Лермонтов был убит на дуэли отставным майором Н. С. Мартыновым.

Секундантами у них были титулярный советник князь Васильчиков А. И., корнет Глебов М. П., капитан Столыпин А. А., корнет князь Трубецкой С. В.»

В 1947 году художник Б. Н. Бессонов написал картину дуэли Лермонтова в Пятигорске. Картина экспонируется в музее «Домик Лермонтова». Но место поединка и ритуальные подробности изображены на ней неправильно, без соответствия историческим документам. На картине Бессонова видно, что дуэль происходит не у Перкальской скалы, а на поляне вблизи существующего лермонтовского обелиска. Противники расставлены не на дороге в Николаевскую колонию, а на степной траве. Вектор противостояния дуэлянтов имеет

восточно-западное направление, а должен иметь меридиональное. На картине присутствуют только трое секундантов вместо четырёх, как должно быть. Двое секундантов отвернулись от дуэлянтов, словно не желая выполнять свою контролирующую миссию. Это недопустимо. Мартынов изображён в черкеске, хотя он её сбросил. Незаметно, чтобы барьерная и начальная дистанции были отмечены брошенными фуражками. Значение сабли, воткнутой в центре дистанции между дуэлянтами, не ясно. Но эти исторические погрешности несколько не снижают художественной ценности картины. Бессонов раскрыл зрителю своё видение этого страшного события, талантливо передав в ней ощущение тревожной, напряжённой обстановки за минуты до трагического финала.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Ракович Д. В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846, Тифлис, 1900.
2. Недумов С. И. Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь, 1974.
3. Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1987.
4. Алексеев Д. А. Дуэль Лермонтова с Мартыновым (По материалам следствия и военного дела 1841 г.). М., 1992.
5. Гордин Я. А. Дуэли и дуэлянты. СПб., 1996.
6. Коваленко А., Рябов Е. Газета «Кавказский край», статья «Точное место гибели Лермонтова». № 41, 10–17.10.1996.
7. Захаров В. А. Загадка последней дуэли. М., 2000.
8. Шелковникова Е. Д. Дуэль – лекарство от любви. М., 2001.
9. Серафимов Н. М. Журнал «ЖУК» № 3, «С открытками о дуэли Лермонтова». М., 2004.
10. Востриков А. В. Книга о русской дуэли. СПб., 2004.
11. Захаров В. А. Дуэль и смерть поручика Лермонтова. Нальчик, 2007.
12. Серафимов Н. М. О месте дуэли М. Ю. Лермонтова. СПб., 2009.

**Виталий
СЕРКОВ**

«По небу полуночи ангел летел...»

**Валерий Михайлов «Один меж небом и землёй.
О Лермонтове». Алматы: «Мектеп», 2011**

Анализировать книгу, которая сама не только является жизнеописанием поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, но и содержит глубокий анализ всего творчества, проведённый то в полемике, то в споре, то в сравнении с тем, что утверждали как доброжелатели, так и ненавистники Михаила Лермонтова, — задача не из простых.

Поэтому я, оставив аналитические выкладки учёным мужам, попытаюсь взглянуть на двухлетний труд Валерия Михайлова глазами рядового читателя. Скажу сразу, что указанные в конце книги сроки её написания (2010–2011), видимо, говорят только о том, что писатель в эти годы всего лишь оформил труд всей жизни в книгу. Уверен, что такую работу ни за два года, ни за пять лет написать невозможно, если не быть готовым к её написанию. По крайней мере, для этого надо не только любить поэта и его поэзию, но и понимать её. И абсолютно прав критик Пётр Поминов, написавший в статье «Выхожу один я на дорогу»: «Лермонтов дождался своего исследователя, братски близкого по духу, особенностям мироощущения и дарования, в основе которых, в общем, одиночество, а вернее, природная самодостаточность, позволяющая общаться с миром и обращаться к Богу напрямую, без посредников» (газета «День литературы» № 9, 2011 г.).

Не знаю, кто и как учил в школе Валерия Михайлова, но его книга открыла для меня поэта Михаила Лермонтова заново. Оказалось, что я до этого знал совсем другого поэта, помнил некоторые стихи его, но трактовал совсем иначе, чем это сделал Валерий Михайлов. И в который раз пришлось мне пожалеть, что хорошая книга, столь нужная человеку, занимающемуся творчеством, появилась так поздно. Ведь что мы помним из Лермонтова со школьной скамьи? Скорее всего, назо-

вём «Мцыри», «На смерть поэта», «Песнь про купца Калашникова», «Бородино» и «Демон». Да из прозы — «Герой нашего времени». И всё это не потому, что образ Печорина нам запал в душу или эти стихотворения являются главными или лучшими у Лермонтова. Всего скорее, эти произведения русского гения позволяли литературно-политической жандармерии, прикрываясь методологией преподавания материала, привлечь поэта на свою сторону, выдав некоторые строки поэта за богоборчество, а по сути — неправильно их толкуя, сделав из поэта борца за свободу, борца с царским режимом, основываясь лишь на том, что в стихотворении «На смерть поэта» были полные негодования строки: «А вы, надменные потомки / Известной подлостью прославленных отцов, / Пятою рабскою поправшие обломки / Игрою счастья обиженных родов!» И далее:

*Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и божий суд,
наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждёт;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперёд.
Тогда напрасно вы прибегнете
к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И не смоете всей вашей
чёрной кровью
Поэта праведную кровь!*

Правда о поэте была намного глубже и находилась совершенно в иных измерениях. Конечно же, мы с удовольствием учили наизусть «Бородино», поскольку чувства поэта совпадали с чувствами мальчишек, родившихся после очередной Отечественной войны, в которой

битва за Москву была одной из решающих, о чём мы знали с молодых ногтей. И не только потому, что слышали о Великой войне от учителей на уроках, но и потому, что рядом жили участники тех сражений, герои, которые ничем не отличались от твоего отца. Они были обычными тружениками. Ведь и «Бородино» было посвящено простым солдатам, народу, победившему орду Наполеона. Именно об этом говорит в своей книге «Один меж небом и землёй» В. Михайлов. Стихотворение было близко нам, не требовало особых объяснений и заучивалось с лёту.

Вынужден признаться, что ни в детстве, ни в юношестве, ни в более позднем возрасте я не был большим почитателем творчества М. Лермонтова. То ли он был слишком «небесный», то ли я был слишком земной. То ли не смогли мне открыть красоту и глубину его поэзии в юные годы так, как это сделал Валерий Михайлов. А суть-то в том и состоит, что на протяжении всей книги Валерий Михайлов показывает и доказывает неземную сущность поэзии Михаила Лермонтова, способность видеть то, что было в прежней жизни, задолго до рождения его на грешной земле. Да и будущее поэту открывалось до мельчайших подробностей. Читатель скажет: «Мистика!» Может быть, и мистика, но в одних случаях она подкреплена автором книги дневниковыми записями самого М. Лермонтова: *«Когда я был лет трёх, то была песня, от которой я плакал: её не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если б услышал её, она бы произвела прежнее действие. Её певала мне покойная мать»*, – в других случаях сама история России подтвердила пророчества поэта, как это случилось с падением монархии и последующим кровопролитием, предсказанным Лермонтовым с поразительной точностью. И, как пишет В. Михайлов: «Единственное его о матери воспоминание, записанное в пятнадцать лет. А в семнадцать лет появилось стихотворение «Ангел», навеянное этим воспоминанием. Это один из высших шедевров его лирики. Кстати, стихотворение первоначально называлось «Песнь ангела». Земная материнская песня словно воспаряет в небеса – и пробуждает в прапамяти небесную песню ангела.

*По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.*

*Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.*

*Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.*

*И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

Это, конечно, видение, чудесное видение, открывшееся душе. Святая ангельская песня, услышанная душой молодой, ещё летающей по небу полуночи на землю, в мир печали и слёз, – и песня матери, напетая младенцу, а быть может, слышанная им ещё до рождения, в звуках самого родного голоса: и та, и другая словно сливаются в глубине сознания, памяти и воображения в одно чудесное воспоминание – звуков небес».

Кто знает, запомнил бы эту песню юный поэт, если бы судьба не лишила его в раннем возрасте матери, не разлучила бы, по воле богатой бабушки, с отцом, то есть сделала его, по сути, сиротой. Да и стал бы ли М. Лермонтов поэтом, если бы жил в других условиях, окружённый лаской и заботой родителей? Скорей всего, стал бы, но не тем поэтом, какого мы знаем. Надо было достаточно душе пострадать, укрывшись от мира разного рода шалостями в детстве, язвительностью в более поздние лета, чтобы рано сформировать те чувства и мысли, которые при сильнейшем внутреннем сосредоточении позволили поэту слышать звуки не совсем земного происхождения. А вот сам процесс формирования поэта от современников был скрыт, и появление зрелых его стихов далеко не сразу и не всеми было принято в соответствии с их значением.

Валерию Михайлову удалось не только высветить путь стремительного роста М. Лермонтова как поэта, но и опровергнуть многие наветы и ложные выводы биографов, критиков и современников поэта. Могли ли рассмотреть гениальность поэта его современники? Вряд ли. И вовсе не потому, что они были глупы или необразованны. Во-первых, они были ограничены рамками понятий и приличий своего времени. А Лермонтов часто игнорировал эти рамки, выходя далеко за них, что и вызывало осуждение, раздражение, непонимание. Кроме того, М. Лермонтов не только смог заглянуть в будущее, но он и в поэзии своей во многом опередил время. Он как бы шагнул на век вперёд. Да и вообще правильная оценка современниками творений поэта едва ли возможна.

Сергей Есенин, более близкий мне по душевному настрою поэт, не случайно

ведь изрёк: «Лицом к лицу – лица не увидать. Большое видится на расстоянии». Не исключено, что не будь А. С. Пушкина, который творил практически в те же годы, М. Ю. Лермонтов был бы и оценён, и понят скорее. Но ранняя смерть Пушкина лишь усилила внимание к нему как к поэту и современникам, и следующих поколений. А Лермонтов на многие годы остался в тени. Хотя, как показал в книге В. Михайлов, судьба М. Ю. Лермонтова напрямую была связана с судьбой А. С. Пушкина. Не случись дуэли А. С. Пушкина, на которой он получил смертельное ранение, не появилось бы и стихотворение М. Ю. Лермонтова «На смерть поэта». А дальше идёт целая цепь событий, в конце концов приведшая и самого М. Лермонтова к смерти.

А в советский период творчество поэта и вовсе не могло быть истолковано правильно, поскольку толкователи были ограничены уже рамками марксистско-ленинской идеологии, отступления от которой могли стоить жизни почти до середины пятидесятих годов 20 века. Потом ряды толкователей пополнили люди, благополучие которых, в том числе и получение учёных степеней, и получение квартиры, и получение других благ, зависело напрямую от соблюдения идеологических рамок. Затем наступила «перестройка», с вытекающими из этого понятия обстоятельствами. И опять было не до Лермонтова. Но прелесть книги Валерия Михайлова и состоит в том, что он, опираясь на творчество Михаила Лермонтова, показал в том числе и то, что поэт был настолько гениален и настолько силён был его пророческий дар, что он предвидел и раннюю свою смерть (стихотворение «Сон»), и то, что он будет находиться как бы в тени. Помните: «... Смерть моя / Ужасна будет; чуждые края / Ей удивятся, а в родной стране / Все проклянут и память обо мне...»

Как сказал другой русский поэт: «Ничто не вечно под луной». Вот и время забвения творчества русского гения Михаила Юрьевича Лермонтова прошло. Книга Валерия Михайлова «Один меж небом и землёй» замечательна не только тем, что автор извлекает на белый свет множество документов, много цитирует разных критиков, таким образом позволяя нам узнать, что думал по тому или другому поводу В. Белинский или В. Розанов, В. Ключевский или С. Дурылин, в чём не согласен автор с В. Соловьёвым или с И. Андрониковым, почему не согласен с некоторыми

оценками творчества и поступков М. Лермонтова его друзей или просто современников. Не дойдут ведь руки до произведений названных критиков в наше суматошное время. И тем замечательна эта книга, что написана прекрасным поэтом со знанием дела, написана поэтическим языком, вдохновенно, местами запальчиво. Цитировать такого рода книгу, наверное, занятие неблагодарное. И всё же я хочу привести небольшой отрывок авторского текста: «Откуда берётся вдохновение? Этого не знает никто, и прежде всего сам поэт. Нечто, не определимо ни чутьём, ни разумом, ни словом; волны некоей гармонической стихии мироздания и жизни льются через душу, сталкиваясь с нарастающим волнением в ней самой, – и вдруг, соединяясь в силе и мощи, выплёскиваются наружу. Отголоски пережитого, передуманного, прочитанного собираются во мгновение ока в обретенном образе, словно металлическая пыль, соединённая могучим магнитом, и на раскалённом горнеле воображения переплавляются в новое неразъединимое вещество, живую словесную ткань, прочнее которой нет ничего в мире». Только поэт мог дать такое определение вдохновению.

Не раз я слышал, что о поэте должен писать поэт, а не учёный муж, поскольку ему понятны все внутренние процессы и пружины поэтического творчества. Книга Валерия Михайлова о Михаиле Лермонтове «Один меж небом и землёй» – яркое тому подтверждение. Полагаю, что эту книгу было бы полезно прочесть любому поэту, как и любому преподавателю русской литературы. Её экземпляры должны быть в любой библиотеке страны.

К сожалению, тираж книги невелик. Но эта же книга выпущена в Москве в издательстве «Эксмо» под названием «Роковое предчувствие».

И ещё об одном хочу сказать. Книга Валерия Михайлова, на мой взгляд, заслуживает самой высокой оценки и самой престижной литературной премии, коих нынче раздаётся много. Но всегда ли они даются достойным авторам и за достойные книги? Да, Валерий Михайлов живёт и творит за пределами не только Москвы, но и России, что в нынешнее непростое время важно вдвойне, поскольку он делает русское дело, он воссоздаёт разрушенный в постперестроечные времена мостик, соединявший русскую литературу с литературой других народов. И что этого важнее нынче, я не знаю.

Тарханы. Вид на мельницу и пруд

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Саратов-Медиа».

Директор – Владислав Степанов

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Фото Анны Морковиной.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Подписано в печать 23 октября 2014 года.

Дата выхода в свет 31 октября 2014 года.

Журнал отпечатан в типографии ГАУ СМИ СО «Саратов-Медиа».

Адрес типографии: 410031, г. Саратов, ул. Волжская, 28.

Заказ № ГЗ/2310/01.

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Волжская, 28.

Тел. (факс): (845-2) 28-63-49.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Электронная версия журнала: www.saratov-media.ru/add2/php

Сайт: www.saratov-media.ru

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж 1020 экз.

© ГАУ СМИ СО «Саратов-Медиа», 2014.

© «Волга–XXI век», 2014.